Fate/Strange Fake

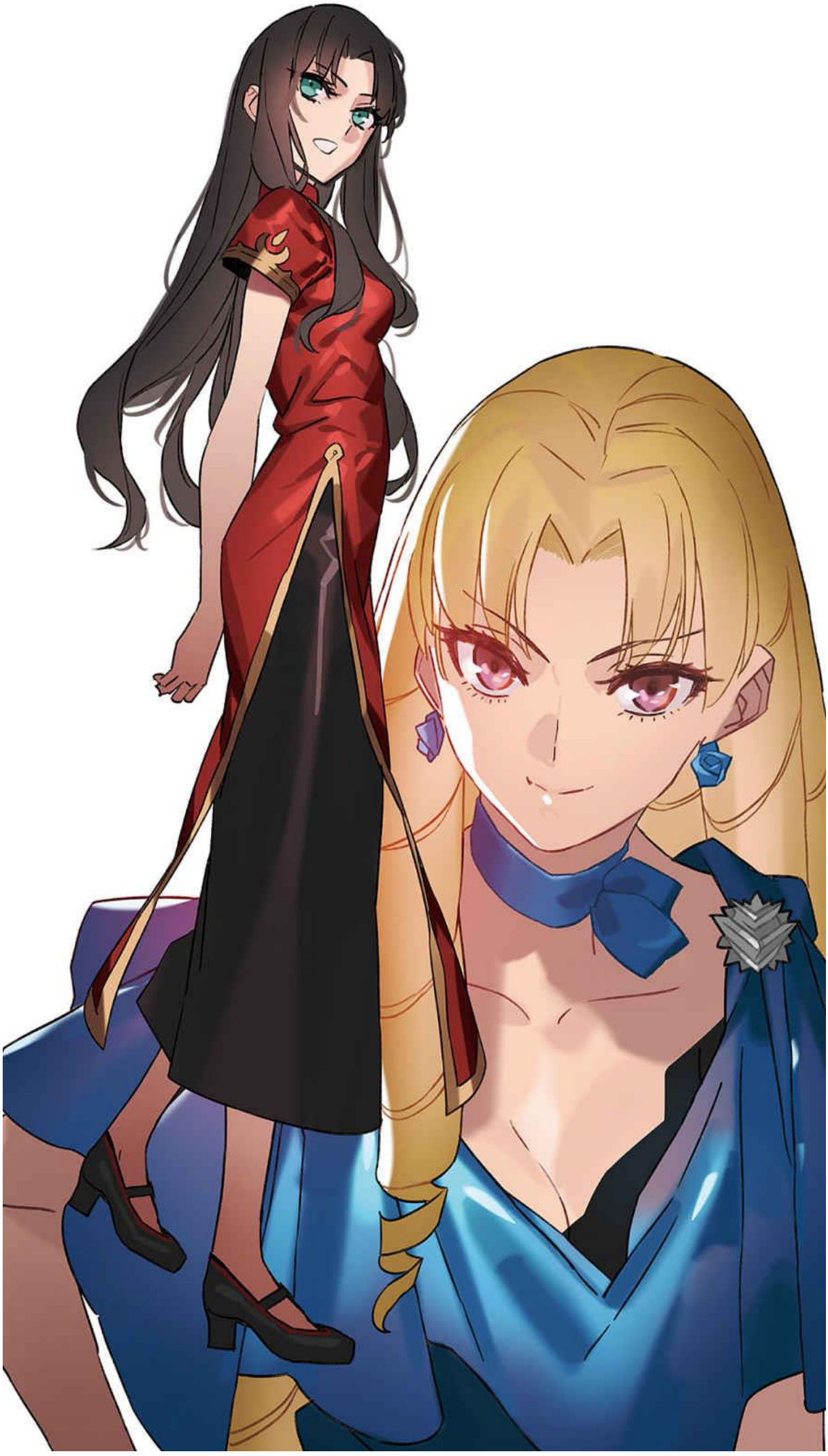
Том 8

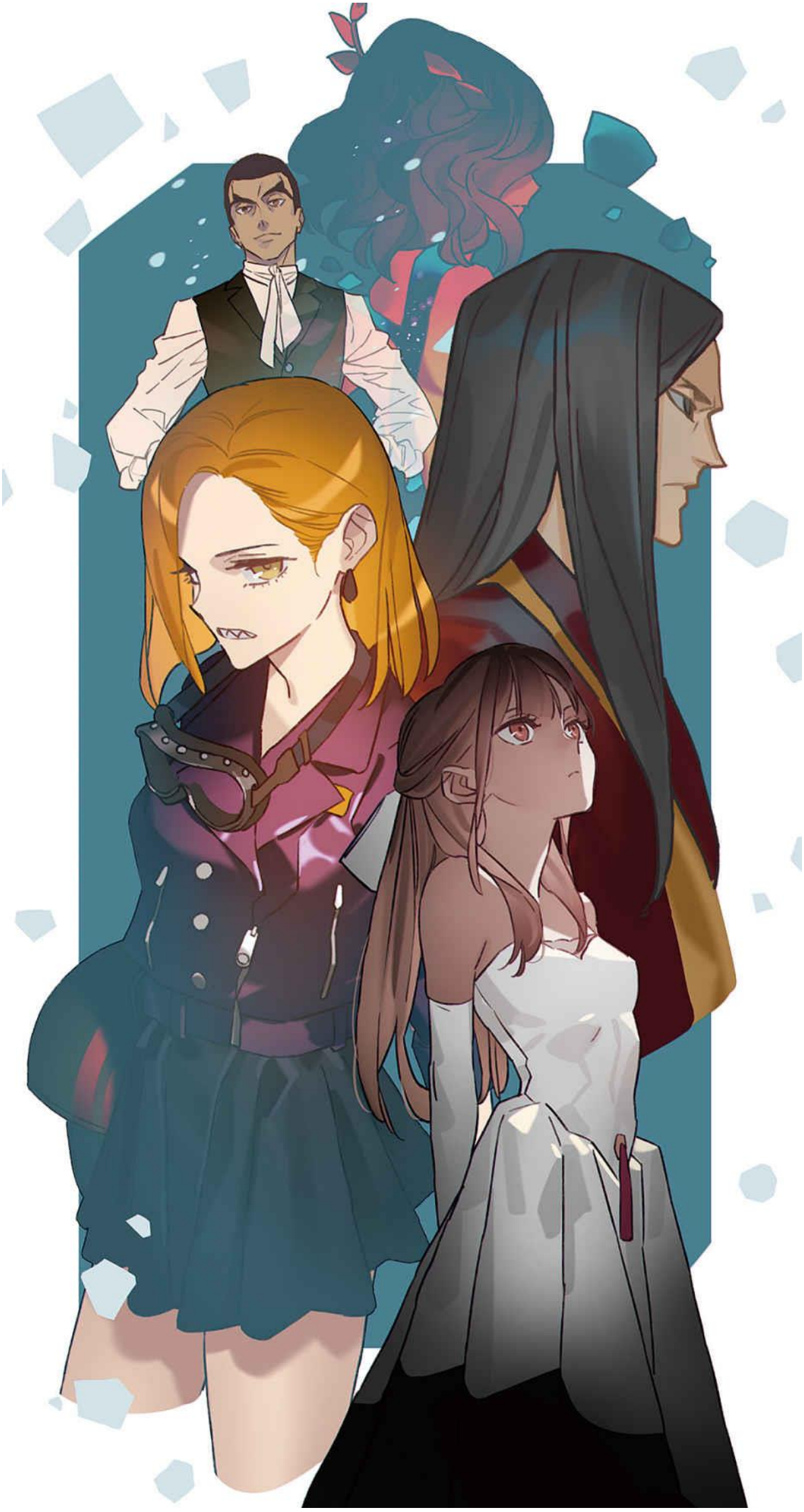
Автор:
Нарита Рёго

Иллюстрации:
Мории Сидзуки

Перевод с английского:
Glass Moon

Перевод с японского:
Comun





—

Лондон. Слова сестры Лорда Эль-Меллоя II.

Не мне, конечно, говорить такое, но мой брат совершенно безумен.

После смерти его предшественника на семью Арчибальд свалился космических размеров долг. Да, такой, что даже у астрономов Анимусфиа перехватило бы дыхание. А он взял и вызвался выплатить его в одиночку.

Конкретнее? Спрашиваете, потому что хотите взять долг на себя?

Да шучу я. Мой брат сказал, что справится сам, и поэтому не допустит, чтобы платил кто-то ещё. Кроме того, в последнее время я вот о чём думаю: лишь моему брату по силам справиться с этим долгом. Хотя даже для него это может оказаться непосильной задачей.

И это только нефинансовые потери вроде гибели его предшественника и повреждения Магической метки. На активы, которых лишились Арчибальды, можно было бы снять дорогущий голливудский мегаблокбастер. Из-за некоторых потерь развалилась бы целая фракция, но одна из них была самой серьёзной.

Кое-какая наша собственность получила повреждения... Такое даже другие Лорды не смогли бы с лёгкостью раздобыть. Этот предмет недаром считался сильнейшим Тайным знаком Эль-Меллоев, пока Кайнет не довёл до совершенства Триммау.

Да... Предыдущий Лорд лишился его в Фуюки, и это стало крупнейшей из наших пяти самых губительных потерь.

Это, конечно, не Святой Грааль... но некоторые маги развязали бы ради него войну.

Ради _____ _____ _____ _____ _____.

Связующая глава
「Лужица」

Пять дней назад. Сноуфилд.

Получив знания от Грааля и воплотившись, Героическая душа Ипполита увидела повсюду сверкающие огни.

Она ощутила поток магической энергии во всём теле, приняла её за энергию от призыва и попыталась обратиться к своему контрактору.

Потому что, как большинство живых существ при появлении на свет понимают, что им нужно дышать, так и она сразу же сообразила, что стала Слугой.

«Я спрашиваю тебя, будешь ли ты идти по этим плодородным землям вместе со мной как Мастер?»

Попытавшись увидеть человека, которому предназначались эти слова, Ипполита сразу же осознала, в какой ситуации оказалась.

Она поняла, что огни и поток магической энергии не были результатом ритуала призыва.

Вспышки от жестоких столкновений.

Скрип костей.

Рёв, вырывающийся из глотки.

Мышцы, лопающиеся от обиды.

Симфония скрежета зубов.

Песнь расширяющихся кровеносных сосудов.

Злобный смех рвущихся связок.

Режущий удар Дробящий удар Колющий удар Сокрушительный удар

Обычная магия Магия огня Магия льда Магия грома

Крики гнева Крики горя Крики боли Крики восторга

Воздух стонал от всевозможных форм раздора и насилия.

Ипполита была царицей амазонок. Вождём племени воительниц. К подобному она привыкла.

Её призвали не к стереотипному ритуальному алтарю, а в самую гущу ожесточённого боя.

— ?..

Она была одной из множества Героических душ Древней Греции, дочерью бога войны Ареса и сильнейшей воительницей, охранявшей храм богини охоты Артемиды.

Поэтому бой попросту не мог выбить её из колеи.

К тому же сражались люди из плоти и крови, а не герои из Эпохи богов.

Но именно это её и смутило.

Если верить знаниям, полученным от Святого Грааля, для призыва Героической души требовались катализатор и заклинание.

В некоторых племенах и религиях существовал ритуал подношения богу войны, но этот был не таким.

Почему её призвали во время боя?

Она подумала, что враг воспользовался моментом и застал призывателя врасплох, но из-за богатого боевого опыта сразу же отвергла это предположение.

«Хм-м… Учитывая масштабы битвы, может… Правильной эту церемонию не назовёшь, но для зова её хватило».

Две фигуры сошлись в бою, а у неё не было причины принимать чью-либо сторону.

Её призвали, но контракт ещё не был заключён.

И поэтому Ипполита наблюдала.

Чтобы понять, что происходило на священных землях её призыва.

Или чтобы определить, чем именно была эта Война за Святой Грааль.

— А-а-а-а-аргх! Всё не сдаёшься? — произнесла одна из фигур – женщина в красном платье – и высвободила Гандр.

Проклятые снаряды словно вылетели из ствола штурмовой винтовки в режиме отсечки по три патрона. Цель увернулась в последний момент, частично растворив бетонную стену за её спиной и обнажив стальную арматуру.

Пока женщина изучала результат своего выстрела, взгляд её тёмных глаз наткнулся на Ипполиту.

— Похоже, *наша гостья* не желает ждать, когда всё закончится. Хочешь продолжить? — добавила она и отпрыгнула назад.

Другая фигура, окутанная чёрным дымом, ответила на вопрос женщины в красном платье свирепым взглядом.

— Ничего, подождёт. Или ты хотела прерваться и попить чаю с Героической душой?

Среди клубов чёрного дыма Ипполита разглядела миловидное лицо с акульими зубами и готическими очками на глазах, украшенными магическими символами.

Её слова переплелись со злобным смехом, но женщина в красном лишь вздохнула и пожала плечами.

— Какая проницательность. Именно это я и собиралась сделать с самого начала.

Свои слова она моментально подкрепила делом.

— Без тебя, разумеется.

Вздох и пожимание плечами были не просто провокацией.

Каждое её движение подстраивало поток од в теле и служило подготовкой для взрывного импульса в суставах и мышцах.

Обычный человек решил бы, что она исчезла. Настолько быстро её фигура сорвалась с места.

Превосходный способ передвижения, сочетающий в себе магическую энергию, технику и всю с огромным трудом развитую физическую силу.

Её стройное тело достигло невероятной скорости в мгновение ока.

Но она уже перевела конечности в следующее положение.

И нанесла врагу идеально поставленный удар тыльной стороной ладони.

Прямо в грудную клетку. Даже обычный такой удар в эту область мог стать смертельным для недостаточно тренированного бойца.

Однако это было ещё не самое худшее.

В начале своего движения женщина в красном выстрелила сгустком проклятия из кончика пальца, сравнялась с ним в скорости и ударом ладони загнала снаряд глубоко в тело соперницы.

— Гха!..

Очки женщины треснули.

Удар пришёлся в грудь, а не в лицо, но он был таким сильным, что волной прошёлся по её телу и повредил украшение.

— Кх... Кх... Ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха!

Угодив под удар и проклятие, которые нокаутировали бы даже чемпиона мира по боксу, женщина в очках восторженно рассмеялась.

— Теперь понятно... Слухи о тебе не врали! Нет, ты даже лучше! Посвящённая!

— Уж не знаю, что за слухи до тебя доходили, но я не только своими атрибутами... А-а!

Женщина в красном – Тосака Рин – увернулась от удара врага, не успев договорить.

— Да уж, виновата!

Удар магессы в очках – Дорис Люсендры – тоже нельзя было назвать обычным.

Первым, на что стоило обратить внимание, были её пальцы, явно не человеческие. Их форма и твёрдость изменились, из-за чего они напоминали когти хищной птицы – или, скорее, фантазменного дркона. Это превращало их в лезвия, способные разрезать человека пополам. Она бросилась на Рин и продолжила атаковать.

Сражение с Дорис осложняло то, что облако чёрного дыма двигалось вместе с ней.

Оно служило не только традиционной маскирующей завесой, но и кандалами, замедляющими движения врага. Порой дым сгущался и превращался в дополнительную конечность, чтобы атаковать Рин.

Семья Люсендра.

Родословная, которая сделала одной из своих конечных целей воспроизведение предположительно вымершего фантазменного вида из Японии, известного как они, с помощью собственных плоти и крови. Последние тысячу лет Люсендра занимались тем, что изменяли свои тела и Магические цепи.

Используя особую форму магии усиления, передававшуюся в семье из поколения в поколение, каждую свою косточку, каждый мускул, каждый нерв, каждый лимфатический проток и каждый кровеносный сосуд они превращали в импровизированные Магические цепи.

Их конечную цель определяло противоречивое стремление заставить уже потерянное прошлое достичь далёкого будущего.

Желая заполучить, понять или переписать утраченное с помощью достижений текущей формы человеческого порядка, многие маги продолжали поддерживать работу двигателей своих родословных.

Дорис Люсендра была одной из тех, кто использовал жизнь и душу в качестве топлива, чтобы достичь конца путей, проложенных предками.

— Сейчас мне очень хочется похвалить тебя, но первым на ум приходит слово «мерзость», — Рин пожала плечами, глядя на полуразрушенные стены, пол и колонны. — Я даже глазом моргнуть не успела, как ты придала этому помещению свой атрибут без всяких Тайных знаков или катализаторов... Хотя нет, думаю, теперь твоё тело само стало и Тайным знаком, и катализатором.

В комнате повсюду были видны следы разрушений. Без магии Рин, конечно, не обошлось, но по большей части их оставило тело Дорис. Всё, чего она коснулась, пропитали остатки сочившейся из неё магической энергии.

Это означало, что чем больше Дорис уничтожала, тем больше магического преимущества давало ей окружение.

Покрытые энергией обломки уже начали резонировать с Дорис. Вся комната выражала своё недоброе намерение устранить нежелательный элемент, коим была Рин.

— Ты величайшая стена на моём пути! Ты достойна узреть все самые сокровенные секреты семьи Люсендра!

— Думаешь, я такая добрая, что позволю тебе устроить демонстрацию?

Её действия были быстрее слов. Рин разместила вокруг себя несколько самоцветов.

— Anfang.

Одновременно с этим словом из пространства между семью парящими драгоценными камнями выплеснулись потоки магической энергии с разными атрибутами.

Затем свет несколько раз отразился внутри самоцветов, то и дело вспыхивая.

Магическая энергия образовала луч света, направленный на Дорис Люсендру.

Заклинание, известное как Клинок семи цветов.

Но больше всего ужасало то, что возникло за её самоцветами.

Вспышка света скрывала пять парящих драгоценных камней, которые образовывали пентаграмму.

Это была магия, доведённая Рин до совершенства под опекой Лорда Эль-Меллоя II: Fünf Sterne im Umlauf.

Практически нечестная техника, которая позволяла Рин, Посвящённой, задействовать заранее подготовленную в самоцветах магию в ответ на вражеское заклинание, что обеспечивало ей преимущество в любом взаимодействии, завязанном на совместимости.

Магический луч самоцветов был лишь отвлекающим манёвром, который дал ей время произнести активирующую арию.

— Не позволю!

Из тела Дорис резко вырвался чёрный туман, чтобы погасить сияние драгоценных камней.

Это была кровь, брызнувшая из вскрытой артерии на запястье.

Хлынувшая, словно из водомёта, жидкость, которая уже приобрела кислотно-чёрный цвет, попыталась уничтожить самоцветы вокруг Рин.

В то же время тело Дорис сильно изменилось.

Её кожа, усиленная ранее до прочности стали, лопнула, а кости правой руки стали превращаться в клинок.

Затем обломки вокруг неё поднялись в воздух и начали собираться вокруг руки Дорис.

Сжатые сталь и бетон постепенно покрыли не только костяной клинок, но и всё руку, образовывая броню. Она увеличивалась в размерах, пока чёрная конечность не стала больше самой Дорис, практически достигая потолка.

После чего...

С искажённым звуком правая рука из обломков, кости, металла и, что самое важное, преобразованных в Магические цепи плоти и крови Дорис устремилась вперёд, чтобы раздавить Рин гигантской ладонью.

Хуже всего было то, что процесс изменения и удар заняли *меньше одной секунды.*

Обычно Рин могла без всяких усилий разложить физические компоненты, завершив заклинание Fünf Sterne im Umlauf.

Но стремительность Дорис не дала ей такой возможности.

Её тщательно оптимизированная скорость телесных изменений и физическая мощь, созданная магией усиления, свели на нет все трюки и уловки.

Даже если бы Рин закончила своё заклинание и попыталась разложить обломки на составляющие, они уже приобрели никак не связанные с магией импульс и массу, остановить которые не могли ни импровизированные барьеры, ни защитная магия.

Заклинание Fünf Sterne im Umlauf было практически неуязвимо.

Но только для *магии,* которая в конечном итоге растворяется в мире. Против реальных явлений вроде особых постоянных проекций, полностью принявшего физическую форму существа из ртути или просто едущего мусоровоза оно было бессильно.

Люсендра ничего не знала про Fünf Sterne im Umlauf, но в глубинах своей одержимости она, сама того не подозревая, нашла достойный ответ величайшему секрету Рин.

— У тебя нет выбора, Тосака Рин! Ты будешь играть по моим правилам!

Последние несколько лет Люсендра пребывали в стремительном упадке.

Не потому что таинство постепенно покидало их.

Они просто *перестарались*.

Люсендра пожирали всё, до чего могли дотянуться, чтобы стать ближе к фантасмагоричным они или их образу жизни.

Предыдущий глава семьи, сильнейший за всю её историю, поедал людей и монстров, иногда даже вампиров. В попытке поглотить бога он отправился в Японию где обитали кланы носителей божественной плоти.

Там он случайно наткнулся на *настоящего демона*. Его убил одноглазый человек, в жилах которого текла густая кровь они.

Люсендра не только лишились большей части Магической метки, но и были вынуждены разбираться с кучей нажитых недоброжелателей – тяжёлыми последствиями их поисков «жертв для поглощения».

Им оставалось либо исчезнуть в безвестности, либо мгновенно пасть под натиском врагов.

Именно тогда к Дорис, единственной, кто ещё не отчаялся, нагрянула Франческа и пригласила принять участие в Войне за Святой Грааль.

Дорис предупредили, что Грааль фальшивый и, скорее всего, не может достичь Истока.

Но ей также сказали, что он в какой-то мере способен выполнять функции устройства, исполняющего желания.

Дорис не стала слепо верить этой истории, но приглашение приняла.

Она полагала, что встреча лицом к лицу с героем из Эпохи богов и последующее установление магической связи стоили того. И что самое важное, если на её зов ответит существо, близкое к божеству, у неё будет шанс сделать его частью своего тела.

Но произошло совсем не это.

Ещё до призыва появился сильный враг, в столкновении с которым Дорис забыла про всё. Война за Святой Грааль, возрождение семьи и планы на будущее – всё это стало незначительным.

Однако она не забыла про своё искусство.

В одном Дорис не сомневалась ни секунды.

Эта магесса была величайшей преградой в её жизни.

Она была уверена, что уничтожение этой преграды поможет отточить магию её семьи.

Она была не против лишиться шанса сразиться с теми, кто *пришли вместе* с Тосакой Рин, или заключить контракт со Слугой.

Именно с такой решимостью Дорис пустила в ход свою Хватку гигантского они.

Этот удар был её абсолютной техникой, способной сокрушить любого врага вне зависимости от магического атрибута.

— Поразительно, — одобрительно кивнула Ипполита при виде магии, в которую Дорис вложила свои сердце и душу. — Однако…

У неё были глаза Героической души воительницы. Они отчётливо видели общую картину.

Ещё до того, как гигантская ладонь полностью сформировалась и начала опускаться, Рин *отказалась от заклинания и драгоценных камней*.

Она рассудила, что её величайшая магия была бесполезна против физической мощи противника.

Рин без раздумий перенаправила половину магической энергии в драгоценных камнях на то, чтобы скрыть себя и создать точку силы, после чего прыгнула к потолку, проскользнув между огромными пальцами.

Любая ошибка – и она стала бы жертвой когтей они, но магесса по имени Тосака Рин избежала челюстей смерти.

«У неё всё было схвачено. Эта магесса… она оценила все возможные варианты и выбрала наилучший».

Рин оглянулась лишь один раз, чтобы с сожалением посмотреть на потраченные зря самоцветы, и оттолкнулась от потолка, направляя векторы своих тела, разума и магической энергии в следующий приём.

Вобрав все излишки энергии из уничтоженных драгоценных камней, она сплела своё любимое заклинание, для которого ей даже не требовалась ария.

Как только Рин начала падать, с кончиков её пальцев сорвалась густая невзгода.

Ипполита поняла, что это было *проклятие,* которое, тем не менее, весьма отличалось от тех, что существовали в её родных землях.

Воительница прежде никогда не слышала слово «Гандр», но, будучи героиней, сражавшейся с бесчисленным количеством демонических зверей и колдунов из Эпохи богов, сразу же поняла, что оно означало.

«Блестяще!»

Гандр был всего лишь проклятием. Искреннего восхищения Ипполиты заслужила изощрённость его использования. Она предположила, что подобное мастерство в использовании магии было вершиной тактического гения современного века.

И на этом бой начал подходить к концу.

— Вот же хитрая!.. — удивлённо воскликнула Дорис, про себя при этом похвалив врага.

Заклинание, которое ранее сотворила Рин, считалось одним из величайших достижений её семьи.

Решение отказаться от него после столь тщательной подготовки было бы непростым даже для самого рационального мага.

Дорис рассудила, что её соперница не только прилежно изучала магию, но и обладала внушительным боевым опытом. Уголки её губ поднялись высоко вверх, и она приготовилась отразить все атаки.

Дорис уже видела такой Гандр много раз.

Это был Выстрел Финна. Так называли Гандр, в который вложили столько магической энергии, что он мог пробить бетон. Поскольку Тосака Рин стреляла ими со скоростью автопушки, ни один обычный человек, вступив с ней в бой, не мог избежать верной смерти.

Даже если тело каким-то чудом выдержит, проклятие проникнет внутрь и остановит сердце.

«Однако теперь моя кожа прочнее стали и выдержит последовательные залпы!»

Дорис окружила себя плотной магической энергией, намереваясь нанести свой самый эффективный встречный удар.

Однако столкновения с Гандром, к которому она приготовилась, так и не произошло.

— ?!

Дорис ощутила укол разочарования, но на замешательство у неё не было времени. Она увидела, что Гандры, слетевшие с кончиков пальцев Рин, перехватило что-то невидимое.

Сначала Дорис подумала, что в бой вмешался кто-то ещё, но быстро поняла, что дело было не в этом. Магическая энергия, излучаемая барьером, совпадала с той, которая окружала её противницу.

То есть его возвела сама Рин.

«Она… удерживает свои Гандры внутри барьера?!»

В своей обычной форме этот барьер был достаточно мощным, чтобы запереть человека в помещении.

Рин же сжала его до размеров футбольного мяча и превратила в клетку для созданных ею Гандров.

Эта клетка, которая стала скороваркой, полной проклятий, сжалась ещё сильнее, прежде чем упасть к ногам Дорис.

Дорис представила себе, как это скопление Гандров взорвётся, и сосредоточила свою магическую энергию в ступнях, чтобы резко отпрыгнуть… *после чего нога Рин со всей силы устремилась вниз*.

Удар в момент отвлечения внимания.

Все мысли Дорис были заняты клеткой с Гандрами, поэтому она на секунду – нет, на мгновение – забыла про Рин.

А для Тосаки Рин, которая однажды пережила Войну за Святой Грааль, противник, теряющий бдительность таким образом, всё равно что проиграл.

Её стиль заключался в том, чтобы необратимо сломить боевой дух врага, и неважно, сдался он или нет.

Рин воспользовалась тем, что Дорис отвлеклась, и вогнала ставший похожим на мяч для гольфа барьер прямо в ногу противницы.

Дорис превратила своё тело вплоть до кровеносных сосудов в импровизированные Магические цепи, а Рин нанесла удар в тот момент, когда она сосредоточила всю свою магическую энергию в ногах для прыжка.

Приём, который можно было сравнить лишь с проклятой пушкой, заряженной картечью с Выстрелами Финна, разворотил стальную броню Дорис, угодив туда, где было открыто максимальное количество каналов энергии.

Ударная волна прокатилась по всему телу Дорис вплоть до макушки. Её очки разлетелись на куски.

— ГХА!..

Дорис закашлялась чёрной кровью и откинулась назад.

Движение Рин перетекло в следующее. Она приготовилась основанием ладони загнать в тело Дорис следующий Гандр вместе с драгоценным камнем, который внезапно появился у неё в руке. *Однако этот удар остановила другая ладонь, возникшая откуда-то сбоку*.

Рин бросила пронизывающий взгляд на ту, кто осмелилась ей помешать. Ипполита посмотрела Рин прямо в глаза.

— Прошу прощения, что мешаю вашему бою… — сказала воительница. Её правая рука без всяких усилий остановила удар, предназначенный для того, чтобы с помощью самоцвета погрузить Гандр прямо в чьё-нибудь нутро.

Рин только что увидела, как кто-то заблокировал мощную атаку, способную свалить огромного слона, но не выказала никаких признаков удивления.

Потому что она знала, что Героические души обладали невероятной силой, о которой современные маги могли только мечтать.

— …но ты уже победила. А истязать того, кто уже не может пошевелиться, я не позволю.

Одновременно со словами Ипполиты у Дорис подкосились ноги, и она рухнула на землю.

Гигантская рука из крови и обломков развалилась, когда магическая энергия, поддерживавшая её форму, рассеялась.

Левая же рука Дорис была сильно повреждена, но благодаря изначальным особенностям её тела кровь уже перестала течь.

— Хм-м-м…

Рин выглядела так, словно это она испытывала Героическую душу. Магесса вздохнула, усмирила свою магическую энергию и отступила, продолжая сжимать в руке драгоценный камень.

— Не нужно мне твоё сострадание, Героическая душа… — прерывисто дыша, еле произнесла Дорис. — Я проиграла и поэтому не против, если победитель поглотит мои плоть, кровь и душу.

Несмотря на то, что её речь прерывал кровавый кашель, судя по лицу, Дорис явно была довольна. Она не могла встать, все её силы уходили только на то, чтобы продолжать говорить.

Глядя на Дорис, Рин с отвращением произнесла:

— Эй, прекращай, я тебе что, стригойка? Или плотоядный динозавр? Не нужна мне твоя жизнь… Хотя показаться наивной я тоже не хочу, так что слушай. Кхм.

Ещё недавно Рин проявляла невероятную жестокость, но теперь её слова звучали совершенно рационально.

— О чём бы мы ни договаривались, командные заклинания появились у тебя. Вряд ли наша гостья обрадуется, если я прикончу тебя без всякой жалости и украду их, словно какой-то бандит… Хотя некоторым Героическим душам это бы понравилось.

Рин посмотрела на воительницу.

Дорис тоже с первого взгляда поняла, какой была Ипполита. Поскольку лишь мышцы лица оставались ей подвластны, она едва заметно улыбнулась и закрыла глаза.

— Это было сокрушительное поражение. Я ни о чём не жалею.

— Рада за тебя. А вот у меня сожалений целая куча. Эх... — прежде чем продолжить, Рин грубо улыбнулась Дорис. — Сколько, по-твоему, камней я на тебя потратила? *Мёртвая ты убытки мне не возместишь, не так ли*?

× ×

— Вот оно что. два мага заключили соглашение перед дуэлью. Полагаю, на кону стоял контракт со мной.

— То, что его закрепляет, если говорить точнее. А именно командные заклинания.

После того, как Ипполиту ввели в курс дела, она увидела Рин в новом свете.

Могучая магесса.

Которой ещё есть куда расти.

У Райдер сложилось простое впечатление, что, несмотря на весь потенциал, Рин уже была чересчур совершенной для своего юного возраста.

И не только она.

— К численному преимуществу вы не прибегаете... — сказала Ипполита, чувствуя присутствие десятков магов снаружи.

— Это от ситуации зависит. Но Война за Святой Грааль ещё даже не началась, если ты не в курсе.

Восприняв слова Рин как сигнал, в помещение вошла группа людей.

— Что ж, Тосака Рин, нам действительно повезло, что она согласилась на *личную* дуэль, связанную магическим договором. Нас и так унизили, когда Свену и Ролану – то есть волку и змее - на днях пришлось договариваться с охотником на зверей Землюпусом, потому что тот оказался им не по зубам. Задавив числом Люсендра и её имитацию они, мы запятнали бы славу нашего учителя, — сказал молодой человек аристократичного вида.

— Какое грубое зрелище. Если бы ты владела приёмами борьбы или просто не скупилась на камни, всё закончилось бы проще и быстрее, — продолжила женщина в синем платье.

Услышав это, Рин ещё раз посмотрела на Дорис, лежавшую среди обломков, и возразила:

— Алё, ты её магию видела? Только благодаря тому, что я действовала быстро и не бросилась с ней бороться, мои кости не похожи сейчас на швейцарский сыр.

— Милое, невежественное дитя. Захваты и броски творят чудеса. С их помощью можно мгновенно обезвреживать врагов голыми руками.

— Из всех, кого я знаю, только ты используешь против магов столь нишевую тактику.

— И этот твой последний удар… Барьер, запечатавший Гандры, был возведён прескверно. Ты что, *опять* думала взорвать всё вокруг, включая себя, случись что?

— В смысле «опять», чёрт побери? Когда это я так поступала?!

Женщины в красном и синем продолжили спорить. Наблюдая со стороны, сложно было сказать, сцепились ли они всерьёз или же просто устроили шутливую перепалку. Аристократичный молодой человек, заговоривший первым, поклонился Ипполите.

— Прошу прощения за столь постыдное поведение моих одноклассниц. Вы Героическая душа, призванная Святым Граалем для участия в этом ритуале, я правильно полагаю?

Увидев его элегантную осанку и совершенную гармонию потоков магической энергии, Ипполита убедилась в одном:

Все эти люди, как и Рин, были бриллиантами, отполированными не по возрасту.

Однако что-то ещё общего между ними ей найти не удалось.

И поэтому Ипполита задала один вопрос, прежде чем вообще говорить о контракте и что-либо требовать.

— Вы не похожи на сплочённую группу. Что вас связывает?

Статус царицы и опыт руководства отрядом воительниц только усилили её любопытство относительно того, на чём держался этот странный коллектив.

Тосака Рин задумалась на секунду, прежде чем ответить.

— Вряд ли нас можно описать как-то иначе… но все мы подопечные одного учителя.

Этот ответ соединил все точки воедино.

— Понятно… Должно быть, он весьма способный наставник. Совсем как всем известный Хирон из моей эпохи.

Молодые люди переглянулись. Кто-то сразу же кивнул, но многие молча покачали головами, пытаясь сдержать смех.

— Не могу сказать наверняка… но мне кажется, что он полная противоположность мифическому Хирону.

× ×

Жил-был человек, которого звали Лорд Эль-Меллой II.

Если количество магической энергии в чьём-то теле можно было описать как реку или океан, то в этом маге плескалась *лужица*.

Однажды он принял участие в магическом ритуале в землях Японии и сумел выжить, хоть и был всего лишь начинающим магом.

Любой обычный ритуал закончился бы без всяких опасных для жизни инцидентов.

Проблема в том, что этот, по сути, представлял собой дуэли магов. Слухи также твердили о воплощении устройства, исполняющего желания. Самые эзотеричные

высказывания гласили, что этот ритуал был ключевым для мира магии. Что он, скорее всего, даже поможет достичь Истока. Война за Святой Грааль.

Когда ему удалось пережить ритуал, он был ещё мальчиком. Спустя годы он стал Лордом Часовой башни.

В той же Войне за Святой Грааль лишился жизни Кайнет Эль-Меллой Арчибальд.

Унаследовав его должность – и все долги семьи Арчибальд, появившиеся после его смерти – молодой человек столкнулся с множеством загадочных дел и невероятных приключений, но это совсем другая история, никак не связанная с ритуалом в Сноуфилде.

Для этого фальшивого ритуала Войны за Святой Грааль важно было то, что его предшественник Кайнет лишился *всего* в землях Фуюки.

И те, кто вырос под крылом этого человека, унаследовавшего фамилию Эль-Меллой.

Класс Эль-Меллоев.

Ученики, которых воспитал Эль-Меллой II, будучи преподавателем на факультете современной магии.

Эль-Меллой II не считал себя тем, кто их вырастил. Он часто бормотал, что талантливые люди сами вырываются из своих оболочек, достаточно лишь немного их поддержать и подтолкнуть в нужном направлении. Он искренне им завидовал.

Но факт оставался фактом - класс свёл вместе много одарённых молодых магов.

Из всех Лордов Часовой башни он считался наименее влиятельным, а среди учеников лишь немногие были полностью связаны с классом из-за фракционной политики.

Однако говорят, что все те, кто оставались в классе до окончания учёбы, достигли самых высоких рангов в Часовой башне – стали Прайдами или Брандами – а те, кто продолжил обучение на других факультетах, также обрели широкую известность и получали щедрую похвалу.

Как следствие, несмотря на то, что в классе Эль-Меллоев было всего около пятидесяти выпускников, другие факультеты всех фракций, насчитывавшие сотни и тысячи человек, их боялись. По общему мнению, если они начнут действовать, то это изменит Часовую башню.

Эта оценка была занозой в боку Лорда Эль-Меллоя II, но из-за немного эксцентричного характера он держался за свой нежеланный статус Лорда.

Поэтому у его учеников сложились о нём самые разные мнения. Некоторые фанатично обожали своего учителя, в то время как другие искренне ненавидели его вплоть до желания убить. Одна даже предала бы его без угрызений совести, при этом открыто заявляя о своём желании стать его возлюбленной.

Но для большинства учеников Лорд Эль-Меллой II был просто хорошим наставником.

Не безупречным мастером.

Не беспорочным сверхчеловеком.

Он вовсе не святой. Сорняк, пытающийся помочь хорошим цветам вырасти.

Попроси любого ученика перечислить худшие стороны Лорда Эль-Меллоя II, и он обязательно что-нибудь назовёт, стараясь не рассмеяться.

Однако в большинстве своём они понимали одно:

Хорошо это или нет, но они стали теми, кем являются сегодня, лишь благодаря тому, что их наставником был Эль-Меллой II.

Да, сравнение с лужицой очень уместно.

Но для них эта лужица ценнее любой реки или океана.

Она отражает того, кто в неё смотрит. Рябь на воде может исказить образ.

Лужица меняет жизни людей тем или иным образом.

Безусловно, благо для магов, постоянно стремящихся к совершенству...

...но и также самое неприятное проклятие.

Глава 24
「Умолкни, ____」

Далёкое прошлое.

В этот мавзолей вело множество путей.

Хотя, глядя на то, что находилось в их конце, можно было сказать, что они ничем не отличались друг от друга.

Некоторые называли священные земли горы колокольней, благословляющей естественный конец жизни. Для других же они были *порогом* подземного мира.

Эти земли являли собой воплощение концепции, к которой в конечном итоге придёт всё живое в этом мире. Но в то же время на них нельзя было ступить, не миновав ущелье, которого все избегали.

Мавзолей Азраила.

Их тех, кому действительно удалось оказаться на этой горе, лишь немногие добрались до *конца и начала* на её вершине.

Дело далеко не в самом пути. Большинство живущих в мимолётном мире даже не знают, существует этот храм на самом деле или нет.

Потому что, достигнув сего места, человек прекращает свою жизнь в этом мире.

Опасности самого пути тоже могут привести к гибели.

Но суть не в этом.

Человек поистине теряет жизнь, как только добирается до этого места целым и невредимым.

Ибо награда для тех, кто прибывает в мавзолей, - это колокол, возвещающий буквальный конец их естественной жизни. Вечерний звон и мерцание клинка, призывающие к мирному покою.

В этом месте упокоения духов во все времена обитает лишь один человек.

Старик без лица. Жив он или же просто решил остаться здесь после смерти, понять невозможно.

Вестник смерти, которого старейшины ассасинов, известные как Хассан ибн Саббах, почитают и бесконечно уважают.

Проклятая рука.

Опьяняющий дым.

Безмятежность.

Теневое свежевание.

Дрожащая трубка.

Сто лиц.

На протяжении поколений старейшины ордена ассасинов обладали уникальными эпитетами и навыками убийства, соответствующими этим именам.

Старик с горы был единственным, кто таким не обладал. Он считался основателем ордена, самой его идеей.

Недостижимая звезда, незримый закон, неизбежный *палач* восемнадцати старейшин, последовавших за ним.

Деградация Хассана ибн Саббаха в каждом поколении не допускалась.

Стоило ему или ей отбросить мораль и погрязнуть в человеческих удовольствиях, великие цели превращались в личные желания и начинали противоречить догматам.

И поскольку терпеть такое было нельзя, к Хассанам являлся Старик вместе со звоном вечернего колокола.

К одним, потому что их навыки убийства притупились из-за возраста или вырождения.

К другим, потому что их поглотила скверна желания.

Чтобы отправить их в вечную тьму своим клинком, не ведающим жалости, словно сама смерть, которая рано или поздно приходит к каждому.

Настоящие старейшины ордена ассасинов должны целиком посвятить себя догматам и сковать своё эго именем Хассан.

Как только они по той или иной причине перестают соблюдать эти условия, их жизнь подходит к концу.

Им не нужно добираться до мавзолея. Старик появится за спиной Хассанов, сошедших с правильного пути, где бы они ни были.

Словно настоящий мавзолей Азраила – это он сам.

Поэтому, несмотря на то, что все старейшины ордена ассасинов слышали про духовный мавзолей, лишь единицы, почувствовав, что сыграли свою роль, отправлялись туда, чтобы добровольно расстаться с жизнью.

Однако в бесконечном потоке времени может появиться кто-то, готовый бросить вызов сильным ветрам разума.

Полая фигура была *не такой, как другие*.

Тень пересекла туманное ущелье в засушливом регионе, словно марево.

Будучи явно живым, он был закован в ауру, намекавшую на то, что ему довелось ступить на границу между миром мимолётным и миром подземным, смешавшись с обоими. Эта фигура просто двигалась вперёд, вперёд, вперёд, вперёд...

Преодолев множество испытаний и тягот, тень добралась до мавзолея.

И наконец-то предстала перед его стражем, *стариком без лица*.

Купаясь в присутствии Старика, напоминавшего смерть во плоти, тень лишь произнесла слова уважения к этому почтенному месту.

Для этой фигуры, которая даже ассасином не была, не говоря уж о старейшине ордена, *жизнь закончилась прежде, чем ей довелось услышать вечерний колокол*.

После время продолжило идти своим чередом.

Двести лет. Пятьсот лет. Минуло достаточно времени, чтобы тень великого древа исчезла без следа.

Достаточно времени, чтобы тень рока оставила на мире подпалину.

× ×

Несколько дней назад.

— Чего ты хочешь от Святого Грааля, Ассасин? — спросил Мастер, заключивший контракт с тенью в этой Войне за Святой Грааль в промежутке между истиной и ложью.

Он прекрасно понимал, что его Слуга не отличался разговорчивостью.

Но после заключения контракта Мастер начал именно с этого вопроса. В попытке узнать хотя бы что-нибудь о природе его Слуги… или найти его слабость.

В обычной Войне за Святой Грааль большинство Героических душ откликаются на зов, потому что у них есть какое-то желание, которое Грааль может исполнить.

Цель Мастера призванной тени заключалась в том, чтобы как можно быстрее и эффективнее узнать своего партнёра через понимание главной причины его присутствия.

Тень воплотилась в классе Ассасин. Эта Героическая душа по имени Хассан ибн Саббах была аномалией в глазах Мастера, который многое знал о Войне за Святой Грааль.

Ведь даже он сам не мог видеть количество магической энергии своего Слуги, не говоря уж о физических способностях.

Судя по его словам, Ассасин явно испытывал своего Мастера. Любой неверный ответ мог легко привести к обезглавливанию во сне.

Мастер мог ограничить действия Слуги с помощью командного заклинания, но из-за зловещести Ассасина он верил, что сковывание этой Героической души подобным образом требовало готовности лишиться всего.

В содержании приказа не могло быть даже намёка на ошибку.

«Эта Героическая душа вообще не боится своего исчезновения… своей второй смерти».

Только это ему удалось понять с тех пор, как они заключили контракт.

Поэтому Слуга и был таким зловещим.

Что здесь забыл тот, кто не боится смерти, кто готов уйти без сожалений?

На данном этапе он всё ещё не знал, что делать. Использовать своего Слугу? Или же готовиться к его мятежу? Мастеру не хватало информации.

Поэтому, даже несмотря на то, что Слуга увидит просчитанный личный интерес, Мастер всё равно решил спросить.

— Можешь сказать? Если твоё желание противоречит моему, я знаю, как нам достичь честного компромисса.

Несмотря на то, что он придал искренности своим словам, тень ничего не сказала.

Мастер слышал лишь гудение компьютерного монитора, с которого он не сводил глаз. Его подсознание уловило слова, пронёсшиеся по краям экрана.

Словно сама мысль о том, чтобы произнести их вслух, не вызывала у тени ничего, кроме презрения.

«Исполнителя желаний не существует в моих учениях...»

— ?..

«На моём пути нет ему места, ибо тронут он скверной изначально, и поэтому я здесь».

Мерцающие слова в потоке букв походили на загадку. Слуга использовал термин «исполнитель желаний», что было практически символической функцией. Он как будто намеренно избегал слов «Святой Грааль».

Тень просто оставила новую строку на экране и растворилась во мраке города, не дожидаясь ответа от Мастера.

«Свет сего исполнителя желаний не достигает меня, и я, сама тень, никогда его не коснусь».

И затем он скользнул во тьму ритуала.

В равной степени оценивая тени всех, кого освещал Святой Грааль.

Даже после призыва в качестве Героической души его сознание осталось прежним.

Эта «личность» - всего лишь тень Старика, возникшая из-за блеска.

Блеска клинка, который отсёк ему голову.

Он был не Стариком с горы, а тенью, которая только подражала его воле.

× ×

Настоящее.

Тень оставалась на месте, слившись с лесом Сноуфилда, который превратился в адский пейзаж с месопотамской богиней, её божественным зверем и демоническим существом в центре.

Чтобы убедиться, что его роль подошла к концу.

Он полагал, что если это был конец света, то возвращение в вечную ночь вместе со всем человеческим порядком тоже было частью его роли.

Однако... в глазах тени отразился образ Ассасин.

Искательницы правды, которая, несмотря на все тяжести, шла по пути, в который верила, но не получала ответа.

× ×

Специальный исправительный центр Коулсмана.

— Как дела с отключением связи? — спросил Фалдеус.

— Идём по графику. Городская телефонная вышка скоро отсечёт как гражданские, так и военные линии. Мы полностью готовы заглушить все

беспроводные передачи, кроме тех, в которых используется магия, — доложила Алдора.

— «Ураган опрокинул вышку». Вполне годное прикрытие. Мы столько раз сваливали всю вину на газовую компанию, что мне даже стало её жаль, — пожав плечами, сказал Фалдеус.

— Как поступить с отрядами «Пяденица» и «Барсук» в пустыне и районе болот? — бесстрастно спросила Алдора.

— Пусть ждут приказов. Они расходный материал, да и любое неосторожное действие вызовет у них подозрения. *Дешёвые заклинатели и наёмники мало что могут сделать в сложившейся ситуации*.

× ×

Запад Сноуфилда. Новый храм Иштар.

При виде падающих с неба остатков того, что прежде было современным оружием, из груди Ассасин вырвался стон.

— Весьма впечатляет... ты, ересь во плоти!

Кровососущий монстр, за которым она гонялась, стоял прямо перед ней, но все мысли о нём всего на мгновение, но полностью покинули её голову.

Однако то же самое было верно и для врага Ассасин – призвавшего её вампира Джестера Картура. Несмотря на всю глубину его одержимости, Ассасин стёрлась из всех его чувств.

Нет, было бы правильнее сказать, что их взоры насильно привлекло нечто иное.

То, что произошло, когда предполагаемая богиня проявила свою силу, не просто завладело вниманием Ассасин и вампира. Им казалось, что сами их души оказались под чужой властью.

Она не чувствовала ног. Её внезапно бросило в темноту, где не существовало силы притяжения. Здравый смысл, менявшийся с каждой секундой, твердил, что ничего, кроме храма, попросту не существовало. Возможно, она оставалась в сознании лишь благодаря истовой вере и силе духа.

Настолько непреодолимая мощь – или, возможно, концепция под названием «красота» - переполняла величественное строение перед ней. Новый храм Иштар.

Несите почтение и обожание.
Неба лазурного свод необъятен.
Несите кощунство и осквернение.
Слов смысл гаснет в молний лавине,
В подлинной силе они исчезают.
В невежестве жизнь, поиск равен проклятью.
Ветер безумный всё разрешит.
Небо лазурное всё запретит.

Любая звезда, что в высотах сияет,
Образ богини Иштар отражает
И урожая сезон предвещает.
Жизни, что эта земля породила,
Ввысь устремятся к родному светилу
И, слившись в яром экстазе совместном,
В сфере небесной займут своё место.
Скорбно планета слёзы проронит
И зелень с колосьями ими омоет.
Морю, что в гневе бурлит, почитание.
Посевам, горящим в огне, обожание.
Венеры далёкой сила струится,
Могучим потоком с неба стремится,
И в блеске славы, как только хаос стихнет,
Под новой личиною земли подымет.

Последней богиней Иштар наша станет,
Что милость свою на творенье направит.
Запреты исчезнут, свобода воспрянет,
Иштар всё дозволит, за всё покарает.
Несите почтение и обожание,
Богиня любви она и урожая.
Несите кощунство и осквернение,
Грядущий сезон нам сулит восхищение.

Вокруг храма разносилось нечто, похожее на ритуальную молитву.

Слова, возвещающие наступление новой эпохи, слетали с уст Харли, которая стала главной жрицей нового храма Иштар.

Она ни к кому не обращалась. Девушке внимало её сердце.

Харли видела лишь противящихся богине глупцов, на которых обрушилось знание. Знание того, что современное оружие бессильно перед чарами Иштар. Знание того, как жалко оно упало на землю.

А богиня, которой поклонялась Харли, находилась над храмом.

Иштар, явившаяся в сосуде по имени Филия, властно взирала на земли, всем своим видом показывая, что Джестер и Ассасин перестали её интересовать.

— Ладно.

И затем она огласила свою божественную волю. Не только Джестеру и Ассасин, но и всем магам и Героическим душам, участвующим в Войне за Святой Грааль, возможно, всем жителям Сноуфилда… нет, всему сущему на планете, не ограниченному категориями земли и человечества.

— *Дозволяю встать на колени*.

Невероятно надменные слова.

Произнесённые, однако, могущественным голосом.

Необоснованный приговор разнёсся по землям, словно непреложная истина.

Плодородие.

Одно лишь её присутствие несло миру обильные урожаи.

Лесной воздух был им насыщен.

Всё будто достигло совершенства. Завершения.

Богиня излучала уникальную ауру, вызывавшую экстаз и покорность.

Храм Иштар усиливал её милость, превращая в ветер, переполняемый ощущением того, что наступил конец времён. И этот ветер начал свой путь по всему миру.

Направлял его Небесный бык, божественный зверь, возвышавшийся над западной стороной Сноуфилда.

Достроенный храм стал стержнем нового порядка. Разъедание мира Сингулярностью, созданной в этом лесу, казалось неизбежным.

Но оно встретит некоторое сопротивление.

Будет ли оно исходить от силы самоочищения или от коллективной борьбы обречённых слабаков? Ответ пока не ясен.

Одна частица предстоящего отпора находилась в районе болот в противоположной части Сноуфилда и истошно орала.

× ×

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-А-А-А-А-А-А-А!

Над болотами Сноуфилда эхом разносились потешные вопли.

— Ты там как, Аяка? Можем и пешком добраться, если для тебя это чересчур!..

— Всё н-н-нормально. Надо с-с-спешить!

Причина панических криков Аяки Садзё заключалась в том, что она направлялась на север города верхом на лошади.

Вместе с Сэйбером, за которого Аяка крепко держалась, они пересекали заболоченную местность с невероятной скоростью.

Лошадь, видимо, позаимствованная у одной из духовных основ, которые Сэйбер называл своей «свитой», двигалась ровно и почти не раскачивалась, в отличие от обычного скакуна.

Аяка кричала лишь из-за скорости, испытывать которую ей прежде не доводилось, но она ни разу не попросила Сэйбера замедлиться.

Просто дошло до того, что даже она, ничего не знающая про магию, чувствовала в городе что-то неладное.

На западе возвышалась неподвижная стена настолько плотных облаков, что за ними как будто ничего не существовало, а в новостях сообщали о необычных явлениях по всему миру, особенно выделяя Арктику.

В довершение всего к ней нагрянула Слуга, с которой она ни разу не общалась, и передала приглашение её Мастера организовать единый фронт.

Обычный маг решил бы, что это ловушка, но Аяке подобная мысль даже в голову не пришла.

Вот только дилетантке вроде неё не удалось бы удержать базу, если бы её действительно решили осадить.

Если бы она попросила Сэйбера, то он бы предложил какой-нибудь план, но идея единого фронта ему явно понравилась. Аяка не видела причины ему возражать, к тому же посетившая их «Райдер» не произвела впечатление опасной женщины, что и повлияло на её решение.

Воительница показалась Аяке гораздо надёжнее других Героических душ, которых она видела у больницы, или демонических зверей из мира-барьера.

Разумеется, Аяка проявляла некоторую осторожность и не принимала каждое слово гостьи за чистую монету.

Цепляясь за Сэйбера, она бросила взгляд на лошадь Райдер, скакавшую рядом.

Она без проблем поспевала за ними. Во всяком случае, скакун Сэйбера, казалось, напрягался гораздо больше.

Поскольку гостья упомянула свой класс, Аяка пришла к элементарному выводу, что она зовётся Райдер из-за выдающихся навыков верховой езды.

Сэйбер тоже выразил свой восторг.

— Поразительно! А я считал себя хорошим наездником. Подумать только, ты можешь достичь такой скорости без всяких стремян и седла!

— Столь искреннее восхищение меня немного смущает, но спасибо. Моё племя относится к лошадям как к товарищам и гордится этим, — ответила Райдер, направив любопытный взор на Героическую душу, которая с мальчишечьей честностью не поскупилась на похвалу.

Райдер была счастлива, что её скакун получил больше признания, чем она сама.

— Эй, стоит ли вот так намекать на своё имя?

— Это не проблема. Разумеется, я не стану представляться без причины, но Мастер разрешил мне раскрывать настоящее имя. К тому же… *враги* уже знают, кто я такая.

— Враги? Те, что призвали сюда этот огромный ураган? — спросил Сэйбер, посмотрев на запад.

— Нет. Они лишь *препятствия*, которые наш единый фронт должен устранить, — отвергла его предположение Райдер и закрыла глаза, прежде чем продолжить. — Единственные *враги* в глаза моего Мастера – зачинщики этой Войны за Грааль.

То, что она сказала «в глазах моего Мастера» вместо «в моих глазах», заинтриговало Сэйбера, но он решил промолчать.

Потому что больше всего его интересовала Война за Святой Грааль, в которой он должен сражаться, а не личные битвы других людей.

— Ясно! Что ж, я желаю тебе удачи в бою, и неважно, будешь ли ты моим врагом или союзником!

Глядя на скакавшего рядом Сэйбера, который заявил такое с широкой улыбкой на лице, Ипполита задумалась.

«Этот человек… вроде бы легкомысленный… но он, должно быть, был полководцем или монархом. Наверное, мне так кажется, потому что он живёт здесь и сейчас».

Они совсем недавно встретились лично, но Ипполита уже видела Сэйбера раньше.

Она наблюдала издалека за тем, как Сэйбер сражался против золотого царя. Он хоть и проиграл, но проявил невероятные навыки владения мечом.

У него были глаза генерала, следящего за всем вокруг, не только за воинами.

В бою Сэйбер словно всегда прибегал к первому, что приходило в голову, но каждый раз выбирал наилучший путь и шёл к цели со скоростью, которая казалась божественной.

Она предположила, что он либо придерживался долгосрочных стратегий, либо тесно сотрудничал с тактиком, думавшим за него, но ему в любом случае удавалось доминировать на обширной территории.

«Если он станет врагом, то очень грозным».

Она больше не стремилась заполучить Святой Грааль.

В этом не было смысла.

Потому что человек, которому она собиралась с помощью желания выразить свою волю, тоже воплотился в этой Войне за Святой Грааль в виде мстителя.

«Этот Сэйбер и его Мастер знают, что Героические души призвали для того, чтобы принести в жертву и насытить исполнитель желаний?»

Именно в этот момент Ипполита обратила свой взор на Мастера Сэйбера.

На вид ей было от семнадцати до двадцати пяти лет.

Ипполита осознала, что не может понять, кем была эта женщина.

«Её присутствие… она вообще *человек*?»

Поколебавшись немного, Ипполита сделала вывод, что ей не нужно на этом зацикливаться, и посмотрела вперёд.

Она знала, что они вот-вот покинут район болот и доберутся до ущелья.

«У моего Мастера найдётся гораздо более надёжный ответ, чем у меня».

— Мы почти на месте. Помните, у нас нет намерений становиться вашими врагами. Останется ли оно так после того, как наш союз подойдёт к концу, будет целиком зависеть от ваших целей, но, по крайней мере… Что?!

Ипполита резко оборвала предложение и посмотрела на город.

Вдалеке она увидела дым, поднимавшийся над промышленным районом.

И там, откуда он исходил, ощутила присутствие *врага*.

Оно изменилось, стало ещё более необычным, более зловещим, чем во время их последней битвы, а уровень магической энергии повысился в разы.

Возможно, ощутив то же самое, Сэйбер повернул голову и закричал:

— Ого, там творится что-то потрясное!

Начало битвы не собиралось ждать, пока Сэйбер и Аяка объединятся с Мастерами Ипполиты.

Вестником этого хаоса стал Благородный Фантазм Арчера, жаждущего отомстить богам.

× ×

Сноуфилд. Промышленный район.

Самая высокая труба в округе.

Поскольку последние несколько дней заводы не работали либо из-за местных раздоров, либо из-за урагана, от неё не исходили ни дым, ни жар.

Вместо этого она излучала зловещее и в то же время героическое присутствие.

— Эхо, цепляющееся за божественность.

Извращённая магическая энергия, которая напоминала грязь, начала собираться на его руке, сжимавшей лук.

Внутри его могучей духовной основы поглощали и уничтожали друг друга яд гидры и чёрная грязь.

— Пусть этот выстрел, плод доведённого до совершенства боевого искусства, сожжёт твоё пустое нутро.

Герой собственными силами распределял два вещества по телу. Алкид приступил к своей мести богам.

Отстрел сотни голов

— Девять жизней.

Благородный Фантазм, который несколько дней назад поразил Гильгамеша на улице перед больницей.

Однако теперь Алкид освободился от всех возможных оков, а его Мастер Баздилот предоставил ему столько магической энергии, сколько смог. В результате Благородный Фантазм воплотился в совершенно иной форме.

Стоя на узкой трубе, Алкид натянул тетиву.

Магическая энергия сразу же начала покидать территорию, на которой находился завод, и проникать в тело Алкида через трубу.

Она словно выкачивала кровь из земли.

Иллюзии Благородного Фантазма Прелати спали, и соседние заводы начали постепенно принимать первоначальный вид – руины, которые оставила после себя Слуга Харли Берсеркер.

Труба, на которой стоял Алкид, была единственным, чему он намеренно сохранил форму с помощью объёмной смеси грязи и магической энергии. Лучник преобразовал её в тёмную башню, напоминавшую огромное дерево.

На тетиву были наложены девять стрел.

В руках он держал большой лук, созданный в эпоху мощных таинств и впитавший в себя кровь и энергию множества врагов, сражённых им на бесчисленных полях сражений.

Известно, что Филоктет унаследовал этот демонический лук от Геракла и застрелил из него троянского героя Париса.

Оружие требовало внушительной физической силы вкупе с навыками Арчера. Обычная Героическая душа не смогла бы даже справиться с прочной, словно адамант, тетивой.

Он же без всяких усилий натянул её до предела, направил девять стрел на запад и выстрелил.

Всё выглядело так, будто этот мужчина пытался разогнать своими снарядами надвигавшийся ураган, но прежде чем эта комичная идея успела вызвать у кого-либо смех, стрелы подверглись заметному изменению.

Магическая энергия, покрытая тёмной грязью, вступила в сложную реакцию с ядом гидры на наконечниках стрел, создавая чудовищное искажение пространства по мере того, как они пересекали промежутки между землёй и небом.

Раздался оглушительный звук, и облака взметнувшейся в воздух пыли окутали искажение, принимая форму чёрного колосса.

Гидра.

Траектории стрел стали девятью челюстями, жаждущими откусить от мира кусок, как и легендарный змей когда-то, которого он отправил в могилу.

Обычный человек увидел бы лишь чёрную песчаную бурю, но любой хотя бы немного чувствительный к магической энергии понимал всю её аномальность.

Это была не иллюзия, и уж точно не магия призыва.

Из-за смешения потрясающих техник, которые всегда готовый к бою герой оттачивал всю свою жизнь, зловещего проклятия в виде чёрной жижи, полученного в обмен на божественную ауру, и огромного количества магической энергии, предоставленной Мастером, Девять жизней наконец-то смогли явить миру своего старого врага.

Излишне говорить, что это была не настоящая гидра, а всего лишь почти чудесное явление, порождённое частью Благородного Фантазма, который упокоил легендарного ядовитого змея.

Эта сила пересекла мир, подчиняя законы судьбы и физики своей воле.

И всё ради того, чтобы вцепиться зубами в настоящую богиню, пытавшуюся захватить мировой порядок.

Мстительный лучник не стал смотреть, куда направятся ядовитые змеи, и приготовил следующую пачку стрел.

На его руке был насыщенный силой бога войны пояс, аналогичный тому, который носила Ипполита.

Однако чёрная грязь опутала и поработила эту божественную мощь. Теперь пояс лишь безмолвно посылал нескончаемый поток сырой энергии в лук и стрелы.

— Это проклятие… хорошо сочетается с моим телом.

Чуждая магическая энергия слилась с его собственной.

Наблюдая за потоком, который кричал о своей обиде и проклинал всё на свете, Алкид сказал себе:

— Возможно, моё предыдущее воплощение вступало с ней в контакт, но всё это неважно.

Затем он обратился к «краеугольному камню» в сердце «чёрной грязи», просачивавшейся в его тело. К сути этой массы проклятий, которая всегда казалось ему странно знакомой.

— Я не могу даже предположить, сколько концентрированных человеческих грехов в тебе кипит. Знаю лишь, что ты существуешь только для того, чтобы проклинать людей. Прости, но я подгоню твою силу под мою злобу.

Алкид натянул тетиву, вновь вливая магическую энергию в свой лук.

Кровь, хлынувшая из его рта, смешалась с тёмной грязью.

Яд гидры пожирал его, и он прекрасный понимал, что время было на исходе.

Эта отрава когда-то довела его до самоубийства.

Теперь она пропитывала стрелы, который мститель без малейших колебаний отправил в полёт.

— Можешь забрать моё мёртвое тело.

«Грязь» зашевелилась, как будто живая, и Алкид улыбнулся ей, словно они были старыми друзьями.

— Проклинай меня сколько угодно. Меня, отказавшегося от божественности и вернувшегося к человечеству.

× ×

Перед новым храмом Иштар.

Разрушение неумолимо приближалось.

Необъятный поток силы надвигался на храм Иштар. Он стремительно увеличивался в размерах, поглощая не только лесные деревья, но и саму божественную ауру, накрывшую округу.

Девять стрел, окутанных слоями пыли, проклятия и миазм в форме гидры, за которыми следовала очередная масса энергии.

Головы ветряного змея, каждая толщиной со здание, стремились целиком проглотить храм Иштар и богиню, которой в нём поклонялись.

Стрелы изменили траекторию перед храмом; девять голов раскинулись в разные стороны и взмыли в небо, после чего начали внезапное падение, нацелившись на строение, словно самонаводящиеся ракеты.

В результате прямого попадания поток силы бы не только причинил земле невероятные физические разрушение, но и распространил проклятие со смертельным ядом, поправ владения богини с максимальной жестокостью.

Однако эту сверхзвуковую погибель остановили один страж и один божественный зверь.

Ореол Слуги Харли засиял и преобразился в радужный купол, накрывший храм.

Жестокость отразила сила ореола, который символизировал всё, что человечество считало *бедствием*.

А одно бедствие может сдержать другое. Берсеркер в одиночку остановила все клыки огромного ядовитого змея, порождённого демоническими стрелами.

Естественно, она не могла сделать это лишь с помощью магической энергии Харли.

Берсеркер возводила храм Иштар и поэтому напрямую подпитывалась божественной силой, переполнявшей это место.

Тем не менее, полностью отразить стрелы она не смогла. Проклятия в форме змеиных голов попытались вцепиться зубами в её бедствия, заряженные божественной аурой.

Но божественный бык, чья поступь была не такой медленной, как могло показаться, не оставил их безнаказанными.

С оглушительным звуком атмосфера Земли *повысила голос*.

Гугаланна. Божественный зверь, воплотившийся в форме огромного урагана.

Его называли Небесным быком не просто так. Из-за давления, которое он оказывал на всю округу, действительно казалось, будто падали сами небеса.

Все, кто находился на земле, не видели ничего, кроме гигантского копыта.

Известна классическая народная легенда о человеке из царства Ци, который боялся, что небо упадёт на него, и сходил с ума от паранойи.

Но в этот момент мораль истории перевернулась с ног на голову.

Необоснованный страх человека из царства Ци стал реальностью.

Сила богини Иштар – Венеры и лазурного свода во плоти – и копыто её зверя-спутника.

Небеса рухнули на леса Сноуфилда.

× ×

Небо над Америкой.

За пределами стратосферы Земли.

Зависнув вниз головой, Тиа Эскардос наблюдал за поверхностью.

- ...

Он видел, как очертания урагана слегка изменились: часть облаков вытянулась в сторону леса Сноуфилда.

Но его внимание было приковано не к этому.

А к тому, что находилось дальше на севере.

Ущелье, которое ещё не накрыли облака.

Тиа выстроил несколько спутников размером с фрукт, плававших вокруг него, образуя ряд, который начинался с его глаз.

Пространство между спутниками исказилось и превратилось в линзы, увеличившие изображение поверхности.

Этот созданный с помощью магии импровизированный телескоп спроецировал на пустоту мезосферы картинку в реальном времени.

В ущелье находилась группа людей.

Множество лиц, которые были Тиа знакомы.

Однако о нём они не знали.

Некоторые могли смутно подозревать о его присутствии, но не более того.

По сути, для Тиа эти люди были незнакомцами.

Но не для Флата Эскардоса.

Для юноши, некогда его сосуда, класс Эль-Меллоев был чем-то незаменимым. Единственным местом, которое он мог назвать домом.

Поскольку они всегда были связаны, Тиа знал про Флата всё.

Класс считался домом, куда он должен был вернуться, и именно эти люди делали его таковым.

Тиа цокнул языком и, манипулируя магической энергией вокруг него, начал медленно снижаться к поверхности.

Уничтожит ли он их, чтобы окончательно избавиться от сожалений и печали, или же великодушно поговорит с ними, раз они так хорошо относились к Флату?

Не в силах выбрать между этими двумя совершенно противоположными крайностями, *Тиа пристально посмотрел на одинокую голубую планету и попытался проскользнуть обратно на сцену близившегося разрушения Сноуфилда*.

× ×

Север Сноуфилда. Ущелье.

Женщина посмотрела на послеполуденные звёзды.

Ураган на западе втянул в себя все облака, из-за чего из ущелья всё ещё отчётливо было видно голубое небо. Она подняла левую руку, на которой красовалось кольцо, чтобы заслониться от ослепительного света.

— Что-то не так, Мэри? — спросил Каулес Форведж, заметив её поведение. Мэри Лил Фарго опустила взгляд и ответила:

— Пустяки. Просто мне кажется, что кто-то наблюдает за нами из владений звёзд.

Услышав это, Иветт Л. Лерман тоже запрокинула голову.

— А?! Какие же это пустяки, когда подобное говорит ветеран Анимусфиа?

— Ну… Видимо, это действительно мелочь в сравнении с тем, что сейчас происходит на земле, — произнёс Орг Рам, здоровяк в очках. Он смотрел на лес к западу от Сноуфилда, наблюдая за тем, что произошло сразу же после того, как окружённое облаками гигантское нечто опустилось вниз.

Судя по всему, змееподобную массу проклятий и магической энергии раздавило гигантское копыто, окутанное ветрами, молниями и божественной аурой.

Совладать с этим было *далеко не так просто,* как с падающим зданием. Здесь с неба рухнула целая скала Улуру, иначе не скажешь.

— Даже гадать не хочу, что это было, — сказал Орг, поправляя пальцем очки. Стоявший рядом мужчина с ехидным видом пожал плечами.

— Профессор всё бы понял с первого взгляда. Ответом всегда является наихудшее из его предположений. Отсюда головные боли и проблемы с желудком.

В дополнение к этим, казалось бы, насмешливым словам Фезграм фор Семберн пробормотал себе под нос: «Однако, как бы плохо ни развивались события, это его никогда не останавливало».

Эти маги были молодыми, но уже могли похвастаться множеством похвальных достижений. И теперь все они наблюдали за лобовым столкновением возвращения Эпохи богов и силы, которая её отвергала.

Не прошло и минуты, как ущелье накрыли последствия.

Несмотря на то, что на землю с небес только что опустилось нечто настолько огромное, она не задрожала и не треснула.

Вместо этого по миру пронёсся мощный порыв ветра, разносящий проклятие и магическую энергию.

Скорость яростного потока воздуха, сопровождаемого облаками пыли, превышала пятьдесят метров в секунду.

Танцуйте в нечётком эфире

— Perform a dance, Anywhere and nowhere.

Двигая руками, словно дирижёр, Вернер Цезармунд мягким тембром пропел свою арию.

Все бабочки, летавшие по ущелью, начали хлопать крыльями в унисон.

Это были созданные с помощью магии фамильяры, которые излучали тусклый свет подобно бледной луне в весеннюю ночь.

Лёгкие дуновения, порождённые крыльями бабочек, усмирили неистовый ветер, способный с лёгкостью перевернуть машину, и развеяли облака пыли и миазмы.

Вибрации, которые вызвали эти хрупкие фамильяры, создали барьер. Хотя его нельзя было назвать прочным, ситуация всё равно была затруднительной. Однако никто из членов группы не выглядел особенно удивлённым.

Наблюдавший за ними священник Ханза Сервантес поразмыслил над цепочкой магических техник, которая только что его впечатлила.

«Вот оно как. Значит, это и есть магия бабочки Вернера Цезармунда. Понятно теперь, почему такой юнец стал Брандом и угодил в список наблюдения Святой Церкви».

Он продолжал с удовольствием изучать одарённого мага, участвовавшего в Войне за Святой Грааль, как будто совсем не считал себя членом вышеупомянутой Церкви, которой следовало опасаться этого молодого человека.

При этом чувства подсказывали Ханзе, что все маги, окружавшие его, были одинаково могущественными.

× ×

Меньше минуты назад. Сноуфилд. Городской район.

«Приближается чрезвычайно мощный ураган. Просим всех жителей по возможности не покидать дома. Также рекомендуем укрыться в подземных убежищах, пока торнадо не стихнут...»

По всем телевизионным каналам и радио повторялось одно и то же предупреждение. Повсюду выли серены, звук которых был настроен так, чтобы усилить беспокойство жителей города.

Как правило, эти серены звучали, когда городу угрожали сверхмощные торнадо, способные уничтожить целое здание. Теперь они сообщали о приближении бедствия аналогичного уровня.

Тем не менее, жители города не до конца доверяли сиренам.

Они видели стену из облаков на западе, однако ветер был не таким сильным, как при обычном торнадо, а небо над городом было идеально синим.

Оглушительный шум можно было услышать по всему Сноуфилду, но он лишь доносился издалека. Ветер пока щадил город.

Во всяком случае, воздух казался тяжёлым как никогда.

Многие жители не обращали внимания на предупреждения и ходили по улицам, сомневаясь в том, что что город вообще пострадает. Ещё больше людей прилипли к окнам, выходящим на запад, и фотографировали гигантскую массу облаков.

— Странноватое местечко, — произнёс одетый как панк продавец аптеки, направляясь к клубу, который явно был прочнее, чем его дом. — Взрыв газа, теракт, эпидемия, метеоры, а теперь ещё и это. Такое чувство, что конец света не за горами.

В этот момент даже такому бунтарю, как он, стало жаль политиков, которым приходилось со всем этим разбираться. Не особо задумываясь об эвакуации, он приближался к клубу, думая, что там, по крайней мере, будет лучше, чем в его ветхой квартирке или аптеке.

— Клуб хотя бы под землёй. Только вот хреново будет, если дождь попадёт внутрь...

Тогда-то это и произошло.

— ?!

Ветер подул гораздо сильнее, чем прежде, мгновенно подняв облака пыли и обрушив на город ливень.

— У-у-у-у-ух! Внезапно, блин... Что за... Не может быть!

Он ни разу в жизни не видел такой бури.

Панк поспешил ко входу в клуб, но споткнулся и упал.

В его сторону покатилась перевёрнутая ветром машина.

— Ах... Чёрт...

Панк знал, что через секунду умрёт.

Однако что-то схватило его и прыгнуло вверх.

Тень оттолкнулась от летящей машины и продолжила движение, пока не оказалась у ближайшего здания.

Это был офицер полиции.

— Вы в порядке? Быстрее внутрь.

— Д-да, сэр.

Панк моргнул, не до конца уверенный в том, что увидел.

— А... Эй! Спасибо, мужик.

Явно сверхъестественные движения полицейского смутили панка, но он всё равно искренне поблагодарил своего спасителя.

Не ожидавший этого офицер вздрогнул от удивления и ослепительно улыбнулся.

— Пожалуйста. Работа у меня такая.

Джон был членом отряда под кодовым названием Клан Калатин. Обеспечив безопасность жителя города, он вновь помчался по улицам охваченного бурей Сноуфилда.

— Я ведь сейчас не выдал существование таинства, да?

Джон не сделал ничего, чтобы уменьшить силу своих ног, решив всё списать на сильный ветер.

Благородный Фантазм Слуги начальника давал Джону сверхчеловеческие способности на ограниченный период времени. Этим Слугой был Дюма.

Прошло несколько дней, но он всё ещё не привык к своей новой силе. В бою против необычного врага Джон обращался с ней весьма естественно, но теперь, в относительно мирной обстановке, он чувствовал, что ему с такой силой не совладать.

Джон, как и многие члены его отряда, патрулировал город с целью ускорить эвакуацию жителей ради сокрытия таинства.

Их всех уведомили, что через день Сноуфилд уничтожат.

Но начальник заявил, что будет бороться до последней секунды, чтобы это предотвратить.

Джон считал себя в первую очередь полицейским, а уже потом магом, поэтому решение начальника несказанно его обрадовало.

Он был доволен.

«Вы – правосудие во плоти».

Слова, прозвучавшие в первый день войны, продолжали поддерживать его.

Многое произошло за столь короткое время, но все эти события придали Джону не только сил сопротивляться буре, но и уверенности.

«Ты ненавидишь Эмия Кирицугу?»

Джон внезапно вспомнил чей-то голос.

«Кто это сказал?»

Кажется, это был кто-то, кого он встретил перед полицейским участком.

Может, девочка. Может, мальчик.

Самолёт, на котором летела твоя мать

Это была не случайность

И не теракт

Причиной крушения был

заклинатель

Прикрытие

Сокрытие

Если память ему не изменяла, на него просто вывалили кучу слов без контекста.

Их голоса переплетались и сбивали с толку.

Воспоминания о прошлом всплыли на окраине сознания Джона, пока он бежал сквозь ливень, по пути время от времени спасая жителей города.

Если память ему не изменяла, его душа содрогнулась, когда он услышал эти слова.

Если память ему не изменяла, его поглотила ненависть.

Но он уже всё преодолел.

Благодаря начальнику.

Поэтому он всё ещё мог сражаться.

«Потому что он приказал мне защищать город?»

«Нет, потому что это выбор, который я сделал сам».

Джон продолжал двигаться вперёд, веря в это всем сердцем.

Его тело было лёгким как пёрышко.

Он даже мог сказать, что оно как будто принадлежало кому-то другому.

«Но ничего страшного. Даже если я перестал быть собой… даже если я уже не человек, я знаю… знаю, что могу и дальше защищать город».

Увлечённый этими мыслями, Джон не замечал того, что с ним происходило.

Пока что.

× ×

Ущелье.

— Присмотревшись, могу сказать, что он стал гораздо эффективнее, чем в прошлый раз. Не припомню, чтобы ты с тех пор проходил какой-либо особый курс тренировок. Разве это не серьёзная проблема? — спросила Лувиагелита Эдельфельт, наблюдая за возведённым вокруг неё барьером бабочек.

Несмотря на странные слова Лувии, которая почему-то увидела проблему в увеличении эффективности, Вернер сдержанно кивнул, выражая согласие.

— Да. Это лучшее проявление моей магии. *Дела просто хуже некуда*.

Услышав это, Тосака Рин, которая не сводила глаз с леса, повысила голос.

— Если магия Вернера достигла своего пика… значит, местность уже *становится неоднозначной*, не так ли?

Магия семьи Цезармунд строится на *тайном процессе трансформации в совершенно новую форму жизни* подобно превращению гусеницы сначала в куколку, а затем в бабочку.

Это магия, которая вмешивается в мир, контролируя *неясный* интервал, когда определённое становится неопределённым, момент неоднозначности, в котором всё во вселенной может стать чем-то иным.

И то, что это было «лучшее проявление» его магии, означало лишь одно.

С ужасом наблюдая за лесом, Рин заявила:

— Если мы ничего не предпримем, эта метаморфоза действительно приведёт к концу известной нам реальности.

Сама суть человеческого мира постепенно менялась, начина с храма посреди леса.

Пока что это коснулось лишь качества магической энергии и общей атмосферы, но со временем изменения достигнут материи. При нынешних обстоятельствах этот храм станет отправной точкой *Сингулярности*, разъедающей мир.

И этим всё не ограничилось.

Из промышленного района прилетела очередная волна покрытых змееподобным проклятием демонических стрел, которые опутали гигантское «копыто».

Судя по их поведению, они словно выжидали, желая увидеть, чего добьётся первая порция стрел… или, возможно, та волна была лишь приманкой для «копыта», а настоящий налёт случится именно сейчас.

— Ух, я начинаю жалеть, что согласилась…

— Это да, но ты бы также пожалела, что пропустила всё это, не так ли?

— Пожалуй! Такое не каждый день увидишь.

Сёстры Радия и Надзика Пентел перешёптывались друг с другом, наблюдая за гротескным спектаклем в западной части города.

Услышав их, Лувия элегантно пожала плечами.

— Ну, может быть, если бы вы почаще сопровождали нашего учителя в его поездках, то видели бы подобные вещи гораздо чаще.

— И не говори. Ему так сильно везёт на такое, что мне кажется, будто он делает это нарочно, — пожаловалась Рин. Слова Лувии явно что-то ей напомнили.

В стороне от них переговаривалась другая пара молодых людей. Один излучал присутствие зверя, а другой – рептилии.

— Копыто, опустившееся с неба, несомненно, принадлежит божественному зверю. Оно прозрачное, словно вода, вот только пахнет чем угодно, но только не водой. Это запах, который всё принуждает повиноваться.

— Между тем эти змеи могут быть предком всех змеиных ядов и проклятий.

— Тебе это твои фамильяры сказали, Ролан?

— У всех змей в моём мире это существо вызывает страх, восторг, ненависть и обожание... Очаровательно, — Ролан Пержински хихикнул.

В ответ юноша-зверь по имени Свен Глашайт произнёс, пристально следя за битвой между двумя созданиями из Эпохи богов:

— Из-за того, что они всё тут развеяли, я не могу уловить запах этого идиота.

— Мы в любом случае должны заставить их покинуть эти земли... нет, выйти из этой Войны за Святой Грааль, — сказал Вернер.

— Что мы сделали сразу же после того, как заявили Наблюдателю о своём участии? Правильно, сцепились с божеством, — тяжело вздохнув, устало произнесла Рин.

Она заметила, что положительно относится к сложившейся атмосфере, и объяснения этому не было. Чтобы отвлечься, Рин вспомнила своего учителя, молодого человека, которого она подобрала в те дни, когда занималась пиратством, и серию событий, связанных с этими двумя людьми.

— Серьёзно... Как мы можем быть уверены, что учитель не пытается намеренно выследить и уничтожить все таинства? — проворчала она, вспоминая былое.

× ×

Верхняя часть нового храма Иштар.

— ...

— В чём дело, Иштар, моя богиня? — спросила Харли, увидев, как Иштар проигнорировала суматоху перед храмом и обратила свой взор на север.

— Хм-м... Ни в чём. Показалось, наверное. Я ощутила очень странное присутствие... Ни один человек из нынешней эпохи не может быть напрямую связан со мной или одним из моих воплощений, это просто невозможно. Может, потомок народа Урука? А, неважно.

Быстро пожав плечами, она перестала обращать внимание на эту мелочь.

— Что тут у нас... — произнесла Иштар, посмотрев на то, что происходило перед храмом. — Ах да. *Что за пустая трата таланта.*

Передняя нога её животного-спутника опустилась с небес на землю.

Наблюдая за клубком змей, которые пытались поглотить сотканную из божественной ауры плоть, богиня, занимавшая сосуд по имени Филия, пробормотала:

— Не развратн его жажда мести, он бы смог сделать то же самое с помощью одной лишь своей божественности.

Чувствуя Героическую душу, которая продолжала посылать демонические стрелы, принимавшие форму змея из Эпохи богов, Иштар произнесла слова, в которых не было ни страха, ни настороженности, ни уважения.

Просто мнение безразличного наблюдателя.

— Ну, боги-нахлебники западных земель были теми ещё чудаками. Вели себя так, словно им закон не писан, и чаще всего люди, которых они любили и ненавидели, ничего не говорили по этому поводу. Учитывая, насколько сильно извращены эти паразиты, я не могу винить его за то, что он стал таким. *Народ, который находился во власти Горы звездочётов, должно быть, влачил жалкое существование, страдая от культурных различий между людьми и олимпийцами*.

× ×

«Кристал Хилл». Крыша.

— Она всегда поддерживала богов. У меня не получится её отговорить, — прошептал Энкиду, стоявший на крыше «Кристал Хилл».

Вой ветра немного заглушал барьер, возведённый вокруг верхних этажей магами из организации Тины.

За его спиной стояла магесса, с которой он познакомился совсем недавно.

Самыми отличительными её особенностями были причудливые очки и акульи зубы.

Она назвалась Мастером Слуги Райдер, хоть и добавила «против моей воли».

Её статус явно требовал гораздо больше объяснений, чем это короткое заявление, но Энкиду не особенно удивился.

При приближении магессы он заметил её характерную связь Слугой и понял, что она не была враждебной.

Поэтому, как только она упомянула врага, ради уничтожения которого ей пришлось искать помощи у других, Энкиду сразу же предположил, что речь пойдёт о *секте богини* на западе Сноуфилда.

— Интересно, в нынешнюю эпоху ещё существуют такие тщеславные родители, которые заставляют своих непокорных детей носить украшения? Можно сказать, она одна из них. Всё делает ради того, чтобы потешить своё эго, и искренне верит, что для других так будет лучше. Она выслушает, но даже не попытается понять… или хотя бы подумать о том, чтобы понять.

Ясная речь Энкиду смутила магессу, но Слуга продолжил, не обратив на неё никакого внимания:

— Будь то оригинал или просто пятно на планете, она никогда не меняется. Именно поэтому я должен отвергнуть эту богиню… и её храм.

И плавным движением он возвёл на вершине здания нечто.

Золотые цепи опутали деревья и минералы под ногами Энкиду, формируя из них огромную фигуру.

Возведение было внезапным, но протекало так естественно, что любой наблюдатель принял бы речь Энкиду за часть процесса.

Единственными очевидцами были магесса, представившаяся Мастером Райдер, подчинённые Тины, которые охраняли вход на крышу, и Мастер Энкиду.

Но конечный результат увидели многие.

Обычный житель города, запрокинув голову в разгар бури, не заметил бы ничего, кроме яркого света на вершине «Кристал Хилл».

Независимых магов, решивших остаться в городе, привлекла плотная магическая энергия, но они далеко не сразу осознали увиденное.

Форма была слишком эксцентричной для объекта, созданного с помощью магии, однако никто не мог назвать её полностью невозможной.

И благодаря массивности сооружения ученики Эль-Меллоя в ущелье на севере, Сэйбер с двумя спутниками и богиня, величественно возвышавшаяся над храмом на западе, смогли его увидеть.

— Этот мусор делает всё возможное, чтобы поиздеваться надо мной… — произнесла богиня в лесу, стерев с лица все эмоции.

— Мало нам богини, так теперь ещё и это?! — раздражённо воскликнули маги в ущелье.

— Мать честная, не может быть! Это что, комедия по месопотамским меркам? Я почти уверена, что в Месопотамии ничего подобного не было! — покатилась со смеху зачинщица в пустыне.

— Думаю, мне стоит радоваться тому, что он решил подождать, пока большая часть жителей закроет окна. Я благодарен буре, кто бы мог подумать… — произнёс другой зачинщик, наблюдая за всем из безопасного места под землёй.

Но самая яркая реакция была вовсе не у них.

Сигма направлялся в район болот на востоке.

Нет, сам сохранял спокойствие. Бурно отреагировал «силуэт» старого капитана, появившийся рядом с ним.

— Эй, да он издевается!

— Хм? В чём дело? — спросил Сигма. Капитан был энергичным как никогда, чем изрядно смутил молодого наёмника.

Он видел то, что появилось на крыше «Кристал Хилл», но не находил причин для изумления. По мнению Сигмы, эта штука мало чем отличалась от лука, висевшего у него за спиной.

Однако старый капитан начал хихикать вместо того, чтобы объясниться. Тем не менее, его глаза были немного тронуты оттенком разочарования.

— Как иронично… что он решил построить именно это! Прямо под брюхом Уотчера… прямо под тем чёртовым монстром! Прямо перед тенями моих глаз!

Взгляд смеющегося мужчины был прикован к сооружению, пустившему корни в крышу высочайшего здания Сноуфилда. *К гигантской гарпунной пушке*.

— Он, как и всегда, производит ужасно много шума, — пробормотал Энкиду, стоя на крыше «Кристал Хилл», где возникло мультяшно огромное оружие. Его пронизывающий взгляд был направлен на необъятное скопление божественности на западе. — Из-за него я не слышу *её* голос.

Обычная спокойная улыбка исчезла с его лица, уступив место немного грустному лику и самому настоящему человеческому раздражению в глазах, что было для Энкиду ещё большей редкостью.

— Если тебе хватает высокомерия, чтобы пытаться замедлить развитие человеческого порядка, то ты зверь.

Голос Энкиду сохранил безмятежный тон, но в словах явно чувствовались чистый гнев и ненависть.

— И нет, я имею в виду не настоящих Зверей, Бичей человечества. В тебе нет ни капли их благородной любви. Сейчас ты просто вредитель на теле человеческого порядка и планеты… *не более.*

Продолжая с невозмутимым видом произносить резкие слова, Героическая душа прикоснулась к возведённому ею оружию.

— Полагаю, оно не предназначено для борьбы с вредителями, но…

В глиняном основании величественной гарпунной пушки сияли золотые гребни, напоминавшие о цитадели Урука.

Положив руку на платформу, Энкиду начал накачивать оружие своей магической энергией, смешанной с божественностью.

— Заимствуя этот продукт мудрости человечества и плод его достижений, я заявляю богине Иштар…

В диалоге не было никакой необходимости.

Энкиду просто послал сообщение о том, что их разговор закончился несколько тысячелетий назад.

Обещание, что он выполнит свой долг, в форме импровизированной клятвы, составленной из слов, которыми он обычно не пользовался.

— *Закрой свой рот… сейчас же.*

В тот же миг крышу «Кристал Хилл» окутала громовая вспышка, отгоняя неистовый ветер и ливень.

Из пушки вылетел гарпун размером с баллистическую ракету.

К задней его части крепилась столь же огромная золотая цепь.

Она обладала теми же свойствами, что и цепи, которые Энкиду использовал в качестве основного оружия. Цепь и гарпун превратились в единую полосу света, образуя золотую радугу, прорывающуюся сквозь бурю.

Говоря точнее, эта радуга была не только атакой, но и мостом, опоясывающим мир, атмосфера которого начала окрашиваться цветами Эпохи богов.

Гигантский гарпун двигался на запад, пронзая опасные ветра, символизировавшие власть и тиранию богов.

Словно одинокий герой, прорубающийся сквозь бесконечную армию солдат.

× ×

— Н-н-н-н-ни капли уважения… — произнесла богиня Иштар, унимая нервный тик.

Она молча вытянула руку навстречу гарпуну.

Пространство над храмом высвободило огромное количество божественности, и *атмосфера* сгустилась.

Но в отличие от выпущенных ранее ракет гарпун даже не замедлился.

Тело Энкиду изначально являлось оружием, созданным богами, поэтому он по природе своей был эффективен даже против них.

То, что должно было позволить людям использовать силу богов, стало пронизывающей мощью, этих богов отвергающей.

— Какой грубый мусор.

Однако Иштар прекрасно это понимала.

Она выбрала правильную цель для своих чар. *Воздух*.

Богиня сжала ветра, порождённые Гугаланной, остановила их и *превратила в вязкий пар*.

Она – небо во плоти.

Всё, что находится над землёй, подчиняется ей и может стать частью её тела.

Огромный гарпун, который летел в сторону Иштар, словно вошедший в атмосферу метеорит, объял сильный жар, а воздух вокруг него изменил цвет.

Однако этого всё равно было мало, чтобы полностью нейтрализовать мощный удар Эпохи Вавилона, Благородного Фантазма Энкиду.

Сверкающий гарпун продолжал разрывать новую Эпоху богов, которую создавала Иштар, но уже гораздо медленнее.

Снаряд не успевал куда-либо долететь… но вмешательства третьей стороны хватило, чтобы повлиять на поле боя.

× ×

Пуская ядовитые змеиные стрелы с вершины трубы, Алкид заметил цепь света, рассекающую небо.

— Не бог… но одна из их реликвий…

Воздух изменился, из-за чего его стрелы стали заметно слабее.

Но Алкид не возражал. В его распоряжении было столько магической энергии, что он мог компенсировать снижение урона увеличением количества.

Девятиглавые змеи, нападавшие на храм одна за другой, напоминали чёрный потоп.

И следующий ход Алкида сделал это описание буквальным.

Глядя на цели цепи света – на храм Иштар и на Небесного быка, которого опутали созданные им гигантские змеи – он произнёс:

— Раздели судьбу Авгия, скот.

В тот же момент Алкид активировал свой Благородный Фантазм, Царские приказы.

Копия змея, возникшая из его следующего залпа, лопнула, словно наполненный водой шарик, как только достигла деревьев.

И превратилась в самый настоящий чёрный поток, который принялся поглощать лес.

Одним из подвигов Алкида при жизни были авгиевы конюшни.

Приказ за один день вычистить огромный скотный двор с тремя тысячами лошадей, за которыми не ухаживали десятилетиями. Больше унижение, чем труд покаяния.

Царь Авгий обманул Алкида, за что в конечном итоге поплатился жизнью, но важно было не это.

Чтобы справиться с задачей и вычистить конюшни, в которых владелец ни разу не бывал, Алкид воспользовался очень простым и поистине нестандартным методом.

Воспользовавшись своей невероятной силой, он завалил камнями русла двух рек и отвёл их воды прямо в загоны.

С помощью силы Благородного Фантазма Алкид мог воспроизвести те мутные воды, которые когда-то позаимствовал. Миазмы ядовитого змея и магическая энергия «грязи» превратили их в чёрный поток, который обрушился на лес.

× ×

Окружённый бушующей магической энергией, *он* задумался.

Он не ведал всего.

На самом деле ему было известно очень мало.

Он не знал даже, зачем ему жить.

Да, у большинства живых существ при появлении на свет тоже не было ответа на данный вопрос, но конкретно он никогда даже не задумывался об этом.

Он испепелил бы свои тело и разум, если бы это помогло ему оставаться живым.

Даже не думая о причине, он всегда кричал о своём желании, возникшем из чистого инстинкта: *жить*.

Но что же теперь?

Он продержался так долго лишь благодаря силе того, кто отозвался на его желание.

Он больше ни разу не сталкивался с животным, которым двигало бы исключительно стремление убить его, а создание, повстречавшееся ему – существо под названием «Слуга» - защищало его от всех невзгод.

Впервые в жизни он испытал покой.

Что положительно сказалось нервах.

И мысли начали медленно появляться в его голове.

Мысли, а не инстинкты.

Разум, а не импульс.

Сколько он себя помнил, ему всегда казалось, *что его жизни что-то угрожало*, но теперь это чувство исчезло.

Он в первый раз задумался над тем, кем он был и для чего жил.

Однажды в лесу появились два существа.

Оба по форме очень похожие на Слугу.

Но в их присутствии чувствовалась разница.

Одно из них относилось к тому же виду, что и Слуга, спасший его жизнь, но другое было *похоже на него.*

Не чувствуя враждебности, он прижался к существу, которого считал своей ровней, и вместе они принялись наблюдать за разговором их спутников.

Всё закончилось боем между Слугами.

Его ровня, сидевшая рядом, запаниковала, но, поскольку ей было известно, что они не собирались убивать друг друга, просто продолжила смотреть с удивлением в глазах.

Он узнал, что Слуги были чрезвычайно могущественными.

Ему стало интересно, почему они не позволили азарту боя полностью завладеть ими, ведь сил у них было более чем достаточно.

На следующий день его сомнение сменилось опасением.

Всё изменилось, когда в этих землях появилось странное присутствие.

Похожее одновременно на приятные объятия и непреодолимый ужас.

С первыми признаками этого появления присутствие Слуги тоже изменилось.

Его лицо и слова остались прежними.

Слуга стал одним целым с лесом и землёй. Он не мог избавиться от чувства, что его спутник всегда с чем-то боролся, несмотря на безмятежную улыбку.

Это был лишь смутный знак.

Нечто пустяковое, едва уловимое, но он это чувствовал.

В Слуге назревал вихрь ненависти и агрессии. Нечто похожее обуревало его бывшего владельца, когда тот преследовал его с оружием в руках.

«Тёплое, но страшное» присутствие становилось сильнее... и Слуга начал проявлять эмоцию, похожую на печаль.

Лицо оставалось прежним.

Голос с манерами тоже не менялись, и он продолжал защищать его.

Даже теперь, на этой крыше, перед лицом ошеломляющей массы силы и накрывшей землю бури...

Слуга всё ещё был рядом с ним.

И к нему наконец-то пришло осознание.

Что он был клеткой Слуги. Его цепями.

Что он ничем не отличался, от того существа под названием «маг», которое сковало его и держало взаперти.

Что Слуга *хотел что-то сделать*.

Но пока он находился рядом – пока Слуга защищал его – осуществить это «что-то» не представлялось возможным.

Как только он это заметил, внутри него зародилась новая эмоция.

Эмоция, похожая на «печаль», как её называли люди.

Ещё её можно было описать как ненависть к себе.

Он не чувствовал гнева, даже когда его создатель был в шаге от того, чтобы убить его, но теперь он злился на себя, потому что сам стал похож на своего творца.

Была одна вещь, на которую он не мог обратить внимание, потому что отчаянно пытался выжить.

Его желание – его мечта – уже исполнилось.

Слуга показал ему путь к дальнейшему выживанию. Он защищал его.

«Тогда что дальше?»

Его недавно сформировавшееся эго задумалось в попытке как можно быстрее найти ответ.

Если он чего и желал…

Если что и придало бы его жизни смысл…

Да. Освобождение живого существа рядом с ним.

Он не мог позволить себе стать чьими-то оковами.

Поэтому, исполненный намерения наблюдать за ним до самого конца, он протянул к своему спутнику лапу.

Чтобы заявить Слуге о желании Мастера.

Его лапа сделала шаг.

Не чтобы убежать, а чтобы выбраться из этой передряги живым, следуя сознательной воле, которая не зависела от его инстинктов.

Чтобы сразиться с неведомым миром. Или с самим собой.

× ×

«Кристал Хилл». Крыша.

Ударная волна от выстрела сдула магессу и подчинённых Тины, но возникшие из крыши золотые цепи не дали им упасть со здания.

— Так вот она какая, полная сила Героической души…

Магесса с очками, Дорис Люсендра, пыталась проанализировать невероятную мощь Слуги, глядя на него глазами, в которых смешались радость и разочарование.

Она проиграла Тосаке Рин и передала свои права Мастера классу Эль-Меллоев.

Но, *поскольку их метод работает стабильнее с первоначальным обладателем командных заклинаний в качестве катализатора*, её включили в группу, сделав самым младшим Мастером Райдер.

Разумеется, с ней заключили очень строгий магический договор и не стали делиться командным заклинанием.

И всё же сила Героической души была не единственным, что её поразило.

На неё также произвёл впечатление поставщик магической энергии, допускавший такой уровень разрушения.

«Он вливает в Слугу столько энергии и при этом не истощает свои запасы?.. Будь я на его месте, меня бы едва хватило только на создание гарпунной пушки. Героическая душа, способная беспрерывно использовать Благородный Фантазм... Для обычного мага это просто уму непостижимо...»

Дорис перевела взгляд на Мастера Энкиду.

На химеру, которую, как и её, удерживали на крыше цепи Энкиду.

Мастер Энкиду, оберегаемый цепями серебряный волк, тихо приблизился к своему спутнику и вцепился зубами в его одеяния, пытаясь о чём-то сообщить.

— Ах, прости, Мастер. Тебя это, наверное, очень напугало.

Искренне извиняясь, Энкиду коснулся рукой щеки серебряного волка.

— Успокойся, Мастер. Твоей жизни ничто не угрожает. Я могу остаться здесь, только скажи... А если со мной что-то случится, то ты можешь обратиться к той девочке на верхнем этаже за помо...

Энкиду остановился на полуслове.

Серебряный волк ещё сильнее потянул ткань на себя и уставился на него свирепее, чем когда-либо.

Поняв, что это означало, Энкиду преклонил колено, чтобы их с Мастером глаза оказались на одной высоте.

— Тебе не нужно беспокоиться о том, чего хочу я, Мастер. Я инструмент. Расходный материал с рождения... К тому же меня всё равно не станет, когда этот ритуал закончится.

Его откровения перед Мастером могли показаться странными, но те, кто знал Энкиду, с готовностью подтвердили бы, что для этой Героической души подобное было вполне естественным.

Будь его Мастер человеком, духом природы или химерой, Энкиду всегда считал себя инструментом.

Таким его создали боги, и он знал, в чём заключалось его предназначение. Стать идеальной имитацией *человека*. Существа, которое боги пытались понять.

Поэтому он смог определить сбой в своей системе и то, что его вызвало: божество на западе и сопровождающая её Героическая душа.

Приняв всё это во внимание, Энкиду выбрал логичный способ помочь своему Мастеру и в то же время исправить собственные ошибки.

Чего он точно не ожидал, так это того, что его Мастер воспротивится.

— ...

Связав воедино намерения серебряного волка, Энкиду спокойно произнёс:

— Тебе стоит думать лишь о собственном желании. О выживании. Я – твой инструмент. В этом смысл моего существования. Поэтому, Мастер, оставайся в безопасности, пока я не разберусь со всем что угрожает миру и те...

Его снова прервали.

В этот раз Мастер взвыл.

Волк, желавший до этого лишь жить, теперь тянул на себя одежду Энкиду с сильной волей, которая отражалась в его глазах.

«О чём он думает?»

Они замерли и принялись молча наблюдать друг за другом.

Как серебряный волк и Героическая душа.

Как химера и творение богов.

Как Мастер и Слуга.

Хватило всего пары секунд.

Энкиду всё понял.

— Прости, Мастер. Признаю, я забыл, что был инструментом, когда увидел эту дрянную древнюю богиню и... моего друга, — сказал Энкиду, обнимая своего Мастера.

— ...

— Но ты... сердишься не потому, что я забыл. Тебя злит то, что я пытался вновь стать инструментом.

Его голос был безмятежен, но в нём чувствовались одновременно радость и печаль. Следующее послание Энкиду его Мастеру было выражением благодарности и в то же время признанием вины.

— Спасибо, Мастер... Я скоро вернусь.

Та же мягкая улыбка, которой он когда-то поприветствовал волка.

Тогда Мастер не мог отчётливо разглядеть это лицо, потому что находился на грани смерти.

Тем не менее, волк почувствовал, как аура его спутника приобрела прежний цвет, и понял, что лицо Энкиду стало таким, потому что они, возможно, больше не встретятся.

Посмотрев на Энкиду в последний раз, волк от всего сердца завыл на бушующее небо.

— Пусть твоя жизнь будет такой, как ты захочешь.

Сказав это на прощание, Энкиду взмыл вверх.

Серебряный волк провожал его взглядом. Он не вилял хвостом. Не лаял. Просто наблюдал.

Наблюдал, как существо, с которым он провёл столь мало времени, улетал, чтобы *жить* свободно.

Серебряный волк прекрасно понимал две вещи.

Что, какой бы путь он не избрал, его судьба не сильно изменится.

И что он, как и Энкиду, вскоре исчезнет. При его создании долгая жизнь не предусматривалась.

Он не знал, сколько месяцев, недель или дней у него осталось.

Для волка, который не представлял даже, что такое календарь, все числа были одинаковыми.

Он желал наблюдать, как Энкиду *живёт*, и больше ничего.

Серебряный волк был искусственно созданной химерой.

Он не знал, что такое семья, друзья, последователи, и *не хотел* знать.

Для него имела значение лишь связь между *Мастером* и *Слугой*.

Иерархия в этих отношениях его не интересовала.

Энкиду требовал, чтобы его использовали как инструмент, но теперь волк умышленно отвергал этот смысл слова «Слуга».

Термины «Мастер» и «Слуга» можно было свести к нарицательным словам, лишить из первоначального смысла. Для волка же единственным смыслом этих отношений было просто *находиться рядом друг с другом*.

Этого было достаточно, чтобы придать его жизни смысл.

Это придало его жизни смысл.

Вот почему серебряный волк хотел лишь увидеть, как Энкиду *живёт*.

Делает то, что придаёт смысл его жизни и больше ничьей.

Чтобы в тот момент, когда отведённое ему время наконец-то подойдёт к концу, он сможет сказать, что они *жили вместе*, а не просто *существовали вместе*.

Они не прошли через приключение, которое запечатлелось бы в истории. У них не возникла какая-то глубокая любовь друг к другу.

Но несмотря на это...

Серебряный волк с гордостью смотрел на существо, с которым провёл всего каких-то несколько дней.

Интерлюдия
「Закулисная рапсодия」

Восточная часть Сноуфилда. Район болот.

— Будь у меня такая при жизни… Хотя нет, грустно говорить такое. Эту пушку построили с помощью силы богов. Если бы я загарпунил из неё чудовище, то это была бы не моя победа… не победа человечества.

Услышав смех силуэта капитана, полный искренней радости с оттенком разочарования, Сигма подумал: «Не знаю, что тут смешного, но я завидую его способности смеяться».

— Ну, мы всего лишь копии. Уотчер просто представляет, как отреагировали бы оригиналы в подобной ситуации. Эта сволочь даже не пытается воссоздать каждую деталь, так что мы больше похожи на творения магии.

— Мне, как постороннему, не отличить вас от оригинала.

Силуэт принял форму юноши с крыльями и ответил:

— Не стоит ли поработать над этим? Если кто-то решит с помощью иллюзий создать наши фальшивые копии, то обмануть тебя не составит труда.

— В таком случае я просто не буду вам доверять.

— Да, другого ответа я от тебя и не ожидал.

— Оригинал обманет так же легко, как и фальшивка. О философских зомби можно многое сказать, но моих познаний в магии недостаточно для того, чтобы вести подобные дискуссии. Вместо того, чтобы гадать, является ли кто-то оригиналом или копией, я думаю о том, как этот кто-то влияет на меня в данный конкретный момент. Вот и всё.

В голов Сигмы возникли две совершенно разные фигуры.

Одной был Лямбда, живой человек, с которым он провёл своё детство.

Другой была Слуга Ассасин, которую, как и теней, скопировали из Трона героев.

Первый ударил Сигму в спину, когда тот этого совсем не ожидал. В ответ Сигма совершил акт возмездия, к которому не испытывал никаких сильных чувств.

Последняя же почти его не знала, но сразилась вместе с ним против ужасного монстра, потому что того требовали её вера и убеждения.

Да, Ассасин чуть не убила его при первой встрече, но, когда они прощались минувшим днём, она сказала, что они будут спасать людей столько, сколько смогут, и в довершение всего улыбнулась ему.

Между копией и оригиналом нет никакой разницы.

Более того, эти тени казались Сигме гораздо более человечными, чем его инструкторы из детства.

Зачем мучиться и стараться отличить оригинал от фальшивки или просто скопированной души?

Поскольку Сигма не мог этого сделать, реальными для него были результаты взаимодействия с другими, какими бы они ни являлись.

Сигма смотрел записи комиков со всего света, пока диски не пришли в негодность. И теперь ему в голову пришла мысль.

«Строго говоря, все эти люди на записях были копиями. И они следовали сценарию, что делало их фальшивыми вдвойне. Но вот он я, наслаждаюсь комедиями. Значит, я такой же? Если моё эго сформировано фальшивками, то что есть моя личность и мои эмоции?»

Сигма подумал немного и покачал головой, посчитав эти вопросы пустой тратой времени.

Он всегда был склонен не доверять никому, даже самому себе.

Сигма мог быть настоящим или фальшивкой, но ему всегда оставалось лишь разыгрывать те карты, которые у него имелись.

В конце концов, ему нужно было спасти девочку – Куруока Цубаки – не только от богини, но и от правительства.

Это было его решение. К чему думать о доверии, ведь кости уже брошены.

Когда всё кончится, пусть другие решают, фальшивка он или нет.

«Подлинность определяется только тем неизгладимым впечатлением, которое ты производишь на других», — сказал себе Сигма.

«Каково это было для мамы? Она сражалась рядом с Эмия Кирицугу, рядом с *легендой*. Что она видела, когда умирала в безвестности?»

На этом Сигма прервал свои мысли самоироничным смешком.

Многие люди лишались головы, даже не подозревая о том, что они видели в последние секунды.

Он осознал, что чересчур романтизировал свою мать, задаваясь вопросом, к какому последнему выводу она пришла. Отсюда и болезненный смешок.

«Да, я могу в любой момент остаться без головы. И поэтому… я предпочитаю верить, что уже пришёл к своему выводу».

Но где? И когда? Как только Сигма задался этими вопросами, ему сразу же вспомнилась улыбка Ассасин.

— Источник моей веры?

В ответ на эти слова, которые Сигма пробормотал, осторожно пробираясь через район болот, тень мальчика с кадуцеем безмятежно улыбнулась и произнесла:

— Почему бы тебе не создать новую религию? Если в твоих учениях будет осуждение греческих богов и логическое применение медицины в качестве абсолютного кредо, то я тебя поддержу. Только надо убедиться, что Аполлону достанется больше всех.

— Хочешь поклоняться самой медицине? Лучше попробовать что-нибудь другое, а то получатся лишь странные боги в лабораторных халатах и нарядах медсестёр… И кто такой этот Аполлон?

— Он… довольно скучный. Тебе лучше не знать.

— Ладно. Я подумал, что это какой-то комик, но раз он скучный, то мне не интересно.

Разговаривая, Сигма подумал о тенях.

«Мне кажется… или они в последнее время стали чаще шутить?»

Силуэт мальчика прервал его мысли.

— Нашёл. Они там, прячутся среди камней.

— Ясно. Спасибо.

Сигма скрыл своё присутствие с помощью магии и смело подошёл к камням.

— Эй.

Услышав голос сверху, наёмник рефлекторно вскинул штурмовую винтовку.

— Я «Голод». «Пяденица»?

— Ты меня напугал... Так и пулю словить недолго.

Наёмник из отряда «Пяденица» убедился, что «Голодом» был Сигма, и убрал палец со спускового крючка.

Он слегка отвёл дуло в сторону, но остался в положении для стрельбы, видимо, потому что ему приказали следить за Сигмой и Сэйбером несколько дней назад.

Кодовое обозначение «Пяденица» носил ручной отряд Фалдеуса, засадная команда, оснащённая тяжёлым вооружением для подавления магов.

— Прости, у меня рация накрылась... Ты можешь вызвать «Быка»?

— Он не выходил на связь с тех пор, как сказал нам ждать здесь приказов. Мы постоянно докладываем, но слышим в ответ лишь голос его помощницы.

«Бык» был позывным для Фалдеуса, как «Голод» для Сигмы. Его вопрос был фарсом. Тени уже поведали ему, что Фалдеус списал со счетов все маловажные отряды и теперь работал исключительно с бойцами, которые считались его личной охраной.

Короче говоря, Сигма оказался среди брошенных на произвол судьбы членов отряда «Пяденица».

Он мог представить, почему с ними перестали выходить на связь.

Они вступили в контакт с Сэйбером несколько дней назад.

Сэйбер предложил бойцам «Пяденицы» еду, и те после некоторых сложностей согласились.

Сигма не знал, насколько они были честны с Сэйбером. Будучи особым отрядом, они с высокой долей вероятности могли просто сделать вид, что наладили со Слугой хорошие отношения.

Но, с точки зрения Фалдеуса, вне зависимости от ответа это был элемент неопределённости.

Фалдеус не может закрыть глаза на возможность того, что Сэйбер или его Мастер промыли им мозги с помощью магии.

Всё-таки он проводит максимально конфиденциальную операцию: переносит основу Святого Грааля перед уничтожением всего Сноуфилда. Малейшее подозрение – и связь с отрядом прекращается.

Благодаря информации от его Слуги, которую передали тени, Сигма знал об их ситуации больше, чем они сами.

И этим можно было воспользоваться.

Ему было известно, что на севере города формировался объединённый фронт против божества на западе.

Но они не доверяли Сигме, связанному с зачинщиками.

Он чувствовал, что его бы сразу пригласили, будь во главе альянса Сэйбер и Аяка, но Сигма предпочёл бы не становиться причиной разногласий.

Таким образом, он привёл в действие свой план.

Действуя из закулисья, он намеревался вынудить *ведущую актрису* уйти со сцены.

Вероятность успеха невелика, а шанс погибнуть весьма высок.

Но им не нужно биться с монстром серебряными пулями.

Сигме придётся сражаться так, как может только актёр из закулисья. И его следующие слова станут первым шагом.

— Фалдеус даже вам не сообщил?

— Сообщил что?

— Отряды «Шакал», «Пики» и «Фужер» полностью уничтожены. Начальство же в ответ объявило «Падение Авроры».

— Полностью?! И что это за кодовое обозначение? Какая-то операция? Мне ни о чём таком не говорили.

Сигма заметил, как напряглось скрытое маской лицо бойца особого отряда.

Любой неверный ответ приведёт к перестрелке.

Сигма не понимал других.

Но он мог прислушаться к зародившейся в нём *доброй воле* и поведать смесь правды и лжи.

— Я Мастер и поэтому знаю, но Фалдеус обрубил со мной связь. Похоже, меня списали со счетов.

— Что такое «Падение Авроры»?

— Завтра этот город будет стёрт с лица земли… вместе со всеми нами.

Остальное боец понял сам.

При обычных обстоятельствах в его слова было бы сложно поверить, но они являлись подчинёнными Фалдеуса. Они знали своего начальника и понимали, какой властью обладали люди, им руководившие.

Учитывая, что ураган, приближавшийся с запада, относился к миру магии, у них была вполне веская причина прибегнуть к таким мерам.

Подождав, пока боец переварит информацию и осознает, в какой ситуации они оказались, Сигма открыл рот.

— Нас кинули. Если захотите сбежать, то я останавливать не буду. Не веришь мне – попытайся связаться с «Быком». Но так вас уничтожат ещё раньше.

— Каков твой план?

— Буду делать всё возможное. Есть одна небольшая проблема, и если я с ней разберусь, то верхний эшелон может пересмотреть своё решение.

И вот заклинатель начал переговоры.

Он был молчаливым и замкнутым человеком, не доверявшим ни себе, ни другим.

Но чтобы бросить вызов тирании как богов, так и людей…

— Вы поможете мне?

Или, возможно, чтобы разыграть заключительный акт своей губительной комедии…

— Мой Слуга… *Чарли Чаплин* к бою готов.

Глава 25
「Тень ставит крест на путешествии из ущелья」

— Наконец-то явился… — с ненавистью пробормотала Филия. Удерживая своей Властью огромный гарпун, она смотрела на восток, откуда тянулась его золотая цепь.

Цепь драматичным образом изменилась.

Она раздулась в мгновение ока, быстро и внезапно увеличившись в размерах, словно бобовый стебель из сказки.

Звенья пружинили под ногами Энкиду, испуская магическую энергию.

Слуга мчался вперёд, подстроившись под ритм своего сердца.

Плотная фигура стремительно приближалась к ней.

Несколько дней назад она заметила, что кто-то следил за ней, но держался на расстоянии. До этого момента. Она пыталась выманить его к храму, завладев лесом, похожим на тот, в котором он когда-то жил вместе с девочкой. Но даже тогда он не дал ей желанный бой. Филия предположила, что Мастер, призвавший Энкиду, был либо очень осторожным, либо настолько слабым, что Слуге пришлось уйти в оборону.

— Если бы ты забыл про эту глупую Войну за Святой Грааль и напал, едва меня почуяв, то тебе удалось бы сразиться бок о бок с Гильгамешем. Но нет, ты решил остаться в стороне, — произнесла она, почти закрыв глаза. Могло показаться, что в её голосе прозвучала ностальгия по далёкому прошлому. После этих слов богиня Иштар медленно подняла голову.

— Тебе решать, каким быть. У жизни ради других без лицемерия и обмана есть свои достоинства.

— Моя богиня?..

Харли стояла перед ней, сдерживая Берсеркер. Ощутив, как божественность Иштар начала расширяться, она развернулась.

Богиня встала рядом со своей главной жрицей и, свирепо глядя на врага, приближавшегося с востока, с бесстрашной улыбкой подняла правую руку к небу.

— Но…

В следующий момент божественная сила Иштар раскинулась и *очаровала* землю между лесом и городом.

— Тебе, мусору, который не может найти себе место, удалось меня оскорбить… Поздно жалеть, искупать или как-то заглаживать вину за этот позор. Тебе никогда не стать чем-то большим, как ни пытайся. *Я хочу увидеть, как ты разваливаешься на части, гниёшь, корчишься, иссыхаешь и падаешь от изнеможения.*

Это было её первое проявление враждебности в этой эпохе.

— !..

По всему телу Харли пробежалась неприятная дрожь, словно конец света наступил уже семь раз.

Если бы Иштар не благословила Харли ролью главной жрицы, это сломило бы её разум и лишило организм жизненных функций.

Но даже эта невероятная ярость, слетев с губ Иштар, стала чарующим голосом, подчинившим себе мир.

Сплетение, обращённое вспять.

Под действием чар земля получила псевдоинтеллект и функции органической жизни, что, в свою очередь, позволило ей обрести эмоции.

Она стала огромной формой жизни. Или колонией маленьких живых существ.

Земля в экстазе вздыбилась, словно бурный океан, и глинистые волны устремились к Энкиду, объединив силы с ураганным ветром.

— ...

В отличие от Иштар, Энкиду не сказал ничего.

Слова были столь же ненужными, сколь и бесполезными. Он лишь направлял на Иштар свою враждебность.

Чары не могли затмить его взор. Воздух и цепи, которых касался Энкиду, отвергали богиню и всё, что она представляла.

Одними только физическими усилиями Энкиду избежал нападения земли, ставшей приспешницей Иштар.

В два шага он отбросил летящие волны грязи и пробился сквозь всенаправленную враждебность.

Обычная поступь гремела подобно грому, а измельчённая порода превращалась в сложное переплетение цепей, которые начали опутывать главную цепь.

Тоннель света, оберегающий золотой мост.

Энкиду вложил ещё больше силы в гарпун, проникая в Эпоху богов.

Иштар прищурилась, глядя на приближающийся снаряд.

— Дерзкий мусор.

И затем она сказала Харли, которая наблюдала за происходящим, затаив дыхание:

— Пусть Берсеркер поможет мне остановить этот мусор. Со змеями разберётся Гугаланна.

— Да, моя богиня!

Харли послушно обратилась к своей Слуге Берсеркер.

Поскольку Энкиду подобрался так близко, она приказала её остановить его... или уничтожить.

Берсеркер развернула своё огромное тело в сторону востока, издавая тихий скрежет, едва слышный из-за воя ураганного ветра.

Она отключила функции, помогавшие ей бороться с потопом и наседающими змеями, после чего назначила Энкиду единственной целью всех своих процессов.

Страж леса богов, по легенде внушавший страх даже Королю героев Гильгамешу.

Представ перед этим ужасающим монстром…

Представ перед старой подругой, которую он когда-то собственными руками превратил в груду плоти, Энкиду тихо пробормотал:

— Нам надо поговорить… Хумбаба.

Сказав это, Энкиду наполнил свои конечности магической энергией.

— Но сначала… я заткну эту богиню, которая не только одарила тебя благами и умиротворением, но и заставила трепетать от страха.

Энкиду взмыл вверх со скоростью молнии и нацелился на богиню в храме.

Но его остановила Берсеркер – колосс по имени Хумбаба.

Несмотря на проворство, неожиданное для столь огромных размеров, она не стала наносить ответный удар.

Харли и Берсеркер чувствовали силу Энкиду и решили действовать от обороны.

Очевидно, что Энкиду было достаточно малейшего замешательства, чтобы разорвать их на части.

До этого Берсеркер сбила целый дождь современных ракет, но её всё равно заставили защищаться.

Оружие, созданное как стержень, удерживающий богов на поверхности, наблюдало, как противник укреплял защиту, ведомый долгом защищать Иштар.

— Это проблема… Битвы на истощение не мой конёк. *В лучшем случае я продержусь три дня и три ночи,* — произнёс Энкиду, вспоминая свою дуэль с лучшим другом Гильгамешем.

Ностальгические дни из прошлой жизни.

Слова Энкиду были честными и сердечными, лишёнными даже намёка на ехидство и сарказм.

Потому что… он очень хотел, чтобы эта короткая трёхдневная дуэль длилась вечно.

× ×

Ущелье.

— Силы стягиваются, — пробормотал кто-то из класса Эль-Меллоев, увидев растянувшуюся в воздухе заряженную энергией золотую цепь.

Его слова относились и к ущелью.

Потому что вскоре после офицеров полиции Сноуфилда и облачённых в костюмы подчинённых Тины с востока практически одновременно прибыли две лошади.

— Я гляжу, вам пришло в голову пригласить организаторов этой Войны за Святой Грааль. Вы в своём уме?

Секретарь Тины Челк не верила своим глазам. Она вопросительно посмотрела на класс Эль-Меллоев и полицейских.

Вера Левитт, представлявшая сопровождавший её отряд из двадцати офицеров, с невозмутимым видом ответила:

— Сейчас не время беспокоиться о положениях и взаимоотношениях.

— Да... Прошу меня простить.

Ей было что сказать, но она предпочла промолчать, но не потому что подобные заявления могли задеть достоинство её госпожи. Она напомнила себе, что магу нужно проявлять сдержанность, и направила взор на членов класса Эль-Меллоев.

Однако её внимание быстро переключилось на двух лошадей.

Мужчина в доспехах, являвший собой воплощение силы духа и энергичности, осмотрелся с блеском в глазах. Ехавшая вместе с ним женщина цеплялась за его плечи и пыталась отдышаться.

— О да, вот это я понимаю! Поразительно! От меня такое не скроешь! Все здесь первоклассные маги! На вид даже сильнее Сен-Жермена, моего самопровозглашённого придворного мага! Ах, простите, грубое, наверное, сравнение, учитывая, что он был очевидным шарлатаном...

Услышав, как Сэйбер небрежно высказал информацию о себе, многие маги сразу же заподозрили, что он был не Слугой, а местным уличным артистом.

Подчинённые Тины всё поняли, что перед ними Слуга, но его слова всё равно застали их врасплох. Ханза сложился пополам от смеха.

Полицейские же, которые знали Сэйбера достаточно хорошо, лишь неловко улыбались.

Некоторые ученики Эль-Меллоя нахмурились, приняв это за шутку, в то время как другие начали всерьёз перешёптываться, высказывая предположения о его личности.

— Он сказал «Сен-Жермен»?

— Выходит, он... Людовик XV?

— Может, Александр Великий...

— Ракоци?..

— Рискну предположить, что перед нами царица Савская.

Наблюдая за юнцами, которые обсуждали его так, словно он их не слышал, Сэйбер рассмеялся в такт стуку копыт своего скакуна и повёл его туда, где открывался хороший вид на лес к западу от Сноуфилда.

— Стоп-стоп-стоп, Сен-Жермен изменял мне с другими правителями? Пожалуй, этого следовало ожидать от парня, который, по его словам, не стареет. К тому же в моё время он разъезжал на одной из этих «машин», которые нынче повсюду. Для мага вообще нормально творить такую дичь?

— Граф Сен-Жермен был магом, сбежавшим из института Атлас?.. Кажется, я опять узнал то, чего мне знать не следовало...

Услышав бормотание гиганта в очках, Сэйбер пожал плечами.

— Одно его присутствие распространяет информацию, которую лучше никому не знать. Он хоть и называл себя придворным магом, но от него я научился лишь *восстанавливать повреждённые драгоценные камни.*

После его слов у пары магесс загорелись глаза, но они воздержались от комментариев, видимо, рассудив, что развивать эту тему было не самое удачное время.

— О, но всё же я впечатлён!

Сэйбер с детским удивлением смотрел на лес с утёса, словно настроение людей вокруг его никак не касалось.

Его взгляд был прикован к ноге *какого-то существа*, которую опутали гигантские змеи. Нога опускалась с неба на чёрный потоп, поглотивший лес. Следовавшие за этим золотые взрывы то и дело поднимали скальную породу в воздух.

— То есть мы объединяемся, чтобы дать бой вон тому *существу*? Если бы я воплотился в классе Райдер, то распределил бы свою силу между всеми, но, к сожалению, я Сэйбер.

Сэйбер с радостью дал оценку своим способностям, глядя на развернувшееся перед ним фантастическое зрелище.

После чего он внезапно развернул своего скакуна и представился, словно только сейчас про это вспомнив.

— Простите мою невежливость, ведь я даже не спешился! Я Слуга, участвующий в этой Войне за Святой Грааль в классе Сэйбер! Прошу понять, что мне сейчас никак не слезть с лошади! Дело не в статусе, просто мой Мастер не удержится на ногах, если ступит на землю!

— О-о-о-ох... Н-ничего, скоро я приду в себя... — со стоном произнесла женщина, прежде чем поднять голову и осмотреться.

«О, священник из той церкви... Живой».

Они не пересекались с тех пор, как церковь серьёзно пострадала. Аяка облегчённо вздохнула при виде по большей части целого и невредимого священника с повязкой на глазу.

«Отлично, с отрядом мисс Веры тоже всё нормально... А?»

Аяка заметила кое-что странное.

Помимо полицейских и странных личностей в костюмах, здесь присутствовала третья, разнородная группа молодых людей, которые смотрели на неё с настороженностью и изумлением.

— Это же Садзё...

— Аяка с Юмина, верно?

— Она что, покрасила волосы?

Услышав их шёпот, Аяка содрогнулась и сглотнула. Слабость в ногах сразу же вылетела у неё из головы.

— А... Ч-чего?

Аяка *никого из них не узнавала*.

Женщина азиатской наружности в красном платье не сводила с неё пронизывающего взора, но Аяка всё равно не могла вспомнить.

Не подозревая о её тревоге, молодые люди обменивались полными замешательства словами.

— Но Садзё ведь сейчас в Румынии. Мы это точно знаем.

— Несомненно...

— Правда? А я вот не вижу никакого сходства. Садзё пахнет более гармонично и извилисто.

— Просто ты не по виду судишь, Свен.

— Однако... Если Свен говорит такое, то мы можем с уверенностью сказать, что она другой человек.

Эти незнакомцы обсуждали её.

Впервые за долгое время Аяка вспомнила, что её бросили на милость беспощадной судьбе. Она слезла с лошади, готовясь к худшему, собралась с духом и произнесла:

— Эй.

Все сразу же посмотрели на неё.

Аяка покачнулась от давления. Ей не верилось, что они были почти её ровесниками.

Она не заметила, как Сэйбер тоже спешился. Его рука легла на её плечо.

— Всё нормально.

— Да... Спасибо.

Аяка успокоилась и спросила:

— Вы все обсуждаете мою внешность, но... Кто вы вообще такие? Мы... знакомы?

После этих слов вперёд выступила женщина, явно наиболее волевая среди молодых людей.

— Нет. Точнее говоря, мы узнали о твоём существовании всего несколько дней назад.

— А?

— Это нам хочется знать, кто ты такая. Мы можем работать с кем-то, кому не доверяем, ведь предать потом не составит труда. Но объединиться с кем-то, кого мы не понимаем?.. Это проблема посерьёзнее, одной только излишней осторожностью тут не обойдёшься.

Женщина жестом прогнала своих товарищей.

— Хватит прохлаждаться. Я заставлю её ответить на вопросы, а вы продолжайте наблюдать за лесом. Знаете же, что мир может исчезнуть, пока мы тут занимаемся не пойми чем.

Молодые люди вняли её словам и принялись расставлять магические приспособления и круги, чтобы должным образом реагировать на аномальные изменения в лесу. Многие из них пожимали плечами.

Женщина в красном, чей взгляд был прикован к Аяке, прямо спросила:

— Давай-ка ещё раз. Кто ты такая? *Почему у тебя лицо Садзё*?

Зрение Аяки исказилось и мгновенно вернулось в норму.

Не понимая обращённых к ней слов, она нашла в себе силы и ответила вопросом на вопрос:

— Почему? Потому что... я Садзё Аяка... Подожди, есть ещё кто-то с таким же лицом?

— Да. Волосы у неё другого цвета, но в остальном вы похожи как две капли воды. Ладно... Тогда другой вопрос. Слово «Фуюки» тебе о чём-нибудь говорит?

— Ну, да, это мой родной город.

— Хм... В каком районе ты жила? Синто? Мияма? Хомурахара?

— А? Эм-м-м...

Голова болела.

Прошлое ныло.

Память искажалась.

Почувствовав, как её голову в мгновение ока заполнил густой туман, Аяка смогла кое-как выудить название из глубин разума.

— Курокидзака... Многоквартирный дом Семина.

Женщина в красном на секунду прищурилась, когда услышала эти слова, но, в отличие от Сэйбера, Аяка этого не заметила.

Когда она оказалась в этом городе и назвала своё имя в участке, полицейские сказали, что проведут расследование, и не стали расспрашивать её о прошлом.

Возможно, проведи она там больше времени, они бы обнаружили неточности в полученных документах и устроили ей самый настоящий допрос.

Но этого не произошло, и она осталась в городе как «Аяка Садзё из Японии».

Поэтому сама Аяка не особо задавалась вопросами по поводу того, кем она была. До этого момента.

Прежде никто не *заставлял* её думать об этом.

— У тебя были друзья в Фуюки? Можешь назвать имена?

Женщина в красном продолжила свой методичный допрос, не агрессивный, но и не мягкий. Сэйбер рассудил, что она делала это без злобы, просто её методы были весьма прямолинейными и нейтральными для мага.

Поэтому Сэйбер не препятствовал её допросу, но приготовился действовать, если вдруг что-то случится.

— Друзья?..

Дымка в голове Аяки сгустилась, но она не стала от неё убегать.

«Бежать нельзя. Если сдамся сейчас, то этот туман никогда не рассеется».

Копаясь в своих воспоминаниях, Аяка обратилась к *дням в Фуюки*, которых она старалась избегать.

— Точно... У меня есть... были друзья...

Ей удалось кое-что разобрать в расплывчатых мыслях.

Людей, чьи лица она плохо запомнила. Тех, кто назвал её имя.

— Они сказали мне, что меня зовут Аяка, Садзё Аяка...

Имена людей, которые научили её, что она «Садзё Аяка».

— Гото... Гай... и... Цунокума?..

— Что?.. Хм? Серьёзно?

Как только Аяка назвала эти имена, женщина в красном продемонстрировала новую реакцию. Она удивилась.

— Никогда бы не подумала, что услышу эти имена здесь... Раз уж ты сказала про многоквартирный дом Семина, я ожидала упоминания Химуро и, может, Мицузури

и Саэгуса, но... Ха... Если тебе хотелось сбить меня с толку, то поздравляю, отличная работа.

— ?

— Да ладно, любой скажет, что Аяка смущена гораздо больше, чем ты.

Сэйбер решил прийти на выручку и начал вмешиваться в разговор.

— Хм-м... Как я понял, вы не доверяете Аяке, потому что... ваша общая подруга выглядит и зовётся так же, как и она, но при этом является совершенно другим человеком.

— Разве ты можешь нас в этом винить?

По ответу магессы в красном было понятно, что она продолжала стоять на своём, но при этом проявляла осторожность.

Сэйбер сразу же сообразил, что это был не тот случай, когда Мастер или маг унижает Слугу, равняя его или её с обычным фамильяром.

«Хотя самоуважения ей тоже хватает... Подобная ситуация этой женщине действительно не в новинку. Должно быть, она много знает о Слугах и Героических душах. Более того... она много знает и о Фуюки».

Несмотря на это, Сэйбер придерживался политики никогда не скрывать, кем он был.

— Да, мы имеем дело с подменышем, не иначе. Феи существа ужасные, скажу я тебе. Никогда не знаешь, что они учудят, а для большинства из них люди не более чем каракули на листе бумаги.

— Сэйбер?

— Что ты пытаешься сказать?

Аяка и магесса посмотрели на Сэйбера. В их глазах читалось много вопросов. Сэйбер ясным и неуклонным тоном ответил:

— Копии тел. Иллюзии. Фантазменные звери. Вампиры. В нынешнюю эпоху возможно даже изменить лицо человека с помощью медицинских технологий, верно? Простой макияж и ловкость рук могут сотворить чудеса. Возможных причин существования нескольких Аяк столько же, сколько звёзд на небе. Но проблема не в этом, — заявил Сэйбер, кивая в знак согласия с собственными словами. — Да, у вас есть причина подозревать Аяку. Это вполне естественно. Но я знаю только одну Аяку, за которой присматриваю с момента своего призыва. И я говорю, что ей можно доверять.

— То есть ты хочешь, чтобы мы поверили мнению её Слуги?

— Не, я ваша гарантия.

— Гарантия?

— *Аяка хочет доказать, что она хорошая девочка, и только поэтому я ещё не убил вас всех,* — сказал Сэйбер, сверкая самой ослепительной своей улыбкой.

— Прошу прощения?..

Аяка с недоверием подняла голову.

Сэйбер холодно продолжил, словно не услышав голоса своего Мастера:

— Мы прибыли сюда, потому что вы пригласили нас сразиться бок о бок, но я вижу лишь, как моего Мастера заваливают вопросами. Лично для меня этого достаточно, чтобы подписать вам всем смертный приговор.

— Подожди, что ты?..

— Не волнуйся, Аяка. Если придётся, я смогу призвать всю свою свиту разом. Этот бой я не проиграю, — заявил Сэйбер и пожал плечами, словно для него это было сущей ерундой.

В ущелье как будто стало холоднее.

Дело было не только в женщине в красном. Молчавшие маги, занятые своими делами, тоже щёлкнули своими «переключателями», даже не поворачиваясь.

Лицо стоявшей рядом с ними Ипполиты было невозмутимо, но она уже сместила центр тяжести.

Воительница приготовилась начать бой в любой момент, но Аяка, естественно, не понимала, что ситуация изменилась, Сэйбер бесстрашно улыбался, а полицейские с подчинёнными Тины напряглись.

Но первый ход сделала та, кто не заметила возникшего напряжения. Сама Аяка.

В её голове была лишь сцена из сна.

Сэйбер в какой-то крепости и куча тел, *окрашенных в красный цвет*.

Вспотев с головы до ног, Аяка крепко вцепилась в руку Сэйбера.

И закричала изо всех сил.

— Даже не шути об этом, Сэйбер!

— По-твоему, я шутил, Аяка?

— Это ещё хуже! Говорила ведь! Марать руки буду я! Да, у меня нет силы сделать это самой! Но я твой Мастер, а это означает, что ты будешь убивать людей только по моему приказу, разве нет?! Или, может, ты на самом деле не доверяешь мне?!

Он ещё никогда не видел её такой серьёзной.

Воцарилось молчание.

Несмотря на жестокие столкновения, вспышки и бурю в лесу на западе, внутри барьера, возведённого с помощью магии бабочки, на несколько секунд – которые показались целой вечностью – стало на удивление тихо.

Напряжение исчезло, когда дерзкая улыбка Сэйбера сменилась ухмылкой ребёнка, совершившего шалость.

— Ну как, было похоже, что она притворялась? — спросил он магессу.

— Чего? — пробормотала Аяка, ничего не понимая.

Женщина в красном раздражённо закрыла глаза, протяжно вздохнула и ответила:

— Ладно, по крайней мере, ты убедил меня в том, что актриса из неё никакая. И ещё… Я до сих пор не знаю, человек она или нет, но она в любом случае *дилетантка*, причём в ужасающей степени.

— Ага. Позволь мне принести официальные извинения. Хоть я и не говорил это всерьёз, но угрожать вам всем смертью было очень грубо. Если позволите, я искуплю вину своими будущими усилиями.

— Ну, для нам подобные игры с обманом и хитростью – обычное дело. Простое извинение уже делает тебя лучше многих. Но заметь, я не сказала «проехали». Мы тебя загоняем до изнеможения.

Разговор между Сэйбером и женщиной в красном вернулся в обычное русло, и маги вновь сосредоточились на своих задачах, шёпотом обмениваясь фразами вроде «Блин, он реально меня одурачил», «Мы бы не победили, Героические души находятся на совершенно ином уровне» или «Не стоило переживать, на Тосаку в таких делах всегда можно положиться».

— Чего? Так вот что произошло?

Подумав немного, Аяка осознала, что Сэйбер втянул её в свою шараду.

— Сэйбер?

— Всё хорошо, что хорошо кон... У-у-у-у.

Сэйбер застонал, когда Аяка изо всех сил дёрнула его за косичку.

— Хм-м, но да, я понимаю, что ты устроил этот балаган, чтобы помочь мне...

— Ха-ха-ха, я считаю твой талант понимать других настоящим достоинством.

— Я разрываюсь между желанием поблагодарить тебя и намерением хорошенько отругать за шутку про убийство. Ну и что мне делать?

У Аяки всё ещё вздувались вены, но она смогла выдавить из себя улыбку. Увидев это, Сэйбер задумался на секунду, несмотря на то, что его продолжали тянуть за волосы, и озвучил, как ему показалось, гениальную идею.

- В такие моменты весьма уместно начать петь. Когда я сидел за решёткой, мне было так одиноко, что я сочинил жалобную песню, которую можно вкратце описать словами «я здесь и поэтому очень хочу, чтобы кто-нибудь меня спас». И ещё я должен извиниться за то, что разозлил тебя!

Когда Сэйбер весьма грандиозным образом избавил Аяку от едких чувств, она обнаружила, что не испытывает должного облегчения.

Она не находила себе места из-за сна, в котором присутствовал Сен-Жермен, но главным источником её тревоги было понимание того, что его недавнее представление было вовсе не шуткой. Что он действительно был полон решимости убить всех, кого видел. Что это было частью его натуры.

Как Сэйбер и сказал, у неё был талант понимать других.

«Дело не в том, добрый он или злой. Сэйбер просто не знает, как *колебаться*. Он полностью игнорирует страх вину и тревогу, которые вызывает мысль о том, что у его действий есть последствия. Или, может, он принимает все эти чувства с распростёртыми объятиями и продолжает идти вперёд».

У Аяки не получалось думать об этом как о чём-то совсем плохом.

Всё-таки эта его склонность много раз спасала ей жизнь.

И поэтому Аяка пересмотрела свои убеждения.

Теперь она думала, что не может оставить его наедине с той плохой репутацией, которую он без необходимости обретал ради неё.

Именно это она решила, когда они официально заключили контракт.

«Когда придёт время тонуть, я пойду на дно вместе с ним».

Магесса в красном прокомментировала вновь обретённую решимость Аяки:

— Когда мы здесь оказались, ты уже была в Америке. Поэтому сложно представить, что ты хочешь нас обмануть. Если же целью было наблюдение за Флатом и учителем, то есть кандидаты и получше. Серьёзно, нет никакого смысла останавливаться на облике Садзё, ведь нам достаточно просто набрать её номер.

— А? Вы можете… ей позвонить?

— Мы уже это сделали, но без толку. У неё тоже не нашлось ответа. Кажется, Садзё заподозрила кое-кого из её семейки, но, как выяснилось, она ни при чём.

— Л-ладно…

У кого-то было такое же имя, как у неё.

Столкнувшись с этим фактом, Аяка…

…обнаружила, что ведёт себя более холодно и рационально, чем можно было ожидать.

«Что? Почему я так спокойна?»

Она внезапно осознала, что понятия не имела, кем являлась. И вполне естественной реакцией на это были бы гнев, безумие и паника.

Но вместо этого она нашла покой в том, что может ясно воспринимать противоречия.

Самое неприятное заключалось в том, что она не могла понять, что именно заставляло её чувствовать такое облегчение.

«Стоп, в этом нет никакого смысла. Очевидно же. *Почему я не пытаюсь изо всех сил вспомнить своё прошлое*? Даже теперь ищу оправдания… Нет, сейчас не время для этого…»

Это правда, что туман сильно замерцал после слов женщины в красном, но она так и не смогла сделать шаг к воспоминаниям о своём прошлом.

По факту, если бы у Аяки не было смелости попросить о срочной помощи, чтобы заставить её вспомнить, она не смогла бы напомнить себе о своей логике и мотивах и не дала бы убедительных ответов.

Магесса в красном на секунду забыла про Аяку и обратилась к Сэйберу, с которым надеялась объединить силы.

— И всё же… Я вижу, что ты рыцарь или что-то в этом духе. Если при жизни ты участвовал в сражениях, то тебе должно быть прекрасно известно, как страшен фактор неизвестности на поле боя.

— Ну, если ты так считаешь, то я бы не хотел такого фактора, в сравнении с которым происходящее в лесу покажется сущей мелочью, — с сарказмом произнёс Сэйбер и повернулся лицом к западу. Лес плотно окутал ураган, из-за чего с расстояния было трудно понять, что там происходило.

Однако до них всё равно доносились оглушительные взрывы и раскаты грома, сопровождаемые золотыми вспышками и движением чего-то гигантского.

— Мы не настолько глупы, чтобы бросаться сломя голову на… *что бы это ни было.*

— Да, вы все очень умны, — сказал Сэйбер и взглянул на собравшихся вокруг товарищей, явно наслаждаясь собой. — Разве не поэтому *вам нужен кто-то на роль безумца*?

Сэйберу ответил молодой аристократ, который поддерживал барьер с помощью бабочек.

— Очевидно, мы бы никогда не пригласили вас сразиться вместе только для того, чтобы использовать в роли приманки или жертвенной пешки. Особенно тебя, явно особу королевских кровей, если судить по стилю и индивидуальности.

— На самом деле всё обстоит не так. Я слышал, что *мой уважаемый король Артур* лично вёл солдат вперёд и что он собственными руками сразил подлого Вортигерна и предателя Мордреда. Я тоже много раз шёл в бой в первых рядах или вообще в одиночку. Как вечный почитатель своего короля-предка и Александра Великого, я предавался безумный мечтам и желал уничтожить целую страну с помощью одного лишь боевого мастерства, — сказал Сэйбер, восхваляя больше героев прошлого, чем себя.

Он заметил, что женщина в красном слабо отреагировала на упоминание короля Артура, но сдержался, зная, что на это сейчас не было времени.

Надолго его не хватило.

— Кстати, раз ты знаешь Фуюки, то, наверное, видела короля Артура в... У-у-у-у!

Сэйбер смотрел на магессу в красном с явным желанием продолжить этот разговор, но Аяка, дёрнув своего Слугу не только за косичку, но и за руку, отчитала его и заставила вернуться к делу.

— Можете говорить об этом сколько душе угодно, но только после того, как мы разберёмся с насущной проблемой.

— Похоже, мы не можем порадовать друг друга блестящими идеями, как разобраться с храмом на западе, но нам нужно что-то сделать, прежде чем эта война на истощение закончится.

— Ты называешь войной на истощение вот это?.. Чего?.. — пробормотала в ответ Аяка, наблюдая за лесом.

Но вмешиваться в разговор она не собиралась и поэтому не стала продолжать.

В стратегическом совещании принимали участие управлявший бабочками Вернер Цезармунд и женщина в красном, Тосака Рин.

Им составили компанию магесса в синем платье по имени Лувиагелита Эдельфельт и несколько магов, назвавшихся подчинёнными Тины Челк.

И наконец женщина, которую Сэйбер и Аяка уже знали, Вера Левитт.

Священник Ханза решил наблюдать за обсуждением со стороны, сказав: «Что бы вы ни решили, я спорить не буду. Ситуация такая, что сокрыть это без полного уничтожения не получится, не так ли?»

Встав поодаль, он пошутил: «Я придумаю, что написать в своём докладе. Полагаю, Святая Церковь сотрёт этот город с лица земли, если мои бредни их не убедят, хе-хе-хе». Но никто почему-то не засмеялся.

— Это будет очень в духе Церкви… — пробормотал Сэйбер и спросил Веру, возвращаясь к теме: — Ладно, каков план? Подождём, когда всё уляжется, и нападём на истощённого врага? Или же превратим город или ущелье в крепость и приготовимся к осаде? В этом призыве я воплотился не как полководец и стратег, а как простой рыцарь. Буду следовать той стратегии, на которой вы, современные маги, остановитесь.

После этих слов он посмотрел на Ипполиту.

— Ты ведь того же мнения, *предводительница амазонок*?

— В общем и целом. Однако особенности моей духовной основы помогают руководить маршами.

Ипполита молча кивнула, когда Сэйбер намекнул, что разгадал её настоящее имя.

Аяка, которая по большей части не слушала разговор, из внезапного любопытства сказала Сэйберу:

— Я ожидала, что ты вызовешься напасть на храм в одиночку.

— Ну, честно говоря, рыцарь внутри меня того и требует. Но у нас тут объединённая армия с самыми разными силами, так что это неприемлемо, не так ли? Мне доводилось командовать союзными войсками, и это та ещё заноза в заднице, скажу я вам.

Вспоминая далёкое прошлое, Сэйбер закрыл глаза от усталости, что было для него большой редкостью.

Он молча покачал головой и громко сказала себе:

— Ну, кто-нибудь своевольный всегда найдётся, поэтому очень важно уметь импровизировать в зависимости от его поступков. Но даже если кто-то покинет строй, не устояв перед вражеской свирепостью или элементом неожиданности, или если союзник решит не подчиняться приказам, их действия можно использовать, чтобы застать противника врасплох.

После этих слов Сэйбер обратил свой взор в сторону леса на западе.

— Представим, что лес и храм – это город. Успех нашей стремительной атаки зависит от способностей генерала, возглавляющего его оборону. Если не генерала, то правителя… или бога. Однажды мне удалось победить дьявольское создание, именуемое Мёртвым Апостолом, но это будет мой первый штурм замка божества.

— Ну надо же, Сэйбер, я удивлена, что ты смог убить Мёртвого Апостола при жизни.

Сэйбер неловко улыбнулся в ответ на слова Лувии и покосился в сторону Ханзы.

— Это был единственный случай. К тому же ради этого мне пришлось объединиться с заклятым врагом и пожертвовать большей частью наших объединённых войск. Но сложнее всего далась зачистка. Мой вам совет, никогда не связывайтесь с людьми, представляющими тайную сторону Церкви. Всё я сказать не могу, но большинство из них… бесят.

— Соглашусь, — сказал стоявший в стороне Ханза, намекая тем самым, что всё слышит.

— Соглашусь, — повторила Рин, не вдаваясь в детали.

— То есть… вы предлагаете ждать, пока обстановка в лесу не изменится? — повысила голос Вера, представлявшая полицию.

Для Веры, которую скорое уничтожение города тревожило не на шутку, это был вполне естественный вопрос, но Вернер лишь покачал головой.

— У нас нет на это времени. Если самопровозглашённая богиня победит, то всё станет только хуже.

— В смысле? — спросила секретарь Тины.

— Проиграв в бою, Героическая душа попадает в Малый Грааль. Мне продолжать? — ответила Тосака Рин, которая, по-видимому, знала про Войны за Святой Грааль больше всех.

В ритуалах, следующих модели Фуюки, Святой Грааль разделяется на Великий и Малый.

Великий Грааль можно сравнить с резервуаром, где накапливается энергия из духовной жилы, а Малый Грааль является устройством, которое вбирает в себя энергию призванных Героических душ.

Героическая душа, павшая в бою и не способная поддерживать свою духовную основу, оказывается в Малом Граале.

По завершении войны их духовные формы кристаллизуются и становятся Святым Граалем, образуя устройство для исполнения желаний.

Говорят, что в этот момент настоящий Святой Грааль может достичь сферы Третьей Истинной магии, она же материализация души, позволяя обрести подлинное бессмертие.

Вера вспомнила странный разговор, в ходе которого Франческа и Фалдеус упомянули, что у Войны за Святой Грааль города Фуюки было и другое предназначение, помимо Третьей магии. Но это, по словам Фалдеуса, не является их целью. Франческа же сказала, что ей это не интересно и что её фальшивый Грааль может в лучшем случае предложить лишь имитацию Третьей магии. Мол, *ему никогда не проложить необходимый путь.*

Её начальник не стал возражать, поэтому Вера решила не задавать лишних вопросов.

Тосака Рин явно не собиралась вдаваться в подробности. Она просто продолжила говорить про присутствие Малого Грааля.

— Ваш начальник знает, что такое Малый Грааль? — спросила Рин Веру.

Будучи на стороне зачинщиков Войны за Святой Грааль, Вера на секунду замешкалась, но всё-таки медленно кивнула, поскольку начальник разрешил ей раскрывать любые карты, кроме настоящих имён Слуг.

— Да. Сообщница по имени Франческа привела гомункулу Айнцбернов… которую зовут Филия.

— Что?

В этот раз голос подала Аяка.

— Филия?.. То есть… та самая Филия?

— Знакомы? Хорошо, меньше объяснять. Думаю, вы можете понять, к чему ведёт мисс Тосака.

Сэйбер послушно кивнул в ответ на слова Веры.

— Ясно. После гибели Героическая душа попадает в Малый Грааль. В нашем случае это тело гомункулы Филии. Проблема в том, что Малый Грааль занят этой богиней Иштар…

— Как правило, Малый Грааль не обладает функцией преобразования энергии Героической души в подконтрольную силу. Другое дело, если внутри неё действительно божество или нечто очень похожее.

Лувия продолжила там, где остановилась Рин.

— Если первая проигравшая Героическая душа обладала Божественностью, то именно её попадание в поток Грааля могло вызвать это пробуждение… По крайней мере, мы так полагаем.

— То есть вы хотите сказать, что если энергия того, кто проиграет в этой битве, будет поглощена… то мы уже ничего не сможем сделать?

— Да. И поэтому наш план прост. Мы атакуем храм прямо сейчас.

Сэйбер, которого слова Рин явно заинтриговали, с довольным видом спросил:

— Что-что? Не ты ли говорила, что вы не настолько глупы, чтобы бросаться туда сломя голову?

— Вот именно, «сломя голову», — кивнула Рин и со всем неуважением заявила, словно бросая вызов великой силе: — *Мне плевать, что это за божество… Я собираюсь честно вломить ей, напав со спины.*

× ×

Перед новым храмом Иштар.

Определение силы.

Определение мира.

Эти фразы то и дело являли себя в промежутке между землёй и небом.

Огромный ураган, воплощение божественного зверя.

Страж богов, монстр бедствия.

Чёрный потоп, созданный мстителем, отвергающим и выступающим против богов.

Золотые цепи, оружие богов.

Отголосок древней богини, пытающийся обрести былое величие.

То, что некогда было лесом на западе, стало «песочницей», где резвились реликты Эпохи богов и их враги.

Героическая душа и магическое существо, забредшие сюда, были как пылинки.

Доказательством тому служило переполнявшее «песочницу» невероятное количество энергии.

Она была не готова.

Героическая душа, оказавшаяся в «песочнице», просто сокрушалась по поводу того, что ей не хватало опыта.

Она всегда была тщеславной.

Возможно, в каком-то смысле её попытки приблизиться к девятнадцати великим и благочестивым старейшинам стали первым признаком её незрелости.

Одна благородная Героическая душа во власти бушующих волн силы.

Она ничего не добилась с тех пор, как воплотилась безымянной Ассасин.

Она не уничтожила адское отродье, осквернившее её душу порочной магической энергией.

Она не спасла девочку, ставшую игрушкой в руках родителей.

Она не бросила вызов чуждой *силе*, называющей себя богиней, и не предотвратила уничтожение города.

Сцену, развернувшуюся перед Ассасин без имени, можно было описать как медленное и мягкое разрушение мира.

Похожие на горы змеи опутали колосса, который был гораздо больше них, а земля исчезла под чёрным бурлящим потоком.

Более того, к лесу приближался огромный гарпун, который, как она предполагала, принадлежал Героической душе, встретившей её в лесу. Женщина, назвавшаяся богиней Иштар, очаровала сам мир и подчинила его своей воле.

Этого она ни за что не могла стерпеть.

Нет, даже если бы она закрыла на это глаза, ей нужно было положить этому конец ради жителей города.

Но ситуация уже стала такой, что её чувства перестали иметь значение.

Она взобралась на дерево и едва спаслась от чёрного потопа, но больше ей ничего не оставалось.

Если она перейдёт в призрачную форму, чтобы сбежать, то вихрь магической энергии затянет её и сразу же уничтожит.

На её месте любого человека или обычную Героическую душу это привело бы в уныние.

Но её сердце не сломить.

Глядя на столкновение сил, которое можно было описать лишь как предельную жестокость, безымянная Ассасин продолжала искать возможность что-нибудь сделать.

Она была более чем готова расстаться с жизнью.

Вот только её жизнь ничего не решит.

— Ха-ха-ха! Мы с тобой всего лишь пылинки перед лицом этой жестокой силы, моя ненаглядная Ассасин! Ах, какая же радость впервые увидеть мир так же, как и ты! Вкус отчаяния стоит того! Да, я наконец-то готов умереть, если потребуется! Да! Моя единственная любовь! Сгинуть вместе с тобой будет…

Безымянная Ассасин пропустила мимо ушей бессвязный бред, доносившийся с соседнего дерева, и высвободила свой Благородный Фантазм.

Забания

— Обманчивое сердцебиение.

Джестер в последний момент увернулся от удара красной руки, появившейся из спины Ассасин.

Но в движениях кровососа отсутствовала прежняя энергичность. Если Ассасин приложит все свои усилия, то наконец-то сможет стереть его из бытия.

Вот только она не знала, хватит ли ей энергии, полученной от Аяки. Не будет ли лучше поставить на лучик надежды и отправиться на уничтожение существа, называющего себя «богиней»?

Она не могла решить.

Безымянная Ассасин подумала, что нерешительность была признаком её незрелости.

Она бы застонала от собственной слабости, но у нее не было на это времени.

«Что же делать?»

«Как поступить правильно?»

«Следовать логике или эмоциям?»

«Я вообще имею право на этот выбор?»

- Ах, ах, моя дорогая, ненаглядная, прекрасная Ассасин! Мы ничего не можем сделать. Но видеть, как чуждая сила ставит на колени тебя и твою веру... это... Эх! Буду честен! *Это всё, что я хотел увидеть*! Терзать и ломать тебя должен был я, без этого моей любви не стать совершенной! И раз уж мне это больше не сделать, то я буду смотреть, как тебя ломают боги, это меня вполне устроит! Ты разочарована во мне? Не стесняйся. Я готов и на меньшее, когда дело касается нашей любви! Как же низко я пал! Раз такое дело, мы с тобой, разочаровавшиеся мужчина и женщина, должны найти красоту в том, чтобы исчезнуть вместе из этой эпохи...

Ассасин вновь проигнорировала бредни кровососа на соседнем дереве.

Однако похожие изумление и нетерпение начали стучаться в двери её сердца.

Каждый удар ноги божественного зверя, фамильяра женщины, которая даже Слугой не была, порождал новый катаклизм.

И способов предотвратить это попросту не было.

Она не знала, что предпринять.

Тогда какой смысл противиться?

Ассасин представила, как позади возникла другая она и прошептала ей на ухо: «Ты сделала достаточно».

Это было почти похоже на недовольные жалобы.

«Всё было бы намного проще, если бы ты не стремилась к высотам, не желала стать такой же, как Старик с горы, а выбрала обычную жизнь».

Слова «теперь можешь покоиться с миром» прозвучали на удивление соблазнительно.

«Все попытки тщетны».

«Почему тогда не бросить всё и не сбежать?»

«Да, ты бы могла...»

«...взять с собой того наёмника и...»

Ассасин вцепилась рукой в глотку другой себя, шептавшую у неё за спиной.

— Кха...

С удивлением почувствовав, как её рука действительно что-то схватила, Ассасин обернулась и увидела задыхающегося Джестера со сломанной шеей.

— ?..

Джестер коснулся ладони сбитой с толку Ассасин, и та вынужденно отступила, наблюдая, как кровосос сдирает плоть с шеи.

— Кха... Ха-ха, Ха-ха-ха! Значит, подчиняться ты не собираешься! Это и делает тебя такой прекра...

Не успев выдавить последние слова из искривлённой глотки, Джестер рухнул в чёрные воды и мгновенно исчез, поглощённый потоком.

Тогда-то Ассасин и заметила.

То, что она считала тенью слабости её сердца, на самом деле было иллюзией, созданной Джестером.

— ...

«Так от него не избавишься».

Ассасин удержалась от того, чтобы броситься в погоню. Она не была глупой и понимала, какую опасность представляли чёрные воды.

Кому-то вроде Джестера, еретичного по своей сути, они вряд ли сильно навредят, но она даже представить себе не могла, что произойдёт, если в них упадёт Слуга.

Ассасин некуда было ступить, чтобы оказаться в безопасности, но, что странно, она сохраняла спокойствие.

Безымянная вновь начала рационально мыслить, выровняла дыхание и с невозмутимым видом посмотрела на небо.

— Мне действительно ещё многому предстоит научиться.

Её на удивление ясный взор не мог затмить даже неистовый ветер.

Благодаря словам Джестера она вспомнила кредо, которое обрёл Сигма.

«Поищу способ спасти Куруока Цубаки, даже если город будет уничтожен».

Он, наёмник, сказал, что будет искать способ спасти кого-то, *даже если город будет уничтожен*.

Он смирился с разрушениями, которые несла великая сила, однако всё равно намеревался спасти девочку.

— Сигма гораздо сильнее меня.

Её лицо прояснилось, но на нём отчётливо читалась решимость.

«Судьбе меня не сломить. Ибо великий поток уже предопределён. К тому же не мне подвергать сомнению волю Аллаха».

Безмятежная ясность.

Ливень, чёрный потоп и водоворот жажды крови, окружавший её, казались теперь очень далёкими.

Отбросив всё, что делало её той, кем она была, Ассасин могла объединить все имитации великих Стариков с горы из прошлого. Если она откажется от своей человечности, то у неё появится шанс остановить колосса и женщину с чуждой силой.

«Во мне нет страха. Я просто стану тем, чем должна стать. Надо просто *избавиться от всех моих незрелых чувств*».

Безымянная Ассасин попыталась отпустить эмоции, чтобы увидеть свой путь, ведущий к концу.

Корень её духовной основы начал извиваться и превращаться в то, что сотрёт её личность.

Но...

Изменения в её духовной основе полностью прекратились.

— ?..

Безымянная Ассасин попыталась высвободить Благородный Фантазм, готовая избавиться от всего, что скопилось со временем: от своих прошлого, личности, тела и эмоций.

Но не смогла произнести его имя вслух.

Все звуки вдруг исчезли, а вслед за ними и воздушные потоки, порождаемые неистовыми ветрами.

Не в силах услышать даже звуки собственного дыхания, Ассасин ошибочно решила, что кто-то лишил её слуха.

Прислушавшись, она уловила слабый шелест ткани и поняла, что проблема заключалась не в ушах, а в самом пространстве вокруг.

Её присутствие было полностью изолировано от мира. Она будто оказалась в ловушке бездонной тени.

Если говорить точнее, её присутствие было отрезано *тенью*, таящейся в трещинах мира.

Невидимой тенью.

Описать охватившее её странное ощущение как-то иначе было невозможно.

Ассасин не могла пошевелиться.

Но, несмотря на то, что она оставалась на месте, теперь на неё совершенно не влияли яростные столкновения и буря.

Ей не удавалось даже посмотреть на свои руки и ноги, чтобы понять, стоит она или сидит.

Столь внезапная потеря связи с миром породила в её голове мысли, что она уже умерла и лишилась тела, которое использовала.

И затем она увидела, как что-то изменилось.

Огромное дерево рядом с ней разворотило ударной волной, когда Берсеркер отразила атаку Лансера.

Один из разлетевшихся в разные стороны листьев прошёл сквозь Ассасин...

И нечто, чего здесь ещё секунду назад не было, появилось у неё прямо перед глазами.

«Оно» естественным образом парило в воздухе, словно растворившись в мире.

«Оно», *маска-череп, символ смерти*.

Время для Безымянной Ассасин сразу же замерло.

У неё не было возможности задуматься над тем, что произошло.

Ей не нужно было озвучивать своё недоверие.

Без всякого промедления воспоминания Ассасин о прошлой жизни, её душа, тренированное тело и вера, ныне запятнанные адским отродьем, поняли, на что она смотрела.

Кожа на лице вновь обрела чувствительность.

Она поняла, что из её глаз сами собой полились слёзы.

Маска-череп просто висела в воздухе и ничего не делала, но вокруг неё причудливым образом зазвучал голос.

«Зачем ты отправилась к храму?»

Человеческий голос.

Но он, как ни странно, будто принадлежал всему миру вокруг Ассасин.

Несмотря на инстинктивное чувство, словно её заперли в тени, она сразу же поняла, что происходило на самом деле.

Тень, запечатавшая её, была воплощением самих благородных старейшин.

«Зачем ты искала гору?»

Вопрос, который задал этот совершенно спокойный голос, погрузился в глубины души Ассасин.

Голос с любопытной смесью сурового упрёка и нежных объятий.

Ассасин не могла вымолвить ни слова.

Вопрос требовал обнажить саму суть её характера.

Но у Ассасин без имени не было ответа.

Точнее она думала, что не заслужила право дать ответ.

Она верила в это больше всего на свете.

Фанатичка искала доказательство.

Конкретное доказательство её веры. Которое могло убедить её в том, что она была последовательницей Аллаха.

Осознание, что поиски сами по себе были глупой идеей, пришло к ней слишком поздно.

Только теперь, после того, как её жизнь оборвалась и она стала Героической душой, Ассасин впервые заметила свою незрелость.

Но после становления Героической душой кое-что она начала понимать ещё меньше.

Зачем она искала доказательство?

Чтобы обрести силу и спасти больше людей?

Чтобы показать другим свою набожность?

Чтобы целиком отдать себя великому потоку вместе с тем, что она с помощью этого доказательства обретёт?

Неужели она надменно желала изменить весь мир, став лидером ордена ассасинов?

Или же... её желание было гораздо менее большим и более личным?

У неё больше не осталось воспоминаний о прошлой жизни.

Лишь сожаления по поводу незрелости, которые вдохновляли её на поиск доказательства.

Изначальной причиной было нечто, от чего она отказалась во время долгих и суровых тренировок.

Преодолев невероятные трудности, она изменилась телом и разумом, стала отличаться от той, кем родилась.

Чтобы обрести способности восемнадцати Хассанов ибн Саббахов, ей нужно было пожертвовать всем.

Она никогда этого не признает, но...

В каком-то смысле она была более искусной, чем кто-либо другой.

Она отдала свои страдания, свои прошлое и будущее и лишилась большей части эмоций.

Даже её имя, мечты и молитвы стали подношением.

Вот почему она превзошла всех и достигла небывалых высот.

Именно из-за такого образа жизни она была не в состоянии ответить на вопрос.

Её спрашивали о началах.

Но эти начала мешали её вере и были отброшены в сторону.

Ей не удавалось пошевелить губами, но...

Даже если бы она могла говорить свободно, ответа у неё не было.

Она сказала бы, почему целиком отдала себя своим убеждениям.

Потому что иначе она не радовалась бы при виде того, как в Сигме расцветает вера и не нападала бы на магов, стремившихся заполучить Грааль.

Но её спросили, зачем она *искала гору*.

Когда старейшина говорит слово «гора», это означает лишь одно.

Хассан ибн Саббах.

Имя с особым смыслом в её секте.

Как это ни парадоксально, она уже не знала, зачем стремилась к более высоким целям.

Несмотря на её неспособность говорить вслух, голос продолжил, вероятно, прочитав её мысли по опечаленному лицу и молчаливому отсутствию сопротивления:

«Я ощутил твоё присутствие в тот момент, когда меня призвали в эти земли».

— !

«И теперь, представ перед великим потоком, ты проявила свою решимость… *Как я и предполагал, ты не одна из нас*», — бесстрастно заявил Безымянной Ассасин голос.

Фраза, которую можно было принять за отказ, эхом разнеслась по её миру.

Слова, которые, если воспринимать их буквально, могли морально уничтожить Ассасин.

Однако она их приняла.

«Это очевидно. Сам факт того, что он решил лично опровергнуть мою незрелость, уже является честью, которую я не заслужила», — подумала она, стыдясь себя. «Он пришёл остановить меня. Я слышу это в его голосе. Старейшина *не стремится заполучить Грааль*».

Его голос существовал как фрагмент мира, лишённый надменности или желания.

Он достиг совершенства.

Он был полной противоположностью её неопытности.

«А, вот, значит, как. Я допустила ошибку. Наверняка других старейшин, которых призывали на предыдущие войны, Грааль тоже не интересовал. Я же сделала глупое предположение, разгневалась на магов и Святой Грааль и в итоге многим причинила боль из-за этого. Меня сковали печаль и ненависть. Уверена, он явился, чтобы меня покарать».

— Позвольте сказать пару слов, — неожиданно для себя вымолвила она.

Ассасин не знала, когда к ней вернулся дар речи, но слова продолжали слетать с её губ, как того требовало естественное провидение.

— Моя неопытность обернулась лишь катастрофой для тех, кто были рядом со мной… Сигма, Аяка Садзё, девочка по имени Цубаки и многие другие жители этих земель. Они не сошли с правильного пути. Можете клеймить меня в пламени Джаханнама, сколько потребуется, но не судите их строго, прошу Вас.

Её сердце уже всё решило.

Если воля великого предшественника заключалась в том, чтобы осудить её товарищей за её поступки, то она возьмёт все грехи на себя – даже согласится исчезнуть в глубинах тьмы за это. Другими словами, если ради этого ей придётся обнажить клыки на Истинного Ассасина, то она это сделает.

Но…

«Это решать не мне и не тебе. Ни один человек не достоин понести божественную кару».

— !..

Слова маски-черепа намекали на то, что её сердце видели насквозь, из-за чего Ассасин начала ещё больше стыдиться своей неопытности. Однако она вновь попыталась убедить его в невинности людей, которые повстречались ей за время этого призыва, но…

Голос её опередил.

«Ты не одна из нас. Но… это всё. Смысла более сие различие не несёт».

— ?..

«Следовало осознать, когда ты была ещё во плоти».

Безымянная Ассасин посмотрела вверх, не в силах понять этот разговор.

Она чувствовала, как чёрные дыры за маской-черепом пристально смотрели на неё.

Как и прежде, голос эхом разнёсся по всему тёмному миру вокруг неё.

«Мы стремимся к вершине горы из-за наших сомнений, потерь, желаний, любви и безумия. И поскольку вершина ждёт нас всех в конце, лишь благодаря милосердию первого мы можем вернуться в ущелье».

Голос говорил медленно, чтобы слова проникали вглубь души и тела Безымянной Ассасин – в саму жизнь, что выстраивала кусочек за кусочком духовную основу до становления Героической душой.

«Ты та, *кто идёт по пути жизни*», — сказал Истинный Ассасин – Хассан ибн Саббах – обращаясь к набожной приверженке, которую защищала тень.

И эта тень, запечатлённая в самом мире, заявила:

«*Ты из народа, защищать который – наш долг... Вера твоя – это то, ради чего я отдал свою жизнь*».

— ...

Безымянная Ассасин лишилась дара речи. Хассан же спокойно продолжил:

«Первый из Стариков не примет твой выбор. Гора и ущелье отвергнут тебя».

После этих слов Ассасин заметила, как что-то изменилось.

Она вновь начала кожей чувствовать холодный ветер и слышать звуки, от которых до этого была изолирована. Ассасин поняла, что «невидимая тень» отпустила её.

«Я есть *продолжение его тени*...»

Теперь голос раздавался только с одной стороны.

Там она увидела чёрную тень и маску-череп, образовывавшие человеческое тело.

«*...и поэтому моя роль – указать тебе путь*».

Он сказал эти странные слова отличным от механического, чуть ли не отеческим тоном...

После чего его тело и маска-череп исчезли в чёрных водах.

«Не сходи со своего пути, верующая».

Это показывало, что «тень» оставалась «тенью» везде, будь то священный мавзолей или цепкие объятия безграничного проклятия.

«Тебе не нужно ничего отдавать великому потоку».

× ×

Промышленный район.

— Если так и дальше будет продолжаться, то бой превратится в бессмысленный обмен одними и теми же ударами.

Он посылал демонические стрелы одну за другой. Не ради сдерживания или диверсии. Им двигало твёрдое намерение сразить врага.

Но передняя нога Небесного быка всё ещё была в хорошем состоянии, а храм так и стоял без видимых повреждений.

Сдерживать движения Небесного быка так долго уже было невероятным подвигом, но Алкида это не волновало.

Потому что на самом деле он сражался не ради того, чтобы защитить город или его жителей.

Опустив лук, Алкид послал телепатическое сообщение своему Мастеру.

— Я собираюсь использовать значительное количество магической энергии, Мастер. Есть возражения?

Разум его Мастера лишь бесстрастно спросил, сколько именно.

— Всё, что у меня есть, — сразу же ответил Алкид.

И затем добавил:

— Если у меня получится… то в твоих запасах магической энергии больше не будет необходимости.

× ×

Храм.

Новый храм Иштар находился в эпицентре лесной аномалии.

На его вершине стояла Филия/Иштар, эманация богини, которая продолжала захватывать мир, успевая при этом сражаться с Алкидом и Энкиду. Позади неё появилась танцующая *тень*.

Она была тенью и ничем более. Под крышей храма она стала ещё темнее, но в остальном никак не изменилась.

Богиня Иштар не могла видеть его фигуру, но точно знала, что в область действия её Власти прокралось чьё-то присутствие, и задала вопрос тени, поднимавшейся за её спиной.

— *Кто ты*? *Что тебе нужно от меня*?

— Отблеск Утренней звезды в небесах чужих земель.

Тень смешалась с тьмой, позволив распространяться лишь своему голосу.

Слуга Фалдеуса, Ассасин – Хассан ибн Саббах.

Тот, у кого не было номера, указывавшего на поколение. Обладатель имени «Хассан Бездонного разлома», о котором знали лишь другие Хассаны.

Аномальная маска-череп, зачастую называемая некоторыми «Тень Первого», хоть это и не отражало реальность.

Всё, что он делал, это общался из теней с женщиной, называющей себя богиней.

— От имени изначального клинка, который сжимала рука предка… я принёс тебе звон вечернего колокола.

Интерлюдия
「Достаточно ли актёров в запасе?」

Сноуфилд.

— Неудивительно, но все сильные маги покинули город ещё до того, как всё стало настолько плохо.

Благодаря тому, что ураган на востоке втянул в себя все облака, небо над самим Сноуфилдом было голубым.

Однако сильному ливню это никак не мешало. Сигма спокойно шёл под этим блестящим в солнечных лучах душем.

— Ага, они осознали, что ураган имеет магическую природу, и бросились врассыпную. Ну, некоторые остались. Думают, что им всё по плечу.

— С такими следует обращаться особенно осторожно… Многие маги и заклинатели не упустят возможности воспользоваться ситуацией.

— Кто бы говорил.

Сигма решил не отвечать силуэту юного рыцаря.

После «Пяденицы» Сигма связался с другими особыми отрядами, брошенными Фалдеусом на произвол судьбы.

Ещё один отряд располагался в пустыне, но из-за присутствия Прелати неподалёку Сигма решил не рисковать и не приближаться без хорошего плана.

Фалдеус отключил свою сеть связи, но система магического наблюдения всё ещё работала.

— Хе-хе. Ох, парень, не думал я, что ты снова назовёшь нас Чаплином.

— Тебя это беспокоит?

— Не, я ценю твою смелость. Но если уж ты решил прикрываться знаменитым именем, то почему не выбрал кого-то более полезного на войне? Короля Артура, например, Карла Великого или Мехмеда II.

Старый капитан перечислил особенно известных героев, но Сигма, подумав немного, покачал головой.

— Как я уже говорил, это имя первого уважаемого человека, пришедшего мне на ум. Если бы я выбрал кого-то другого, то моё поведение сочли бы странным. Ты же знаешь, эти ребята профессионалы. Малейшая ошибка – и они поймут, что ты лжёшь.

— Если честно, то я не думаю, что есть что-то страннее комика, ставшего Героической душой. Я вообще сомневаюсь, что Чаплин есть в Троне героев, слишком уж он современный… — сказала Героическая душа, приняв облик мальчика с кадуцеем.

— Их осведомлённость о Войне за Святой Грааль не настолько глубока. Я тоже не знал, что в современную эпоху стать Героической душой гораздо сложнее, — безэмоционально произнёс Сигма.

— Всё потому, что таинство на грани исчезновения. Это практически невозможно, если только не заключить договор с миром и не стать Стражем. Но древнее вовсе не значит лучше. Есть случаи, когда доступность тех или иных Героических душ для призыва зависит от качеств Святого Грааля. Те из них, кто связаны с ним сильнее, ответят на зов с большей вероятностью. Возьмём для примера Грааль, который использовали в Фуюки и здесь. Будучи созданным с помощью европейского мага, он испытывает некоторые сложности с призывом Героических душ из Восточной Азии... или с американских континентов. Характеристики Великого Грааля имеют приоритет над духовными жилами земли.

— Ясно... Тогда мне повезло, потому что Чарльз Чаплин из Великобритании.

— Серьёзно? Тебя только это зацепило?

Тень неловко улыбнулась, но затем внезапно преобразилась в женщину-лётчика.

— Помнишь Тиа Эскардоса? Он вернулся.

— Что?! Где он сейчас?

— В небе на западе. Расположился вне досягаемости урагана и наблюдает за ситуацией в лесу. Его, похоже, весьма заинтересовало ущелье на севере. Вероятно, дело в магах, которые там собрались.

— Ладно...

Сигма начал обдумывать эту дополнительную информацию на ходу.

— Запад всё сильнее погружается в хаос. Ты всё равно намерен туда пойти? — спросила тень, приняв облик пожилого японского мечника.

— Ага, это моя работа, и я собираюсь её выполнить.

После этих слов он задумался на мгновение и спросил:

— Кстати... Эту женщину в лётном шлеме тоже можно назвать современной, разве нет?

Тень перевоплотилась в юного рыцаря и ответила:

— Мы вовсе не обязательно являемся Героическими душами. Уотчер просто берёт совместимые записи из прошлых наблюдений за миром и воспроизводит их, включая личность, поэтому неважно, древние мы или современные. Может, нас и не отличить от оригиналов, но мы всё равно всего лишь сгустки накопленной информации.

— То есть что-то вроде сверхпродвинутых искусственных интеллектов? Возможно, мы стоим на пороге эры, когда можно будет просто попросить ИИ придумать эффективные заклинания и магические круги.

— Верно. Кое-кто из магов, собравшихся на севере, похоже, весьма искушён в данной области.

— Север, значит... Сколько магов находится в городе на данный?.. !..

Сигма вдруг заметил человеческий силуэт и скользнул в переулок, скрыв себя с помощью магии.

Человеком, *идущим* под ливнем, оказался офицер полиции, предположительно один из подчинённых Орландо Рива.

— Полицейский...

Подумав немного, Сигма спросил:

— Начальник всё ещё в участке?

Тень, будучи в курсе всего, что происходило в городе, сразу же отреагировала. Приняв форму мускулистого охотника, она разочарованно ответила:

— Ну да, он в участке, а что? Красотки Веры там нет, она отправилась на север, чтобы принять участие в собрании. Слушай, я всего лишь тень, и не мне указывать тебе, что делать, но среди магов в ущелье полно симпатичных цыпочек. Уверен, что не хочешь к ним присоединиться?

— Да, уверен... Они ни за что меня не примут, я же работал с Франческой и Фалдеусом. Меня искренне удивляет, что они вообще пригласили офицера полиции.

— Эх.

Обиженно надувшись, охотник исчез, а вместо него вновь появился старый капитан.

— Ну что, каков план? Ты спросил, где сейчас начальник полиции... Значит, идём в участок, парень? — поинтересовался он у Сигмы.

После паузы Сигма убеждённо ответил:

— Ага... Чем больше актёров, тем лучше.

— Смотри не переборщи, парень, а то линий будет столько, что у тебя не получится развязать сюжет.

— Нам не нужно заканчивать истории всех и каждого... Для меня важно лишь завершение моей комедии.

— Комедии? Я знаю, что тебе они нравятся, но ты правда думаешь, что у тебя хватит на это силёнок? — произнёс старый капитан с ноткой сарказма.

Погрузившись в расплывчатые воспоминания о своём прошлом, Сигма принялся тщательно сплетать слова.

— Мне кажется, что все реальности, которые я повидал за свою жизнь, больше походили на трагедии. Были и комедии, но смеяться в них приходилось только над страданиями персонажа.

Думая о товарищах юности, Лямбде и Тау... и о матери, которая умерла в землях Фуюки прежде, чем он успел с ней встретиться, Сигма поднял глаза к небу и посмотрел на нелепое ненастье.

— Хотя бы раз я хочу попробовать сыграть комедию, которая закончится всеобщим смехом, не только моим.

Вспоминая улыбку на лице безымянной Ассасин во время расставания, Сигма продолжил идти.

— Ну... Смерть с улыбкой на лице тоже годная концовка.

× ×

Полицейский участок Сноуфилда. Кабинет начальника.

Орландо Рив собирал информацию с помощью стоявшего на его столе магического устройства для наблюдения, пока не почувствовал, как часть барьера полицейского участка получила повреждения.

— Это из-за бури? Нет…

Скорее всего, противник решил воспользоваться царившим на западе хаосом и напасть на него.

Вспомнив, как к ним вломилась Ассасин и с какой лёгкостью Флат Эскардос завладел всем участком, Орландо внимательно изучил состояние барьера.

И обнаружил, что секция у задних ворот была уничтожена.

Всё указывало на то, что какой-то маг или заклинатель избавился от него по старинке, не полагаясь на изощрённые манипуляции с магической энергией.

— …

Треть офицеров отправилась с Верой в ущелье на севере заключать союз, ещё одна треть защищала участок. Последняя, включая Джона, патрулировала город.

Полицейские, которые магами не являлись, тоже ездили по городу на машинах и исполняли свои обычные обязанности при стихийных бедствиях вроде осмотра мест на предмет потенциального ущерба и предотвращения мародёрства.

Орландо собирался раздать указания членам Клана Калатин в участке через магическую связь, когда раздался телефонный звонок.

«Стоило ожидать, что внутренние линии ещё работают».

Город был полностью изолирован, в чём он уже убедился.

Наконец-то ощутив, с какой серьёзностью Фалдеус и его люди подошли к тому, чтобы накрыть город куполом, Орландо снял трубку.

— Алло.

— *Вы начальник полиции Орландо?*

— Кто говорит?

Судя по индикатору, звонок поступил из архивного помещения номер два.

Там они хранили поддельные документы по делам, предположительно связанным с магией. Офицерам вход туда, как правило, был запрещён.

— *Я Мастер Истинного Лансера. Вам знакомо имя Сигма?*

— Да, ты любимчик Франчески.

— *Франческа здесь не при чём, я пришёл по своей воле. Если бы ей было что сказать Вам, она бы явилась лично, верно?*

— Хм-м.

Судя по голосу и построению фраз, это действительно был Сигма.

Но, поскольку наличие маскировки не стоило сбрасывать со счетов раньше времени, начальник осторожно спросил:

— Зачем взрывать барьер? Если ты на моей стороне, то почему просто не вошёл через парадную дверь?

— *Я не хочу, чтобы Фалдеусу стало об этом известно. Франческе же… лучше тоже не знать. Могу себе представить, как она пытается мне помешать без всякой на то причины.*

— Не поспоришь… И? К чему этот звонок?

Он настороженно ждал дальнейших слов собеседника и не терял бдительности, потому что этот телефонный звонок с большой долей вероятности мог быть иллюзией Франчески.

— *Я хочу одолжить вашу Героическую душу… Александра Дюма*.

— Кто тебе о нём сказал? Франческа или Фалдеус?

— *Никто, я сам всё выяснил. Ещё мне известно, что завтрашний день станет последним для этого города*.

— Хмф…

«Значит, Сигма узнал о надвигающейся катастрофе и пришёл за помощью к другому Мастеру. Но почему он выбрал меня, а не объединённый фронт на севере? Не говоря уж о том, что он обычный заклинатель. Такие обычно сбегают, как только начинает пахнуть жареным».

— Я могу обеспечить поддержку моего Слуги, но что ты предлагаешь взамен? Сразу проясню, что мне ничего не известно о твоём Слуге.

В ответе он услышал невероятную решимость.

— *Всю информацию*.

— Что?

— *Я передам Вам всю информацию, которая у меня есть. За это Вы одолжите мне Благородный Фантазм Дюма*.

— Звучит сомнительно… Дай мне что-нибудь для примера.

Начальник решил надавить, и…

Человек на другом конце провода ответил без промедления.

— *Для начала я соврал, что мой Слуга является Лансером*.

— И как мне верить тому, кто открыто сказал, что солгал несколько секунд назад?

Несмотря на ехидное замечание, начальник задумался.

«Учитывая воплотившихся Слуг… В процессе исключения последним, скорее всего, останется Лансер, но если это не так, то информация действительно интересная».

— *Я предположил, что если расскажу о своём настоящем Слуге без контекста, то Вы только запутаетесь. Я скрываю эту информацию о Фалдеуса. Об этом не знает никто, кроме Вас*.

— Что?

— *Если с этим мы закончили, то я должен сказать кое-что ещё… Это очень важно для Вас.*

Поняв, что начальник заинтересовался, собеседник начал раскрывать сведения.

Его следующие слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Орландо с трудом мог переварить их, но если наёмник не соврал, то это действительно было крайне важно.

— *Один из ваших подчинённых… Кто-то из Клана Калатин сливает информацию Баздилоту.*

— Что ты хочешь этим сказать?!

— Баздилот Корделион уже знает, что полиция отправилась на север, чтобы заключить союз с другими Мастерами и что город в опасности. И зная это, он начал готовиться.

— Готовиться к чему?.. — спросил начальник, изо всех сил сдерживая возбуждение.

От услышанного у Орландо прибавилось морщин.

— Он планирует воспользоваться хаосом, напасть либо на исправительный центр, либо на «Кристал Хилл» и убить Фалдеуса прежде, чем он переместит Великий Грааль.

Глава 26
「Эпоха богов и современный век <Созревание>」

— Как же я завидую.

Девочка сказала это Энкиду много лет назад.

Сказала, что завидует его вечной неизменности.

Тогда Энкиду не мог понять её логику, потому что был куклой из глины, менявшей форму с каждым движением.

Однако девочка имела в виду то, что вне зависимости от облика Энкиду оставался собой.

— Что бы ни произошло, сколько бы людей ты не встретил, даже если боги отвернутся от тебя, твоя сущность не изменится, — сказала она.

Ни медленная смерть, ни возвращение в лоно земли никак на нём не отразились.

Пока в мире существуют люди и глина, Энкиду навеки останется Энкиду, и девочка сказала, что завидует этому.

Девочка, чьё медленное изменение было проклятием за неповиновение судьбе, поведала Энкиду о своём желании.

— Не забывай меня.

Это было всё, что она сказала.

Не забывать её. Не забывать *их*.

Девочка боялась, что она, изменившись, может всё забыть. Боялась больше самой смерти.

Поэтому она обратилась с таким желанием к *неизменному* Энкиду.

Она хотела, чтобы хоть кто-то запомнил, какими они были.

И Энкиду пообещал.

Прежде чем обрести человеческий облик, он узнал о системе *обещаний* и внедрил её в свою основную деятельность.

Энкиду на самом деле запомнил слова девочки и данное им обещание.

При каждой встрече она задавала ему один и тот же радостный и в то же время одинокий вопрос. «Ты запомнишь, кем мы были?» И каждый раз Энкиду чувствовал себя странно.

Но однажды пришло время прощаться.

Воля богов разлучила Энкиду с первой подругой и отправила его в Урук, город неподалёку от леса.

Но даже там Энкиду продолжал слушать слова девочки.

Потому что он дал обещание.

Каждый день Энкиду обрабатывал её слова своими слуховыми сенсорами, пытаясь запечатлеть данные о них в своей памяти.

Но в день прощания…

Последним, что он услышал от девочки, было…

«Кто ты?»

После Энкиду встретил множество людей, начиная с Шамхат, изменил форму, вырвался из хватки богов и пережил немало приключений.

Но он никогда не забывал слова девочки – первого человека, которого он увидел – и записи о тех, кто с ней объединились.

Даже когда он делил пищу и постель с Шамхат.

Даже когда она отправила его на встречу с царём.

Даже когда он провёл три дня и три ночи, сражаясь с ним.

Энкиду никогда не забывал девочку и тех, кто были с ней.

Даже когда бежал по пшеничным полям Урука.

Даже когда плыл по реке Пураттум на тростниковом плоту.

Даже когда мчался сквозь заросли Эриду.

Даже когда Гильгамеш заявил, что вырубит кедровый лес в Ливане.

Даже когда узнал, что стражем леса была группа детей, среди которых находилась его первая подруга.

Даже когда понял, что нарушение закона богов и убийство стража приведут его к трагичной смерти.

Даже когда вступил со стражем в бой.

Даже когда убил стража собственными руками.

Даже когда разрывал её, пока бывшая подруга не исчезла навсегда...

Энкиду никогда не забывал детей.

Их слова были единственной частью расплывчатых записей о прошлом или воспоминаниях, которая запечатлелась в его теле и душе.

Но кое-что он вспомнить не мог. Кое-что, предшествующее обещанию.

Оттенок цветов, которые распустились, когда он впервые её встретил.

И то, что он не мог это вспомнить, было постоянным источником разлада в системе Энкиду.

× ×

Настоящее. Новый храм Иштар.

— Я хочу задать тебе вопрос, но сделать это будет сложно, не уничтожив Иштар.

Немного печальные слова Энкиду сопровождали серии атак, которые встречали огни бедствия.

Поток энергии ослепительно сиял, но внутри него содержались современные концепции: болезни, тепловые волны и война.

Берсеркер блокировала всё. Если бы она вкладывала такое количество магической энергии не в защиту, а в нападение, то уничтожила бы часть города.

Но сражаться с оружием богов по имени Энкиду можно было только так.

Даже с помощью энергии Харли, усиленной благословениями богини Иштар, Берсеркер оставалось только обороняться.

Использованное не так давно командное заклинание высвободило всю силу колосса, но мало того, что она *не справилась со своим долгом* и мир это запомнил, так ещё ей противостоял тот, кто победил её в легендах.

Более невыгодного положения в плане совместимости представить было сложно, но Берсеркер всё равно давала отпор и не пускала Энкиду внутрь. Потому что это был не кедровый лес, а главные ворота храма, где поклонялись богине Иштар.

Берсеркер кружила вокруг Энкиду с невероятной для таких огромных размеров проворностью, располагаясь так, чтобы с лёгкостью атаковать как спереди, так и сзади, и продолжала выдерживать его натиск.

Нападение сменялось защитой, раунд шёл за раундом, и не было им числа.

Они оба добровольно погрязли в этом бесконечном цикле, ожидая, что стычка между ядовитыми змеями Авенджера и Небесным быком закончится раньше. Но затем...

Тело Энкиду охватил неописуемый дискомфорт.

— Что это?

Он ещё никогда не испытывал столь странное чувство.

В расширенную область действия его навыка «Обнаружение присутствия» начало просачиваться что-то, чего ещё несколько мгновений назад не существовало.

Это не было похоже на телепортацию с помощью командного заклинания. Некое существо зловеще «появилось», отрицая сплетение, которое утверждало, что его «не существовало».

Но больше всего Энкиду удивило то, что это «нечто» воплотилось...

На вершине храма, где властвовала богиня Иштар, прямо у неё за спиной.

Энкиду ощутил, что она тоже заметила чьё-то присутствие, только на несколько секунд позже.

Он мог видеть, как она разговаривает с кем-то за её спиной.

— Какой сюрприз. Не думал, что поблизости был кто-то, обладающий достаточными навыками скрытности, чтобы ускользнуть от моего внимания.

Будучи искренне впечатлённым, он предположил, что сущность являлась Ассасином.

Энкиду уже знал о существовании другой духовной основы Ассасина, но эта была совершенно другой. Героической душой с расплывчатым, но в то же время невероятно давящим естеством.

Несмотря на наличие у его присутствия столь поразительных качеств, он смешался с самим миром и идеально скрывал себя до сего момента.

Этого Энкиду хватило, чтобы представить, насколько могущественным был этот Ассасин.

Как бы то ни было, его появление, скорее всего, изменит баланс сил.

Проанализировав это, Энкиду воспользовался Видоизменением, чтобы усилить свои способности.

Он начал впитывать ману, но понемногу, чтобы увеличение показателей его магической энергии не сразу заметили.

Что-то явно произойдёт, и поэтому Энкиду готовился обрушить на богиню Иштар свой лучший удар.

× ×

В небе над новым храмом Иштар.

— Что... происходит?..

Тиа Эскардос изучил магическую энергию, за которой наблюдал, и на секунду испугался.

Поток вокруг храма кардинальным образом изменился.

Причиной тому стала тень, возникшая за спиной гомункулы, которая искажала пространство своей божественностью.

Он появился тихо, смешавшись с полумраком храма.

Больше человекоподобная тень ничего не сделала, но для Тиа, глаза которого могли точно видеть поток магической энергии, мир словно сменил цвета.

День как будто уступил место ночи в мгновение ока, и это смутило Тиа.

— Другой я... Флат понял бы, что здесь творится?

От изумления он рефлекторно начал скучать по своей второй половине.

Тихо собрав полную картину происходящего в храме, Тиа перевёл взгляд на ущелье.

И заметил, что группа из дюжин людей, собравшихся там, изменилась.

Большая часть фигур исчезла, осталось менее десятка.

— Столь бурный конфликт... а вы даже не думаете бежать... Класс Эль-Меллоев.

Тиа вспомнил *дом*, который так любил Флат Эскардос.

После недолгого молчания он начал раскручивать свои «спутники», магическая энергия которых становилась плотнее с каждым витком.

Тиа ждал подходящего момента.

И готовился превратить в пыль всё на этой земле, если потребуется.

× ×

Вершина нового храма Иштар.

— Что?! Иштар!

Заметив аномалию, Харли попыталась броситься на защиту Иштар.

Но богиня жестом остановила её.

— Я в порядке, Харли. Следи за Берсеркер, пусть давит этот мусор. Любая, даже малейшая брешь позволит ему вломиться внутрь.

— Д-да, моя богиня!

Харли всё ещё сомневалась, но не стала противиться словам Иштар. Она целиком сосредоточилась на снабжении Берсеркер магической энергией.

Иштар окинула взглядом тьму в её храме.

Она сразу же признала, что это «нечто» было угрозой.

Но даже будучи в опасности, Иштар оставалась воплощением неба.

С достоинством и смелой улыбкой она выступила против маски-черепа, венчавшей скопление теней самого мира.

Однако богиня не стала снимать чары с ревущей земли и неистового ветра, которые не давали гарпуну пронзить её, удерживая его в воздухе.

Не стоило также исключать вероятности, что любая сущность, оказавшаяся под действием чар, обретала разум и продолжала действовать по собственной воле без дальнейшего вмешательства Иштар.

— Итак... Ты сказал «вечернего колокола»? Я не ослышалась? — повторила его слова Иштар и прищурилась. — Страж ущелья, который ведёт себя так, словно он Зиусудра... Ладно, я вижу, что ты продолжение его тени.

Её слова стали более трудными для понимания, но на самом деле её бдительность повышалась с каждой секундой.

Осторожность по отношению к Энкиду по своей природе была агрессивной, порождённой ненавистью и презрением. Но сейчас она проявляла осторожность в самом прямом смысле этого слова, сотканную из сильной враждебности и стремления уловить каждое движение врага.

Иштар знала.

Страж мавзолея способен подвергнуть концепции смерти даже полноценное божество.

— Я не из твоих земель, и поэтому ты не можешь позволить мне называть себя богиней? В этом всё дело?

Вопрос Иштар был вызывающим, из-за чего тень безмолвно дрогнула.

— Нет.

Ей показалось, что дрогнули вообще все тени.

Возможно, так оно и было на самом деле.

— *Я всего лишь поведал причину, по которой решил покинуть ущелье*.

Быстрее, чем прозвучали эти слова...

Хассан образовал в воздухе за маской-черепом угольно-чёрную тень.

× ×

Северо-западная часть Сноуфилда. Где-то под землёй.

По искусственной пещере, вырытой в соответствии с конкретными размерами, двигалась группа человеческих фигур.

Сэйбер, Аяка, а также Райдер и её Мастера шли во мраке, разгоняемом лишь слабым магическим огоньком, который парил над их головами.

— Ни за что бы не подумал, что у вас есть такая огромная сеть подземных тоннелей, — сказал Сэйбер со смесью изумления и раздражения в голосе. Райдер согласно кивнула.

— Я тоже удивилась. Всего за несколько дней они проложили дороги под землёй от каньона до самой пустыни на юге.

— Ну, несколько выпускников нашего класса весьма преуспели в раскопках и управлении духовными жилами. Нам повезло, что они решили присоединиться к команде, — небрежно произнесла Рин.

— Не может быть... — вклинилась Аяка. — Вы это всё вырыли? Собственными руками?

— Если использование магии считается, то да. Естественно, область вокруг Великого Грааля защищена подземными барьерами, так что рыть именно так, как нам хотелось, не получалось.

— Вы узнали, где находится Великий Грааль?

— Ответ гораздо более очевиден, чем в случае с Фуюки. Они будто даже не пытались его спрятать, — ответила Рин, которой начало овладевать раздражение.

«Будучи магом из Фуюки, она вполне могла участвовать в предыдущей Войне за Святой Грааль. Иллюзия Прелати показала мне, что *Артура призывали в Фуюки*. Значит, Тосака Рин могла видеть короля собственными глазами?»

Сэйбер всё это время сгорал от любопытства, но, поскольку Аяка сурово сказала отложить этот разговор на потом, ему приходилось сдерживаться.

Однако возможность всё разузнать представилась ему совершенно неожиданным образом.

— Я смотрю, ты уже привыкла к причёске, — сказал молодой человек по имени Каулес.

Сэйбер наклонил голову вбок.

— Хм? А что, была другая?

Райдер сама ответила на этот вопрос, который возник, пока они беседовали на ходу.

— Да. После призыва мои волосы и одежда были такими же, как при жизни... Но мне сказали, что они слишком сильно выделяется, когда я гуляю по городу в физической форме, вот Мастер и сделала мне причёску.

— Ну... логика мне ясна. Я тоже носил пару современных нарядов.

Убеждённо кивнув, Сэйбер как ни в чём не бывало сказал:

— Вот почему твоя причёска так похожа на ту, что была у моего короля-предка.

Рин остановилась и хмуро посмотрела на Сэйбера.

Тот продолжил, не обращая внимания на то, что кто-то сверлил его взглядом:

— О, я уже разгадал настоящее имя мисс Райдер. Учитывая, кем она была, на ум мне приходит лишь один столь же великий человек с похожей причёской. И это мой король-предок.

— Мне вот интересно... Ты связан с Круглым столом, не так?

— Если ты считаешь, что быть ярым фанатом для этого достаточно, то да, ещё как! Связан с Артуром, королём-предком... Мне нравится, как это звучит! Спасибо!

Услышав, как Сэйбер превратил возможность легко отпарировать выпад в ещё один намёк на его настоящее имя, Рин с жалостью в глазах посмотрела на Аяку.

— Угораздило же тебя…

— Пожалуйста, скажи, что это… нормально для Сэйберов в Войне за Святой Грааль.

Аяка явно хотела услышать подтверждение, но Рин не стала говорить «да» или «нет».

— Когда я увидела, как он толкает речь с крыши полицейской машины, то подумала, что у меня что-то не так с головой или глазами.

— Ну конечно…

Мгновенно сообразив, что она имела в виду, Аяка тяжело вздохнула.

Сэйбер, с другой стороны, кое-что вспомнил.

— Ах да… Я же так и не заплатил за ремонт оперного театра. Мне нужно…

Но он не успел договорить.

Мимо группы пронёсся странный сквозняк.

— Что это было?..

— Будьте начеку, — предупредил молодой человек, которого звали Свен. — Запахи вокруг нас… начали выворачиваться наизнанку.

Аяка не знала, что он имел в виду под запахами, но поняла, что происходило нечто серьёзное.

— Идёт… с востока, — сказал Сэйбер так, чтобы его все услышали, и прищурился, наблюдая за окружением. — Да, маг из моей свиты уже делился со мной подозрениями. В это место под землёй как будто кто-то… вторгается… Нет, подождите, его… поглощают?

× ×

Вершина нового храма Иштар.

____ начала выворачивать мир наизнанку.

Это явно отличалось от обычного чёрного дыма или тумана.

Расширение его владений едва ли походило на распространение газа. Всё выглядело так, словно весь свет в округе засасывало в одну точку.

Тень окружила Иштар и погрузила её взор во тьму.

В этом пространстве, где не чувствовалось даже прикосновения ветра к коже, за спиной богини возник теневой клинок.

Но… она небрежно от него отмахнулась.

Часть стен нового храма Иштар ожила под действием чар и заблокировала невидимое лезвие, избавив её от необходимости делать шаг в сторону.

Резкий звук отражённой смерти затянуло во тьму, в то время как ещё два клинка устремились к Иштар с разных направлений.

Но они не достигли цели.

Иштар, даже не пошевелившись, защитила себя парящими камнями и украшениями.

Высвобожденные Ассасином клинки тьмы не существовали в третьем измерении, что позволяло им проходить сквозь стальной щит или танковую броню, чтобы лишить жертву жизни.

Магу или Слуге с сильной магической защитой удалось бы их заблокировать, но для любого человека, знакомого с битвами между Героическими душами, в этом не было ничего удивительного.

Однако волны тёмных атак не прекращались.

За двумя одновременными ударами последовала очередная серия из трёх невидимых клинков, нацелившихся в её голову, ноги и спину.

Три звука столкновения раздались и потонули во тьме.

Не успели они затихнуть окончательно, как на Иштар обрушились ещё четыре удара.

Но им не удалось достичь цели.

Пять взмахов.

Шесть выпадов.

Десять клинков.

Двенадцать.

Сотня.

Тысяча.

Кульминацией стал безостановочный шквал ударов со всех направлений, но, помимо камней и украшений, Иштар наложила чары на воздух и в конечном итоге на законы физики, из-за чего мир начал исключать прикосновение клинков к её коже из вероятностей судьбы.

Духовная основа обычной Героической души уже вернулась бы во мрак под ударами Ассасина, но его противником была оставленная Иштар в этом мире частица божественности, пусть и походившая на засохшее пятно. Ни одна Героическая душа не смогла бы одолеть её в одиночку.

— Мне было так любопытно посмотреть, что ты предпримешь... но у тебя нет ничего, кроме глупых трюков, — заявила Иштар убийце во тьме. — Неужели ты думал, что если лишить меня зрения и голоса, то я не смогу накладывать чары? Что ж, не поможет. То, что я делаю, не имеет никакого отношения к пяти чувствам. Миру *попросту суждено быть очарованным моим присутствием.*

Иштар вытянула руки, чтобы развеять «тень», которая, расширяя свои владения, лишила пространство света и красок.

— Научись уважению, Плывущий в тени.

Сила её слов начинала влиять на законы реальности.

— Это сработало бы, будь на моём месте обычная Героическая душа. Если бы ты захотел, то смог бы убить любого Мастера или Слугу, оставаясь незамеченным. Не уверена насчёт того Авенджера, поскольку он гораздо прочнее, чем должен быть, но избавиться таким трюком от человека, коим является его Мастер, проще простого.

Не имело значения, что было идеально для человечества или животных. Её слова стали новым идеалом на поверхности планеты.

— Но...

Если Иштар скажет, что вороны белые, то *чёрные представители этого вида будут попросту стёрты.* А если в результате этого вороны полностью исчезнут, то никто не заметит разницы.

— *Не смей думать, что Небо позволит теням расплодиться*.

Во внутреннем коридоре храма вспыхнул свет, отвергая укоренившуюся тьму.

Чистый синий свет.

Земля дала жизнь лазурному небу, и всё вокруг осветило бледное сияние Утренней звезды.

Оставив парить лишь одну тень.

— Ну что, уже не такой лихой, да?

Тело Ассасина, лицо которого скрывалось за маской-черепом, пронзило множество лазуритов в форме клинков.

Его духовное ядро было пробито насквозь. Пульсации Героической души больше не ощущалось.

— Похоже, это твои уши услышали звон вечернего колокола.

Тень, исходя из своего определения, не могла существовать внутри света.

Ассасин использовал всю свою силу и ослепил не её, а сам мир, но богиня Иштар преодолела это с помощью своей Власти.

По крайней мере, так она считала...

Богиня совсем его не поняла.

Продолжение тени убийцы.

Бесчисленные удары.

Ничто из этого не имело значения для сущности Ассасина.

— ?..

Все эмоции исчезли с лица Иштар.

Она наконец-то заметила, что что-то было не так.

Она почувствовала, как раскололось ядро Ассасина.

Но не увидела никаких признаков разрушения его духовной основы.

Напротив...

Её лицо и божественная аура изменились, впервые появилось сомнение, затем лёгкая тревога и наконец удушающее раздражение.

— Ты... пытаешься извратить правильный порядок вещей?

— Нет.

Эхо голоса тёмного Ассасина.

Эхо голоса мертвеца.

Шёпот того, чьё духовное ядро было уничтожено, того, кто попросту не мог больше существовать, проник в уши Иштар.

Он словно донёсся откуда-то из далёкого прошлого и из-за расстояния повторился несколько раз.

— На этом моя копия, запечатлённая в памяти, завершает бренный путь Слуги.

Логика твердила, что он сказал это только что, но чувства подсказывали, что его слова были записаны в древние времена.

— !..

— Пришла пора отказаться от этой заимствованной частицы вечной тени на границе между тьмой и светом.

С этими словами… тело Ассасина породило невероятное количество *теней*.

Они распространились подобно чёрному взрыву и вновь начали поглощать свет и окрашивать недавно появившееся внутри храма небо в цвет темнее самой ночи.

Нечеловеческая техника, возобладавшая даже над божеством, чьи слова стали законом.

Обычный Ассасин ни за что бы такое не провернул.

Но Истинный Ассасин смог.

Самоубийственный Благородный Фантазм, первое высвобождение которого необходимо вызвать собственной *смертью*.

Суть не в том, что использование этого Фантазма приводит владельца к гибели.

Умирая, он предопределяет судьбу жертвы.

Самая продвинутая версия техники слияния с тенями Хассана Бездонного разлома…

Благородный Фантазм, который он может использовать, лишь объединив свою духовную основу с концепцией *смерти*, существующей в любой стране и в любой эпохе… воплотился.

Забания

— Медитативная чувствительность.

× ×

Давным-давно жил один _____.

Он был клинком на службе одной группы, которая по природе своей полностью отличалась от будущего ордена ассасинов. Другими словами, он исполнял желания людей без капли веры. Этого _____, ставшего «тенью», переделали в _____ с помощью магии, проклятия, алхимии и науки. После множества _____ организация, сотворившая его, в конечном итоге _____. Единственными, кто помогали _____, деградировавшему до ____, были добродушные _____ и набожные _____ с чистой верой в сердцах. Благодаря им _____ мог _____ _____ _____ _____ _____ __ __ _____ _____ ___ _____ _____ ___ ___ _____ _____ _____ _____ _ _____ ____ _____ ____ _ ___ ____ _____ _ ___ _____ ____ _ _____ всё _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ __ _ _ _____ _____ ___ ____ _____ _ ___ _____ _____ _____ _____ ___ __ __ ____ ____ убил _____ _____ ____ ___ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _ ___ _____ _____ _____ _____ _____ ___ _____ _____ _____ _____ _____ ___ _____ _____ _____ _____ _____ _____ не мог спасти _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _ _ _____ _____

_____ _____ __ ___ _____ ____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ __ _____ _____ _____ спасти ___ было неправильно _____ _____ _____ _____ _____ _____ ___ _____ _____ _____ ____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ ____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ искал _____ _____ __ _ ____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ _____ ____ _____ ----- -- --- ------ -------- - --- ---- --- --- ------ ----

И вот он отправился к ущелью.

Его целью был мавзолей, который, по слухам, находился глубоко в горах, стоявших на границе между подземным миром и миром живых.

Большая часть его прошлого растворилась на дней этой пустоты.

А вместе с прошлым рассеялись и данные духовной основы, которые должны были быть записаны в мире для этой Героической души.

Память планеты обмануть невозможно, но способность мира обнаружить его не имела значения, потому что сделать это не мог больше никто.

Никто... в том числе, естественно, та его часть, что являлась Героической душой.

Внутри него остались лишь наполовину систематизированное эго и идеал, которому он посвятил всего себя на грани смерти.

— Глупец.

Путь его жизни закончился, когда он достиг мавзолея и встретил там высшую сущность.

— Что, по-твоему, ты можешь сделать этими руками, погрязшими в тенях, которым не позволено сгинуть? Ты верил, что искупление до истечения положенного срока дарует тебе спасение? Желаешь вечно бродить на границе между светом и тьмой, осознавая, что твоя решимость никуда тебя не приведёт?

Воплощение смерти обладало человеческим телом, однако его окутывала настолько глубокая тень, что внутри, казалось, скрывался целый подземный мир.

Он с первого взгляда понял, *что навеки станет тенью этой уважаемой сущности*.

Он так не решил.

Он это *принял*.

У этой сущности были ответы на все его вопросы.

«Почему меня переделали в существо с нечеловеческими способностями?» или «Почему я продолжаю идти по этому пути, если тот, кто не знает, ради чего жить, не видит причины бояться смерти?»

Стать тенью того, кто предстал перед ним.

Этого было достаточно, чтобы развеять все сомнения, которые, как ему казалось, он унесёт с собой в могилу.

Ни слезливых всхлипываний, ни страха перед густым оттенком смерти, только самая обычная решимость.

Там, где он был, осталось лишь спокойствие.

Он не знал, для чего появился на свет. Но зная, что он наконец-то оказался на своём месте, ему удалось обрести покой.

— В таком случае... обнажи шею свою.

Слова осуждения и блеск серебра.

И затем ветер, резкий и исполненный милосердия, коснулся его шеи.

Последнее в жизни ощущение сияло ярче всего из его прошлого, погребённого во мраке.

Это было самое отчётливое воспоминание в его духовной основе, которая почти полностью погрузилась во тьму.

Ни в чём более он не нуждался.

Он продолжил существовать в виде проклятия, вечно блуждающего в тенях.

Этого было достаточно. О лучшей причине, чтобы пройти это трудное и бесконечное путешествие, он не мог и мечтать.

Путь без цели не был проклятием, потому что в конце долгой дороги он обрёл благословение.

Возможно, на тот момент его разум уже перестал быть человеческим.

И наконец...

Его жизнь окончилась, а в мире запечатлелась одна *тень*.

× ×

Перед новым храмом Иштар.

— Что это?

Энкиду заметил, что необычные события внутри храма начали стремительно развиваться.

Его Обнаружение присутствия, которое стало одним целым с миром, отчётливо фиксировало нечто странное.

То, что появилось не так давно, теперь вновь исчезало.

Но он не перестал ощущать аномалию.

Энкиду чувствовал, слышал и видел, что ситуация становилась ещё более незнакомой, чем прежде.

Аномалией было исчезновение самого мира.

Часть божественности, переполнявшей новый храм Иштар, исчезла, словно кусочек листа, который откусил жук.

Более того, область этого исчезновения постепенно увеличивалась, угрожая стереть весь мир.

Цвета, звуки, запахи, магическая энергия... Наблюдая, как божественную атмосферу внутри храма пожирает тьма, Энкиду на секунду замер.

Берсеркер сделала то же самое, после чего резко отвернула от Энкиду своё огромное тело и выпустила луч бедствия в сторону храма.

Радужное сияние пролетело над головой Харли и обогнуло Иштар.

Но стоило ему коснуться *тени,* как она безмолвно исчезла. Не последовало ни взрыва, ни ударной волны, ни даже дуновения ветра.

— ...

Для Энкиду это был идеальный шанс напасть на Берсеркер со спины, но вместо того, чтобы атаковать беззащитного противника, он направил магическую энергию в золотую цепь над их головами.

— Берсеркер!

Внимательно наблюдая за поединком, Харли отдала приказ.

Без благословений Иштар она бы потеряла сознание, когда луч бедствия пронёсся над её головой.

Но несмотря ни на что, Харли официально нарекли главной жрицей.

Ей не нужно было беспокоиться о благополучии Иштар.

Из-за благословения богини, связи, которая во много раз превосходила узы магической энергии, она могла сказать, что Берсеркер не навредила бы Иштар.

Сложно было сказать, что помогло ей: божественная защита или же преимущественно личностный рост. Но Харли подавила инстинктивный страх и целиком посвятила себя долгу перед Иштар, который она делила с Берсеркер.

— Забудь про Лансера и Ассасина! Сосредоточься на *цепи*! С ней что-то не так!

— Согласна. Молодец, — сразу же раздался за её спиной голос Иштар.

— М-м-моя богиня! Я благодарна за столь добрые сло...

Развернувшись, Харли сглотнула.

Всё в коридоре храма, за исключением богини, полностью лишилось света и красок. Осталось лишь угольно-чёрное пустое пространство.

Она не могла понять, образовывала ли чернота какое-то помещение или же вставала непреодолимой стеной. Невозможно было увидеть то, что находилось внутри, учитывая, что свет оттуда не возвращался.

И не только свет. Она даже эха не слышала и не чувствовала магическую энергию.

Харли поразило необоснованное убеждение, что если она сделает шаг, то её тело исчезнет навсегда.

Тени пытались завладеть новой территорией, а Иштар делала всё возможное, чтобы их сдержать.

Невероятно, но Благородный Фантазм Ассасина противостоял божественному духу на равных.

— Твоя оценка верна. Цепь и гарпун представляют наибольшую угрозу, — сказала Иштар, чтобы успокоить ошеломлённую Харли.

После чего богиня небрежно объяснила, не упомянув даже *тени*, словно они не были проблемой:

— Цепь и гарпун стали бы гораздо более могущественным Благородным Фантазмом, превратись он в них сам. Но нет, этот мусор решил возвести целую установку на крыше небоскрёба… Значит, у него есть какой-то план. Не то, чтобы я ожидаю от него чего-то умного… Ах.

Она не успела договорить, потому что *тени* начали бешено извиваться.

Каждая тень внутри храма обрела физическую форму и начала охотиться за любым светом, практически говоря тем самым: «Мы те, кто противится миру под властью Иштар».

Наблюдая за ними с серьёзным видом, Иштар подняла руку.

Она в мгновение ока очаровала пространство вокруг себя. Воздух и стены исказились, а лестница над ней начала раскрываться, словно мягкие лепестки цветка.

— Я разберусь с этим бестактным Ассасином и сразу же вернусь.

— Моя богиня?!

Слова Иштар казались абсурдными, но она сохраняла бесстрашную улыбку перед своей верной почитательницей.

— Ах да. Даже мне не пережить прикосновения этих теней, так что будь осторожнее, ладно?

— Что…

— *Они уже окружили лес*.

И вот тени начали поглощать свет мира.

Все признаки жизни в лесу вокруг храма исчезли. Мир был запятнан тьмой и тишиной.

Тени плодились повсюду, будь то мрак, создаваемый кронами деревьев и их стволами, почва под брызгами грязных потоков и расщелины в земле, которая ранее угодила под чары Иштар.

Они прославляли себя как праведную форму вещей.

Но ни одно насекомое из тех, что цеплялись за деревья, не лишилось жизни после касания теней, распухших от цвета смерти.

Потому что *тени* отвергали единственную сущность на земле, озаряемой лазурным небом.

Лишь владычица небес попыталась окутать мир своим фальшивым светом.

— *Пора прокатиться, Маанна!* — закричала Иштар и взмыла вверх через дыру, которую она открыла в потолке.

В ответ все золотые и лазурные украшения храма задрожали, воспарили в воздух и последовали за ней.

Они превратились в лодку с двумя красивыми арками, похожую своими изгибами на лук, которая вознесла Иштар к небу.

Но *тени* не собирались её отпускать.

Мир исторг из себя скопление теней. Неистово извиваясь, они бросились в погоню за сиянием, ослепляющим всё сущее: Иштар. Доказывая тем самым, что там, где есть свет, есть и тень.

К Иштар со всех направлений устремились чёрные гейзеры, хотя движениями они больше походили на червей, пожирающих небо.

Своими чарами богиня взяла под контроль окружающее пространство и землю, ветер и плотность воздуха, что позволяло Иштар раз за разом в самый последний момент уклоняться от стаи *теней*, которые были ей неподвластны.

Грациозно, элегантно, смело.

Но вечно это продолжаться не могло.

Изначально Маанна была небесной лодкой для полётов над миром.

Но, поскольку Эпоха богов ещё не обрела полную силу, она могла поддерживать максимальную скорость лишь в пределах храма и на территории леса.

Тени же противостояли новому порядку и существовали даже на краях нынешнего мира.

Было до боли очевидно, что если преследование не прекратится, то Иштар первой израсходует божественную ауру и магическую энергию.

При условии, конечно, что она не будет сопротивляться.

— О-о-о, идеально.

Иштар увидела гигантских змей, которые окутывали ноги Гугаланны далеко внизу, и потянулась к ним, словно ребёнок, увидевший на земле палку.

— Ко мне, *Сита*!

Они были воплощениями Гидры, легендарного проклятого змея, спущенного на тех, кто противились богам.

Но кто бы мог подумать? Эманация богини, полностью восстановившая свою Власть, смогла очаровать природу змей и преобразовать их в совершенно другую сущность.

Аура в форме ядовитых тварей сгустилась и преобразилась в змей поменьше, словно все их проклятия вывернуло наизнанку.

Уклоняясь от теней на Маанне, Иштар вытянула руку. Семь змей обвились вокруг её пальцев и сплелись, образовав *ритуальное приспособление*.

Жезл с каменным навершием.

Одной рукой Иштар схватило это ужасающего вида оружие.

— Попробуй-ка вот это!

Не успели эти слова слететь с её губ, как Иштар направила Маанну в небо.

Всё выше и выше, прямиком к Венере в океане звёзд.

И тени устремились следом.

Правда это или нет, но Иштар заявила, что они способны *убивать богов одним лишь касанием*.

Словно Вавилонская башня, чёрное скопление поднималось вверх, стремясь схватить божество.

Траектория Маанны напоминала американские горки с резкими поворотами и петлями. Наконец она развернулась на сто восемьдесят градусов и начала стремительное падение в сторону вершины башни.

Иштар не могла позволить ей достичь владений богов.

Нет.

Дело было не в богах.

Она хотела дать всем понять, что небеса принадлежали только ей.

Для этого она просто подняла своё оружие, полагаясь на инерцию Маанны.

Семиглавый боевой молот Сита.

Молот в форме семи змей. По легенде Иштар родилась с ним в руках.

Иштар сжала молот, известный тем, что им не нужно было даже замахиваться, чтобы уничтожить врага, напитала его своей божественной аурой и со всей силы обрушила на вершину тёмной башни.

Все, кто смотрели на тот участок неба в момент, когда её оружие поразило цель, пробормотали одно и то же: «Я вижу вторую Венеру».

Она продолжила сиять, опускаясь на Маанне к земле и сминая молотом тени.

К тому времени, когда лодка приземлилась на вершину храма, Иштар приложила достаточно силы, чтобы стереть в порошок тени вместе с духовной основой Ассасина.

Но она забыла учесть одну вещь.

Это была не Вавилонская башня.

Никто из Хассанов никогда бы такое не возвёл.

Тёмная башня возникла из-за света самой Иштар и служила символом высот надменности этой богини.

Поэтому сиянию ни за что её не уничтожить.

— Да уж, у меня не очень-то хорошо получается бороться с представителями подземного мира!

В ответ на её слова раздавленная *тень* вновь поднялась, обратив своё внимание на божественного зверя небес.

Чтобы окончательно избавиться от неё, потребуется вся сила храма.

А для этого Иштар придётся вычеркнуть практически всё из списка потенциальных угроз.

— Гугаланна, — обратилась она к Небесному быку, который защищал её храм от змей, — Уничтожь источник *цепи*... а я пока буду его сдерживать.

В этом приказе не было никакого давления.

Он прозвучал буднично, словно команда любимому псу принести мяч.

Но, слетев с уст богини, эти слова стали новым законом мира.

Многие американские метеорологические системы - а вместе с ними и правительство – наблюдали за аномальными перемещениями «урагана Инанна», но то, что они увидели, было вырезано в течение нескольких минут.

Хотя, даже если бы это *движение* осталось в записях, было очевидно, что публика восприняла бы это как монтаж, сделанный шутки ради.

Даже маги с большим трудом бы в это поверили.

Ураган, который уже какое-то время оставался странно неподвижным, взял и... *отступил.*

Из ноги гигантского зверя торчало множество стрел.

Они сочились аурой огромных змей.

Внешне она походила на миазмы чёрной грязи, но внутри таился смертоносный токсин, лишивший жизни многих героев и чудовищ.

Они обвились вокруг ноги небесного зверя, приковав к земле, и пытались сгноить его тело вместе с божественностью.

Но это был не повод противиться приказу богини.

Небесный бык отпрыгнул назад, не обратив никакого внимания на то, что ради этого ему пришлось расстаться с частью ноги.

Одного прыжка было достаточно, чтобы пронзить землю и обрушить на лес разрушительные ветры.

Зверь принял форму урагана и сделал глубокий вдох, концентрируя внутри себя саму концепцию бури.

Из-за спокойных и приятных солнечных лучей, омывших Сноуфилд, ненастье, которое царило ещё секунду назад, могло показаться всего лишь сном.

Но люди, запершиеся в своих домах, так и не заметили эту аномалию.

Нашлось, конечно, несколько бесстрашных глупцов, которые следили за происходящим из окон. Столь резкое изменение их озадачило, однако долго это не продлилось.

Казалось, погода внезапно наладилась и все проблемы решились.

Эта фантастическая идиллия продержалась всего четыре с половиной секунды.

Зверь выдохнул гром и ветер, сосредоточенные в один поток смерти.

Из его пасти с невероятной скоростью вылетел огромный торнадо, который устремился к вершине самого высокого здания в Сноуфилде.

Мигрирующий антициклон, порождённый дыханием. Физический феномен, вызванный силой.

Если бы он коснулся земли, то от города и без плана зачинщиков ничего бы не осталось.

Одна лишь ударная волна смела бы город и лес невероятно мощными ветрами. Но то, что охватило верхний этаж «Кристал Хилл» было самом настоящим дыханием урагана – вакуумным клинком, обладающим скоростью двести метров в секунду, окутанным молниями и превращающим капли дождя в лёд.

— Вот же… А местечка ещё хуже для меня не нашлось?..

Дорис Люсендра, одна из Мастеров Ипполиты, находившаяся на крыше здания, покрылась холодным потом и прогнала магическую энергию по всему своему телу.

После чего взяла на руки серебряного волка, который сидел рядом с гарпунной пушкой и наблюдал за лесом на западе.

Зверь задёргался, но перестал сопротивляться, когда почувствовал, что Дорис не желала ему зла.

— Не думала, что Мастером, к которому меня отправят, окажется химера, но я всё равно не могу позволить союзнику погибнуть.

Она ещё не до конца оправилась после сражения с Рин и поэтому принудительно расширила Магические цепи, чтобы ускорить затвердевание своего тела.

— Нет… Вероятно, это нам не пережить. Прости.

Она закрыла волка собой, понимая отчасти, что её ждёт неминуемая смерть… и в этот момент дыхание ветра и молний достигло крыши.

Полная сила Небесного быка.

Божественная кара.

Бесстыдный удар воздаяния свыше, приказывающий всему творению обеспечить победу Иштар.

Идеальная проповедь, возвещающая о возвращении Эпохи богов под её правлением.

Но…

Один человек всё ещё противился переменам.

Безмолвная ария – и крышу окружили четыре стены, сотканные из магической энергии.

— Чего?!..

Дорис увидела девочку.

Совсем дитя. Иначе описать ту юность, которая ещё оставалась в ней, было невозможно.

Впервые оказавшись здесь, Дорис подумала, что привлечь её к битве не получится.

Отчасти потому что она была ещё ребёнком, но в первую очередь из-за того, что девочка непрерывно использовала всю магическую энергию, чтобы сохранить тело своего Слуги, не давая ему рассыпаться на частицы света.

Дорис предположила, что девочка была слишком юна, чтобы принимать собственные решения, поэтому она просто передала сообщение о том, что её союзники собираются в ущелье на севере, и пошла к серебряному волку.

Поэтому, увидев это дитя на крыше, Дорис подумала, что её Героическая душа наконец-то исчезла.

Тина Челк.

Мастер Короля героев и первая проигравшая в этой Войне за Святой Грааль.

В её глазах горел настолько неистовый огонь, что Дорис сразу же изменила своё мнение о ней.

Ведь эта одинокая магесса выступила против *божества* в лесу.

— Моя семья… *живёт* на этой земле…

Здесь были принесены в жертву и погребены её двенадцать братьев и девять сестёр.

Тина уже смирилась с тем, что является лишь «продолжением» череды жизней, обречённых на то, чтобы стать подношением земле. Но это не стёрло из её памяти то время, что она провела с семьёй.

Сёстры кое-как пытались научить её тому, как веселились обычные люди.

Братья делали всё возможное, чтобы маленькая Тина избежала их судьбы.

У неё не было времени вспоминать всё это в разгар битвы.

И всё же это были единственные мысли, которые мелькали в её голове, когда она с неприкрытым гневом закричала:

— Поэтому я никому не позволю забрать у меня эту землю… мою родину… мою *семью*!

С чистой, неподдельной алчностью девочка выкрикивала слова, которые постороннему человеку могли показаться необоснованными.

— Никому! Даже богу!

«Ты всего лишь дитя. Веди себя соответственно».

«Какая ирония. Сейчас я совсем как ребёнок, закатывающий истерику».

Эта земля принадлежала планете, а люди сами решили стать её защитниками ради собственного удобства.

«Когда Его Величество Гильгамеш сказал, что все земли есть часть его сада и в конечном итоге вернутся к нему… была ли это просто надменность царя, или же он всерьёз так считал, будучи арбитром между человечеством и планетой? Не знаю, но мне хочется одного».

Сейчас Тина выступила против *божества* по собственной воле, из-за своего высокомерного и эгоистичного гнева… не ради племени защитников этих земель.

Магия этого неоперившегося дитя создала прочные стены, окружившие вершину «Кристал Хилл»

Защитный барьер, способный выдержать удар, сравнимый с обрушением здания.

Столь огромное количество энергии исходило не только из её Магических цепей. Она также использовала силу духовных жил.

Тем не менее, для одного мага это было слишком много. Земля не могла достаточно быстро восстановить её магическую энергию. Через несколько секунд стены не выдержат.

Поскольку Небесный бык даже не думал останавливаться, она поняла, что лишь отсрочила неизбежное. Но в этот момент серебряный волк громко и мелодично завыл.

Одно из командных заклинаний, запечатлённых на его теле, вспыхнуло красным, создавая невероятный всплеск магической энергии.

× ×

— !

Избежав ударные волны от дыхания Небесного быка, Энкиду приземлился на зависший в воздухе гарпун, который удерживала ожившая земля, и через свою связь с серебряным волком ощутил активацию командного заклинания.

Но на духовную основу Энкиду это никак не повлияло.

Напротив, он почувствовал, как волна магической энергии прошла сквозь него и направилась обратно в сторону города.

«Должно быть, он инстинктивно использовал командное заклинание. Но зачем?»

Потратив доли секунды на изучение, Энкиду понял, что двигало его Мастером, и быстро повернулся лицом к городу, чтобы сказать фразу, которая останется неуслышанной.

— Спасибо. Я всем сердцем благодарен за то, что ты стал моим Мастером.

× ×

— !

Тина ощутила, как одновременно со вспышкой узора на теле волка в неё хлынула внушительная волна магической энергии.

«Он использовал командное заклинание… на мне?»

Немыслимый поступок в Войне за Святой Грааль.

Командные заклинания предназначались для Слуг. С их помощью нельзя было усилить другого Мастера из-за отсутствия канала магической энергии.

Но Тина вспомнила, что стала исключением.

Она постоянно тратила свою магическую энергию, не давая телу Гильгамеша исчезнуть.

А чтобы она не сгинула сама, Энкиду временно подключил её к своему каналу магической энергии, который связывал его с волком.

Тина ещё раз тщательно всё обдумала. Лансер сделал это, просто положив руку ей на плечо, что само по себе было абсурдным как в теории, так и на практике. Но благодаря этому волк смог передать Тине энергию командного заклинания через Энкиду.

С помощью этой силы была возможна даже телепортация. Почти волшебство.

Энергия командного заклинания мгновенно расширила Магические цепи Тины и перестроила их в более устойчивую систему, чтобы её тело выдержало слияние с землёй.

В результате стены сильно увеличились в размерах и полностью рассеяли циклон из грязной воды и молний.

Три секунды спустя.

Барьер исчез практически одновременно с дыханием Небесного быка.

Даже после усиления командным заклинанием никто не может создать защиту, способную выдерживать божественную атаку дольше нескольких секунд.

— Спасибо…

Убедившись, что им каким-то чудо удалось выжить, Тина немного помедлила, но поблагодарила волка, который сидел рядом и пристально смотрел на неё.

— …

Ему как будто хотелось что-то сказать.

Что-то насчёт того, кого Тина пыталась защитить.

В глазах волка читалось беспокойство за её версию «Слуги» на верхнем этаже здания.

Сообразив, что животное имело в виду, Тина упала на колени перед волком и крепко его обняла.

— Я пыталась… Приложила все усилия…

При мысли о том, *что она сделала* несколько минут назад, Тина задрожала от тревоги, прищурилась и прошептала нечто вроде исповедания в грехе.

— Это была *авантюра*… но теперь его судьба в руках земли.

× ×

Рядом с новым храмом Иштар.

Небесный бык увидел, что его атака дыханием была отражена.

Это не вызвало у него замешательство, лишь чистый гнев.

Гугаланну призвали в этот мир исчезающего таинства.

Он не чувствовал присутствия других шумерских богов на этой земле, и поэтому верность владычице небес стала его единственным источником радости и смыслом существования.

И всё же ему не удалось исполнить её волю.

Его обида на Энкиду – *глиняную куклу*, которая когда-то оскорбила бога и уничтожила его – ничего не значила в сравнении с прямым приказом Иштар.

Вот почему Небесный бык дрожал от сильного гнева.

Он злился лишь на себя за то, что подвёл Иштар.

Небесный бык посмотрел в небо и яростно взревел.

Рёв божественного зверя принял множество разных форм, пока докатывался до другой стороны планеты. В Восточной Азии его услышали как необъяснимый гул, а население Европы пришло в ужас от апокалиптического шума.

А в Сноуфилде, который находился прямо под его ногами, рёв воплотился в виде сотен электрических разрядов и завывающих ветров.

За десять секунд последовало более десяти тысяч ударов молний, из-за чего многие, кто смотрел в окна, потеряли сознание, а мобильные телефоны и записывающие устройства, не защищённые магией, все до единого пришли в негодность.

Затем Небесный бык вновь начал делать глубокий вдох.

В этот раз он задействовал не только окружавшие его ураганы, но и свою божественность, подготавливая атаку дыханием во много раз мощнее предыдущей.

Божественный зверь знал, что Иштар любила всех людей без исключения.

И поэтому, исполняя её приказ, он пытался свести к минимуму количество жертв.

Но это его больше не сдерживало.

Гугаланна – живое воплощение разрушения. Защищая аккадские земли, боги запечатали его, но после добрых угроз просьб Иштар он освободился.

Небесный бык вкладывает всё, что его составляет, в непрерывную атаку, дабы *полностью уничтожить*.

Он преобразовывает своё естество в поток воздуха и затем воссоздаёт себя, когда ветер достигает цели, тем самым имитируя молниеносное передвижение. Будь он Героической душой, этот приём стал бы его Благородным Фантазмом.

Рывок со скоростью триста девяносто восемь метров в секунду, в который вложена вся его огромная масса и энергия урагана.

Атака дыханием и в то же время таранный удар божественного зверя.

Ураган двигался с такой скоростью, что мог бросить вызов ветрам в стратосфере Юпитера.

Реализация его намерений повлечёт необратимые последствия, которые затронут всё на Земле.

За исключением божественного храма Иштар.

Небесному быку оставалось лишь подчиняться правилам, установленным богиней. Его атакам никогда не навредить Иштар или её храму.

Божественный зверь инстинктивно знал это и поэтому…

Вершитель воли богов полностью перестроил себя в орудие разрушения, готового отдать себя целиком ради уничтожения *врагов*.

Он сделал глубокий вдох, концентрируя божественность в своих лёгких, после чего…

— Как сказал бы Флат…

Небесный бык услышал голос над своей головой. Голос того, кого он счёл слишком маленьким.

— У твоего приёма слишком длинная начальная анимация.

И после этих небрежных слов…

Тиа Эскардос высвободил несколько круживших вокруг него «спутников» размером с шар для боулинга, которые оседлали ветер от вдоха Гугаланны и проникли прямиком в его желудок.

И это послужило началом падения.

Или, возможно… цепь событий уже была запущена.

Ещё до того, как Гугаланна впервые атаковал своим дыханием.

Когда один Ассасин *обеспечил себе успех* в убийстве Иштар.

× ×

Рядом с новым храмом Иштар.

Тени уже проникли в почву под лесом.

Что иронично, первыми это заметили команды Сэйбера и Райдер, которые находились под землёй вне досягаемости грязного потока. И вампир, которого этот поток унёс прочь.

Огромную *тень*, созданную Хассаном Бездонного разлома, сдерживали от дальнейшего распространения.

Но стереть тени не получится, пока в мире существуют свет и объекты, способные их отбрасывать.

Необнаружимая тьма продолжала вторгаться во все места, куда не проникал свет.

В промежутки между каменными блоками, из которых был построен храм.

Внутрь древесных листьев. Внутрь человеческих тел.

Чернота, такая же тёмная, как грязь в потоке, но совершенно иного рода.

В лесу извивалась масса *ничего* без какой-либо ощутимой магической энергии или проклятия.

— Нет…

По спине Харли, которая наблюдала за этим, пробежал холодок.

Море теней явно было чем-то чуждым, однако она не чувствовала никакой магической энергии.

Оно скрывалось в тёмном потоке, проникая в лес вокруг храма.

Богиня не подпускала тени к себе.

Но нападение на неё было одновременно их главной целью и отвлечением.

Магическая энергия молота Иштар заметно сокращала количество наседавших на неё теней.

Но это ни к чему не приведёт.

Тьма окутывала мир слоем *ничего* с пугающей скоростью.

Тени поднимались из потока, покрывали деревья в лесу и перекрашивали их в одну сплошную чёрную картину, из-за чего различить расстояние между ними было практически невозможно.

Эпоха богов попыталась возродиться, но в конечном итоге утонула в тенях планеты.

× ×

Исправительный центр Коулсмана.

— Я не предполагал, что в его духовной основе есть нечто, способное отвесить такой удар божеству…

Героическая душа, которую он отпустил без конкретных объяснений, использовала какую-то силу.

Благодаря связывавшему их каналу магической энергии Фалдеус чувствовал это, а система наблюдения помогла ему увидеть состояние территории храма.

Ядро духовной основы было разрушено.

Но, как ни странно, его Слуга продолжал существовать.

Фалдеус не сомневался, что это была сила Благородного Фантазма, который он скрыл от своего Мастера.

И эта сила позволила ему в конечном итоге сражаться на равных с божеством в храме.

— Какой сюрприз. Духовные основы Ассасинов обычно слабые…

Бесстрастно размышляя, Фалдеус поднял руку, на которой были запечатлены командные заклинания.

— Ты был ценным инструментом и большой угрозой… Я не стану рисковать.

Что если высвобождение этого Благородного Фантазма поможет Героической душе бесконечно долго сохранять воплощение после уничтожения духовной основы?

Маг и вообще любой, кто знаком с правилами и механиками Войны за Святой Грааль, счёл бы это маловероятным, но полностью отметать такую возможность было нельзя.

Часть узора командных заклинаний вспыхнула. Фалдеус решил *перестраховаться* и сделал ход против собственного Слуги.

— Вообще-то мне хотелось сохранить все три, но что поделать. В память о тебе, как говорится. *Силой командного заклинания я приказываю: потрать все свои силы на то, чтобы уничтожить бедствие в лесу на западе*.

Командное заклинание явно было активировано, но он не ощутил никаких признаков сопротивления или неповиновения приказу.

— Мы в самом деле прощаемся, Ассасин.

Несмотря на нервную улыбку, Фалдеус смог расстаться со своим Слугой без всяких сожалений.

— Я думал, что всегда был с тобой максимально осторожен… *но оказалось, что я до самого конца ценил тебя гораздо меньше, чем ты заслуживал*.

× ×

Новый храм Иштар.

Одновременно с резким распространением магической энергии форма убийцы, который был полностью невидим для Иштар, всплыла на поверхность. Заметив это, богиня сказала Ассасину, слившемуся с множеством теней:

— Какая жалость. В самый последний момент Мастер предал тебя.

Молчанию тени не было конца, но Иштар, которую это совершенно не заботило, продолжила:

— Это же было командное заклинание, не так ли? Тебе приказали вложить в Благородный Фантазм всю духовную основу.

В тоне её голоса и том, как она пожала плечами, чувствовалась сострадание, а не насмешка.

— Теперь ты видишь, как сильно люди нуждаются в моём правлении? Когда я не приглядываю за ними, они всегда уступают алчности и совершают глупые поступки.

Тем не менее, она ни на секунду не теряла бдительности, продолжая сдерживать тени, которые лились потоком, несмотря на её божественную Власть.

Хассан Бездонного разлома ничего не ответил. Его маска-череп просто парила во внутреннем помещении храма, откуда распространялась тьма.

Тени не говорят с богинями.

Смерть не отвечает святым.

Им нечего обсуждать.

Всё уже закончилось.

Но высокомерная богиня этого не поняла.

Пока что.

× ×

Харли на мгновение дрогнула, испугавшись бесчисленных фрагментов *ничего*, хлынувших из потока. Но даже это не заставило её забыть про миссию и управление Слугой.

— Лансер над нами, Берсеркер!

Она видела Энкиду на огромном гарпуне, который остановили возведённая Берсеркер стена и ожившая земля под контролем Иштар. Слуга изо всех сил тянул за золотые цепи, бесчисленное множество которых было закреплено на острие снаряда, пытаясь заставить его двигаться цели.

Можно было сказать, что задумка Энкиду уже наполовину удалась.

Сила Иштар – месопотамская божественность – текла по цепям от храма к гарпуну.

— Да как ты смеешь?!

Это поразило Харли до глубины души. Инстинкты подсказывали, что надо что-то делать, иначе Энкиду не только станет ещё сильнее, но и поставит Иштар, которая давала отпор *теням*, в невыгодное положение.

Если она не разыграет свой козырь прямо сейчас, то эта Героическая душа достигнет владений богини.

— Силой командного заклинания я приказываю!

Главная жрица не колебалась.

Ни одно преимущество не является абсолютным.

В текущей ситуации любая ошибка может стать фатальной. Она знала это как маг, как человек, получивший благословение Иштар, и как Мастер Берсеркер.

Поэтому Харли закричала.

Не боясь лишиться жизни, если это необходимо для выполнения её миссии.

— Сокруши врага богини Иштар… Сокруши этого Лансера всей своей мощью!

И не зная, каким жестоким был этот приказ по отношению к Берсеркер.

× ×

Промежуток между эрой богов и эпохой человечества.

Сноуфилд сильно напоминал вавилонскую цивилизацию на вершине её развития, несмотря на то, что происходившие с ними изменения двигались в совершенно разных направлениях.

Поэтому Истинная Берсеркер металась между миром грёз и реальностью.

Это был приятный сон, кошмар и, казавшееся идеальным воссоздание прошлого.

Её поглотил поток обезумевших духов, сама *она* тоже была полностью лишена здравомыслия, но во сне сознание вспышками возвращалось к *ней*.

Её глаза видели небо.

Там, на прекрасном золотом мосту, зависшем в воздухе, стояла тень.

Друг, которого она хорошо знала.

В незнакомой ей форме.

Но она его узнала.

Это, вне всякого сомнения, был…

— эн ки ду

Когда она произнесла его имя, в её сон хлынула магическая энергия командного заклинания.

— нет

Мир сразу же как будто перевернул страницу.

Сознание девочки поглотила масса почти трёх тысяч «голосов» и затянула в свои глубины.

Множество *голосов* тоже очень хорошо знали того, кого видели.

«Это враг, которому мы должны отомстить».

— неправ да

«Это ненавистный враг, который убил нас».

«Это страшный враг, который не пощадил нас».

«Это бессердечный враг, который не спас нас».

«Это глупый враг, который пытался спасти нас».

— энки ду

«Это его вина».

«Это его вина».

«Что мы ничего не стоили».

«Мы не могли быть людьми».

«Мы не могли быть полезными для богов».

«Мы не смогли защитить сад богини».

«Нам даже не разрешили стать нормальным чудовищем».

— он нам не

«Мы должны убить его».

«Этого хочет Мастер». «Этого хочет богиня». «Этого хотят боги». «Этого хотят люди». «Этого хочет мир». «Этого хочет лес». «Я хочу этого». «Я тоже хочу этого». «Этого хотят дети». «Этого хотят все».

— _____

«Даруй ему смерть».

«Даруй ему разрушение».

«Уничтожь эту ужасающую *личность*».

«Убей эту отвратительную *куклу из глины*».

«Пусть страдает без всякого смысла, без всякой жалости и без всякой причины, пока от него ничего не останется».

× ×

— ____ __ ____ ____ _ __ _____ _ __ _____ __ ___

Рёв Берсеркер разнёсся по окрестностям храма.

В отличие от гласа Небесного быка его было недостаточно, чтобы сотрясти мир.

Но он нахлынул на Энкиду волной концентрированного безумия и кровожадности многих.

— !..

Одновременно с рёвом нимб Берсеркер вспыхнул, и в сторону Энкиду устремилось радужное сияние.

Еле увернувшись от него, Энкиду попытался воспользоваться импульсом и скрыться среди деревьев, но Берсеркер, усиленная командным заклинанием, помешала ему это сделать.

Свет бедствия разлился во все стороны, уничтожая лес вокруг.

Разрушения не достигли храма, но страж знала, что делает. Она не собиралась позволить Энкиду добраться до безопасной зоны.

Радужное сияние преследовало божественное оружие, которое металось по лесу, оставляя за собой золотой след.

Лучи бедствия вовсю ограничивали подвижность Энкиду. Один, например, создавал огненные торнадо, а другой с помощью волн холода возводил ледяные стены.

Разрубив появившуюся перед ним сосульку, Энкиду заметил, что внутри льда скрывалось ещё одно бедствие: болезнь.

Энкиду знал, что для него это было смертельно, и поэтому направил всю свою силу на изменение траектории, но…

Страж всё предвидела. Она находилась в позиции для полностью заряженного удара.

Ударные волны, высвобожденные частью её тела, которую можно было считать правой рукой, обрушились на Энкиду.

Он врезался в стену земли, поднявшейся под чарами Иштар, по пути повалив немало деревьев.

Будучи стражем этого леса, раньше Берсеркер не предпринимала действий, которые могли бы навредить деревьям, пережившим поток грязи.

Однако второе командное заклинание сняло эти ограничения.

Энкиду получил урон, но был далёк от исчезновения.

Берсеркер знала это и потому без всяких колебаний или жалости подняла левый кулак, чтобы превратить Энкиду в кучу грязи, коей он был в далёком прошлом.

Но, когда она ожидала этого меньше всего, перед ней возникла фигура.

Забания

— Непостоянная мимолётная тень.

Огромные конечности Берсеркер опутали стремительные пряди чёрных волос.

— Ты…

Обладательница волос, Безымянная Ассасин сказала Энкиду без всяких эмоций на лице, но с сильной волей в глазах.

— Насколько мне известно… союз, который я заключила с *вами тремя*, всё ещё в силе.

— Ты же…

Не успел Энкиду ответить, как…

Земля на краю леса вздыбилась и взорвалась, словно под ней проснулся вулкан.

И затем… из взрыва выпрыгнула сверкающая фигура, которая с огромной скоростью пробежала по поверхности чёрных вод и атаковала колоссальное тело Берсеркер.

За ударом последовала вспышка света.

Сияющая арка рассекла кожу Берсеркер, которая была твёрже стали и защищена множеством слоёв божественного благословения, и продолжила лететь к небу.

Рана была далеко не смертельной, но удар выбил Берсеркер из равновесия и сотряс землю.

Ассасин в свою очередь выпустила противника из хватки своих волос и пристроилась на стволе полузатонувшего дерева.

Мужчина, который нанёс удар, приземлился на выступающий из воды камень и ухмыльнулся.

— Верно… Мы же союзники, — сказал Сэйбер Энкиду, закинув на плечи то, что осталось от богато украшенного меча, предположительно, сломавшегося в результате удара. — Разумеется, я прибегу тебе на помощь в нужный момент. В конце концов, я этот союз и предложил.

И затем, невинно улыбаясь, словно мальчик, он заявил без тени злобы:

— Но, честно говоря, я почти забыл об этом!

× ×

Меньше минуты назад. В небе над западной частью Сноуфилда.

— Не нужно возвращать мне то, что ты уже проглотил, — тихо и безэмоционально сказал Тиа Эскардос огромному урагану.

Во время сражения с Лансером на орбите он использовал магию, способную уничтожить Лос-Анжелес.

Небесный бык проглотил «спутник» и сделал содержавшуюся в нём магическую энергию частью себя.

Незадолго до этого Тиа без всяких колебаний привёл в действие другие «спутники», заряженные магией.

— Пустая молва (Заводной) / Забвение (Аваддон) становится праздником.

Часть мира перестала двигаться.

Это была не остановка времени, просто физическое затишье.

Магия Тиа ускоряет и замедляет объекты, другую магию и даже концепции при достаточном усилии. С помощью силы «спутников», заряженных заклинанием, которое приводит атомарное движение как можно ближе к состоянию покоя, он начал напрямую замораживать сердце Небесного быка, источник тепла, создающий бесчисленные бури и дождевые облака – глаз урагана.

Идея замедления урагана с помощью сухого льда преобладает в научном сообществе, однако, если верить вычислениям, для того, чтобы снизить его скорость на несколько метров в секунду, нужны примерно дюжина «Боингов», загруженных этим льдом под завязку, и максимальная точность.

Только вот заклинание Тиа использовало для заморозки большую часть льда на Северном полюсе. Это оказало быстрое и огромное влияние на Небесного быка.

Энергия внутри Гугаланны замедлилась, затрещала, замёрзла и остановилась.

У капель воды, переносимых неистовыми ветрами, не было даже шанса превратиться в снежинки. Они застыли моментально.

Так началось возведение самой большой в мире ледяной скульптуры, изображающей ураган.

В ходе этого потрясающего спектакля стихийное бедствие, которое разрослось настолько, что могло полностью окутать Неваду, постепенно останавливалось, после всего лишь магической атаки.

Такого изменения температуры было достаточно, чтобы развеять обычный ураган. В любой другой ситуации это повлекло бы за собой серьёзные последствия для климата соседних регионов.

Однако Гугаланна был божественным зверем.

Физическим воплощением *господства богов* в виде буйства небес.

Любое проявление законов земли, будь то волна холода или жара, он отринет, подчинит себе и растопчет как своими законами, так и законами богов.

Бык занимал своё место на небе лишь потому, что ему это было по силам.

Он не нуждался ни в логике, ни в здравом смысле.

Потому что Власть богини была для него всем. Законы же стояли на втором месте.

Небо осветили сотни, тысячи, миллионы молний, а мир взревел раскатами грома, которые можно услышать лишь в момент сотворения или конца времён.

Он преобразовал всю свою магическую энергию в молнию, при этом продолжая поглощать ману вокруг себя, из-за чего покрывавшая его спираль дождевых облаков начала сиять.

Вихрь электрического света, сжатый до пятисоткилометровой длины, поразительно напоминал золотые доспехи Небесного быка.

— Ну ты и чудовище… — раздражённо произнёс Тиа, увеличивая скорость вращения своих «спутников».

Заклинание начало окутывать их бледно-голубым сиянием…

Эта магия могла превратить Сноуфилд в безжизненную пустошь на следующие десять тысяч лет, но когда Тиа уже готов был обрушить её с небес, под ним пронёсся яростный поток энергии.

— *Так ты используешь божественную силу… чтобы облачиться в молнии*?

Это был мститель, сжимавший лук размером с него самого.

— Бог морей заставил тебя влезть в шкуру критского быка?

Наблюдая с высоты, Тиа осознал, что это был Слуга, который не так давно вонзал в Гугаланну ядовитые змеиные стрелы.

«Он добрался сюда так быстро?»

Такая скорость была ненормальной даже по меркам Тиа.

Тело Авенджера перестало быть полностью человеческим.

Да, внешне он всё ещё походил на человека, но Тиа мог видеть, что находилось у него внутри. В его глазах этот мститель уже превратился в *нечто непостижимое.*

Его плоть срослась со зловещей дьявольской духовной основой, украденной у Джека-Потрошителя, а божественность, грязь, яд и непропорциональное количество магической энергии каким-то чудом уравновешивали друг друга.

Чтобы добиться такого абсурда, нужно нечто большее, чем человек, герой или бог.

Тиа увидел монстра, готового отбросить свою духовную основу и переродиться в нечто новое ради мести.

Сквозь щели в накидке из шкуры Немейского льва просочились слова вперемешку с проклятиями:

— Мне уже доводилось укрощать быков.

Его слова звучали холодно, но казались каким-то странным образом извращёнными.

Что же видел Алкид? Небесного быка или воплощение молнии богов?

— Твоему грому больше никогда не расколоть звёзды.

Пущенный им снаряд не произвёл магическую энергию в форме змеи, как это делали предыдущие.

Потому что вся энергия, необходимая для создания временной Гидры, была вложена в нутро тонкой стрелы.

Воздух сотрясся от звукового удара.

Но когда Небесный бык это заметил, наконечник стрелы уже вонзился ему в ногу.

Заднюю правую ногу толщиной с небольшой городок.

Колено и окружающие его части исчезли в промежутке между землёй и небом.

— *Несчастный бык, вместилище божественной ярости, порождённое морями в качестве подношения богам…*

Разочаровывающая развязка.

Он исчез, словно наполненный водой воздушный шарик, которого коснулась игла.

Как только стрела угодила в цель, всё её содержимое отвергло быка.

Наконечник, заряженный божественной аурой пояса Ареса, пронзил поверхность, которую защищала такая же сильная аура, после чего проклятие, яд и магическая энергия начали уничтожать быка, не мешая друг другу.

— *Стань же подношением человечеству и возвращайся обратно в землю Крита.*

Мститель, ставший демоном Алкид, оказался в шаге от своей совершенной формы.

Снедаемый ядом и проклятием, заплативший за это жизнью и рассудком.

Бывший герой целеустремлённо спускался в глубины узкой спиральной ямы.

И когда он достигнет дна, никто в Сноуфилде не сможет его остановить.

Никто.

Кроме царицы с силой полубога. *Той, у кого есть право отомстить мстителю.*

× ×

— !

Харли увидела Героическую душу верхом на большой лошади.

Это была Слуга, которая последовала за Сэйбером, выпрыгнувшим из огромной дыры в земле.

Яму окружала высокая ледяная стена, сотворённая чьей-то магией, чтобы не дать завладевшему лесом чёрному потоку проникнуть внутрь.

— Райдер?.. Какая сильная!..

Показатели Героической души развернулись перед глазами Мастера, словно сотовый узор.

Изучив силу противника, Харли сразу же перешла в оборону и окружила себя пчёлами, защищёнными лазурной бронёй.

Их жала будут бесполезны против Героической души.

Но Харли, главная жрица Иштар, не могла позволить себе просто стоять и смотреть.

— Кха...

Рой *пчёл* преградил Ипполите путь.

Моментально сообразив, что это были фамильяры, она начала озираться, пока её взгляд не замер на девушке, стоявшей у входа на верхний ярус храма.

— Жрица?..

Ипполита умело развернула своего скакуна и за один прыжок добралась до храма.

— Полагаю, ты охраняешь это место поклонения! Я должна попросить прощения за то, что не спешиваюсь в святилище! Прошу понять, идёт война!

Ипполита была не только дочерью главной жрицы Артемиды, но и царицей воительниц, охраняющей её храм.

Поэтому, несмотря на то, что это божество было для неё чужим, она высказала свою просьбу вместо того, чтобы без всякого уважения впадать в ярость.

— Я не имею ничего против твоей веры! Но преданность Мастеру не позволяет мне безропотно смотреть, как древняя богиня легкомысленно забавляется с людьми и подчиняет их себе! Поэтому я прошу божественный отголосок вернуться в незапамятные времена!

Ипполита смело объявила богине войну.

Пчёлы, управляемые девушкой, которая, судя по всему, была жрицей Иштар, окружили её...

Но Ипполита материализовала в одной руке огромный топор и взмахнула им, одновременно резко развернув лошадь.

Ветер, который был достаточно сильным, чтобы противостоять ураганным порывам, сразу же сдул рой пчёл, и всадница поведала жрице о своих намерениях.

— Как воительница и как царица я не хочу отнимать жизни без причины. Пропусти меня.

После этих слов Ипполита сжала поводья, приготовившись прорываться сквозь любые попытки жрицы ей помешать.

Воительницу беспокоила маска-череп, которая плодила тени в коридоре к внутреннему святилищу, но в её непосредственные планы эта проблема не входила.

Когда она решила, что делать, сверху раздался исполненный надменности божественный голос:

— Это кощунство, дочь западного бога войны.

— !

— Или мне называть тебя… военачальницей храма богини Луны?

Ипполита посмотрела вверх и увидела богиню на парящей лодке, сжимавшую в руке боевой молот в форме семи змей.

— Алайя не призывала тебя для защиты человечества, помнишь? Ты всего лишь Слуга в Войне за Святой Грааль. Хочешь изгнать меня ради людей? Мне кажется, эта шутка не очень-то смешная.

Её окружал яркий свет.

Не ослепительный ореол, а умиротворяющее и ясное сияние, которое вызывало успокаивающее ощущение, словно вид голубого неба.

Её оружие испускало поток энергии, а сама Иштар излучала свет.

Их сочетание защищало богиню от бесконечных теней, нападавших на неё со всех направлений.

«Божество. Ещё до вступления в эту битву я уже знала, что она на голову превосходит Слуг, несмотря на ограничения Малого Грааля, которым является её носитель».

Однако Ипполита не отступила. Сидя на спине лошади, она окинула свирепым взглядом владычицу небес и провозгласила:

— Причина, по которой меня призвали, не имеет значения! Моё тело – щит для угнетённых, а руки – клинки, дающие отпор! Таковая моя клятва богине Луны и отцу, богу войны!

После слов богини и смелого заявления воительницы жрица Иштар поняла, кем была Райдер, и с её губ слетело:

— Царица… амазонок.

В то время как Ипполита громко возражала и грозно смотрела на неё, Иштар закрыла глаза и вздохнула.

— Ну вот. Сперва презренный мусор, затем этот злобный Ассасин, а теперь ещё и ты…

Когда глаза богини вновь открылись, их мерцание стало невероятно холодным, потому что она высвободила всю силу своей Власти.

— Вы все слишком сильно меня недооцениваете.

На секунду показалось, что земля начала обрушаться, но нет, на самом деле это огромный храм взлетел в небо.

Золотая цепь, которая соединяла гарпун с пушкой, поднялась вверх, словно верёвочный мост, связывающий город с парящей крепостью.

— Что…

Даже Ипполита испугалась. Она помогла своей лошади сохранить равновесие и отвела её подальше от края, чтобы не упасть с трясущегося храма.

— Думала, я не замечу кучку мышей, снующих внизу?

Недра земли, на которой раньше стоял храм, оказались под открытым небом, явив её взору группу людей.

— Похоже, в основе плана лежала идея, что храм усиливает меня… Это правда, но если вы считали, что его уничтожение приведёт к моей смерти… Да, это кощунство.

Говоря это, Иштар подняла молот.

И начала заряжать своей магической энергией оружие, которое, согласно легендам, несло смерть её врагам без необходимости размахивать им.

— Однако должна признать, использование своей Слуги в качестве приманки ход довольно смелый. Сейчас я сотру этих магов в порошок, потому что не хочу видеть их в моём мире, но такие люди мне на самом деле очень нравятся.

Искренне заявив о своей симпатии к ним, Иштар приготовилась обрушить смерть на магов под храмом.

— Калион!

Скакун заржал и прыгнул, услышав своё имя из уст Райдер.

Взмыв посреди бушующей бури, словно невесомая, лошадь пересекла небо над лесом, отталкиваясь от летящих деревьев и парящих кусков земли.

— Неистовствуйте, Пояс войны и Диаматейя!

Ипполита высвободила силу своего Благородного Фантазма – пояса Ареса – и сменила топор на лук.

Божественная аура пояса наделила стрелу магической энергией, которая отличалась цветом от той, что переполняла храм.

Пролетев по прямой линии к Иштар, снаряд отразил удар молота, заряженного её аурой.

По пути он также снёс стены, возведённые богиней.

— Почти, — с бесстрашной улыбкой заявила Иштар падающей Ипполите. — Будь в этой эпохе владения Артемиды или Ареса, твоя стрела пронзила бы меня.

И затем, когда она направила на Ипполиту свой молот, с которым столкнулась стрела…

Откуда-то снизу в её сторону устремились сотни Гандров.

— !

Проклятия не пробили стены Иштар, но перекрыли ей обзор, дав Райдер возможность успешно приземлиться и занять позицию для защиты людей в храме.

На верхнем ярусе появились две фигуры.

Две женщины, платья которых резко контрастировали друг с другом. Одна в красном, другая в синем. Можно было легко сказать, что они обе являлись опытными магами.

— Успели. Досадно, однако, что до храма удалось добраться только тебе и мне.

Услышав слова Лувии, магессы в синем, Рин огрызнулась:

— Молодец, Гиена. Уж кому, как не грабителю могил знать нужные тайные ходы, поэтому я просто шла за тобой.

— Ну сколько мне ещё повторять? Называй меня «Самой элегантной охотницей в мире».

— Какая же ты «элегантная», если поправляешь меня в самый неподходящий момент… Погнали!

Посреди перепалки Рин пожертвовала драгоценным камнем, чтобы создать энергетическую пулю.

Почти одновременно с ней Лувия потратила целую кучу камней, чтобы возвести стену и обрушить на Иштар дождь снарядов, тем самым ограничивая её движения.

Вокруг двух женщин ползала *тень*, но она явно не собиралась нападать ни на них, ни на Ипполиту.

— Да и вообще, что это за *тень*?

— Вопрос хороший, но она нас не трогает, так что не обращай внимания! Если это ещё один союзник, то я жаловаться не буду!

— Действительно, мы слишком далеко зашли, чтобы беспокоиться о пустяках.

Несмотря на эти заявления, Рин и Лувия постоянно уделяли *теням* долю своего внимания.

Они, как и любой маг, видели, что тени, окружавшие храм, обладали глубокой связью со смертью, и что эта концепция смерти вовсе не обязательно была направлена на них.

Пока они знают своё место, она не причинит им вреда.

Это заключение помогло женщинам больше сосредоточиться на летающей богине.

— Так ты называешь себя богиней Иштар… Как-то не впечатляет. Хотя, полагаю, в мифах она именно такая и есть.

Рин попыталась задеть её дешёвой насмешкой, но… как ни странно, Иштар просто замерла в воздухе и с явным сомнением присмотрелась к Рин.

— Чего? У меня что-то на лице?

Рин, которая ожидала другой реакции, была в замешательстве. Богиня задумчиво открыла рот:

— Я тебя знаю? То есть настоящая *я*, а не эта гомункула.

— Кого? Меня? Месопотамская богиня? Не смеши меня, одно твоё присутствие здесь само по себе шутка. От тебя столько проблем, что такую встречу я бы запомнила.

Рин лишь смутилась ещё сильнее, но Иштар, похоже, нашла ответ.

— Если это чувство возникло только у меня, то дело в моей связи с другой версией тебя… А это значит… *что у меня нет причины не избавляться от тебя.*

Богиня кивнула и без тени сомнения подняла свой молот.

На женщин с неба обрушились невероятной силы ударные волны, но в последний момент стрелы Ипполиты нейтрализовали их... а тени воспользовались этой возможностью, вышли из состояния пониженной активности и хлынули вперёд, окружая храм и не переставая нападать на Иштар.

— Ох, может, хватит уже? Я уничтожила твою духовную основу. Долго ещё ты будешь исче...

Заметив, что происходило, она не договорила. Её лицо похолодело.

— А... Понятно. *Так вот ради чего всё затевалось.*

Райдер, Рин и Лувия укрылись внутри храма, пока тени скрывали их из виду.

— Мастера, зачем вы явились? Вам удалось попасть в храм, значит...

На вопрос Слуги ответила Рин:

— Прости, Райдер. Знаю, по плану мы должны были уничтожить алтарь изнутри...

— Но видела бы ты алтарь этого храма. Просто куча камушков, которые продаются в обычных ювелирных магазинах Сноуфилда. Мы не наши ничего с потенциалом катализатора или хотя бы художественным смыслом, — пожав плечами, закончила Лувия, «Самая элегантная охотница в мире».

— Божество стабилизируют не реликвии, а девушка, её Слуга Берсеркер и этот тупой ураган.

После дополнительных объяснений Рин Ипполита посмотрела в небо.

— Выходит, чтобы остановить изменение мира...

— Уничтожение храма замедлит процесс и немного ослабит её Власть... Но более эффективным решением будет устранение одной из трёх проблем, — с уверенностью сказала Рин. — Вариант А: ураган. Вариант Б: Берсеркер. Вариант В: гомункула, у которой внутри проклятие или божественный дух, неважно. И все, блин, выигрышные. Я сейчас разрыдаюсь.

— В этом, конечно, нет никакого изящества, но можно ещё избавиться от Мастера Берсеркер, не так ли?

Рин, у которой был опыт участия в Войне за Святой Грааль, покачала головой.

— Судя по тому, что я видела... у нас тут канал магической энергии, связывающий божество и жрицу. Если мы убьём или каким-то образом нейтрализуем девушку, то её права Мастера автоматически перейдут к так называемой богине.

Она на секунду замолкла и подумала о Берсеркер.

— Радужный ореол, страж владений Иштар... Учитывая информацию от Мари, которая наблюдала за сражением перед больницей, и командную работу с Небесным быком... Берсеркер – стопроцентно Хумбаба.

Хумбаба.

Страж сада Иштар, божественного кедрового леса в Ливане. Монстр, наводивший ужас на Гильгамеша в древнейшем эпосе, но в конечном итоге павший от руки Энкиду, когда они с Королём героев посетили лес. Говорят, что после смерти чудовищность Хумбабы стала частью мира и позже распространилась по греческим землям, повлияв на многих монстров, таких, например, как горгоны.

— Тот Сэйбер согласился сдержать Берсеркер… но мы, похоже, взвалили на него непосильную ношу.

× ×

Лес на западе.

Сэйбер увернулся от правой руки Берсеркер, но мощная ударная волна всё равно отправила его в полёт.

Движение Небесного быка уничтожило часть чёрного потока, а половина деревьев, которые подверглись воздействию яда и миазмов, упала на землю.

В любом другом месте они бы уже засохли, сгнили и исчезли, но, по-видимому, благословение богини, источником которого был храм, помогало им держаться.

После жёсткого приземления на ближайшее дерево Сэйбер посмотрел вверх и закричал:

— Какого дьявола?! Храм парит, Лансер! Это что, знаменитые Висячие сады Вавилона?

— Ни в коем случае. Этот храм не соответствует необходимым стандартам качества. Впрочем, как и богиня, которой в нём поклоняются, — ответил Энкиду, пытаясь удержать конечности Хумбабы золотыми цепями, появлявшимися со всех возможных направлений.

— Так вот как это работает? Тогда что насчёт теневых гейзеров? Я знаю, что это та же штука, которая перекрашивала тоннели под землёй…

Тени тянулись вверх повсюду, своей силой отвергая гравитацию. Они пожирали свет и преследовали летающую богиню.

— Это… тени ущелья, — пробормотала убийца без имени.

Она тоже участвовала в сдерживании Берсеркер, сочетая множество Благородных Фантазмов, чтобы не выпускать противника из-под контроля.

— Старейшина… использовал свою нить жизни в качестве сосуда, чтобы создать истинный вход в преисподнюю.

— Преисподнюю?

Слова Безымянной Ассасин заинтриговали Сэйбера, но, увидев, как Берсеркер разорвала цепи Энкиду, он не стал требовать дальнейших объяснений и поднял меч.

— Ладно, в таком случае Берсеркера можно назвать Цербером этой преисподней! Как здорово, что мне выпала возможность убить столько монстров за один призыв!

— Убийство монстров… Навевает воспоминания, — Лансер побежал вперёд рядом с Сэйбером. В его словах чувствовалась не только печаль, он явно винил самого себя. — Интересно, почему… ведь в том лесу не было никаких монстров.

— …

Сэйбер с невообразимой скоростью забежал Берсеркер за спину, но, услышав это, резко остановился, развернулся и произнёс:

— Твоих причин я не знаю… но ты не считаешь эту Слугу монстром, да?

Не отвлекаясь от разговора, Сэйбер приготовил свой Благородный Фантазм.

— Верно… Она человек… Как и все они…

Сэйбер наполнил меч магической энергией, а Энкиду направил всю силу в свои конечности.

— Благодаря ей я узнал о смысле жизни… Она мой первый друг.

Он сказал это себе, но его решимость не дрогнула.

Сэйбер поднял меч. Энкиду сказал, что огромный монстр, обрушивающий на них лучи бедствия, - «человек и его друг». Это было всё, что ему требовалось услышать.

— Ладно, прости, что назвал твоего друга монстром! Позволь исправиться!

Когда мерцание магической энергии сосредоточилось на его мече, Сэйбер ухмыльнулся.

— Сначала стиляга, теперь это… Как здорово, что мне выпала возможность встретить всех твоих удивительных друзей!

Слова без всякого стыда, но и без злобы.

— Достойный противник! Мы с Ассасин ей займёмся, а ты делай, что *задумал*!

— !

Сэйбер понял, что цель Лансера заключалась не в победе над Берсеркер.

Но он не собирался критиковать его за это.

Сэйбер всегда добивался своего, делая то, что ему хотелось. И он верил, что Лансер был волен поступать так же.

— Настоящему мне… нет места в столь поразительном месте. Должно быть, он всё ещё горит в чистилище, а это было моим самым сокровенным желанием. Я это к тому, что… эта версия меня – копия фальшивки. Детали не важны. Меня заботит лишь тот я, который находится сейчас здесь.

Что-то похожее он сказал и про Аяку ученикам класса Эль-Меллоев.

Он помнил войну, когда людей с разных сторон объединила общая цель.

Это был неприятный и в то же время захватывающий опыт.

Человек, воплотившийся Сэйбером, ценил свои сиюминутные порывы превыше всего и верил, что ради них стоило рисковать жизнью.

Он возвысился до Героической души, и получил возможность пусть и недолго, но снова нестись вперёд. Всё чего он добился в жизни, было ради того, чтобы заставить его сердце трепетать здесь и сейчас.

Если бы его призвали с другой духовной основой, всё было бы иначе. Весьма вероятно, что его философия *короля* проявилась бы гораздо ярче в других формах, преимущественно в классе Райдер.

Но в этом призыве он был рыцарем, а несколько дней назад ему удалось найти желание для Святого Грааля.

Он обзаведётся союзниками и пойдёт в бой рядом с ними. Но в остальном он станет поступать так, как велит ему сердце.

Он не из тех, кто будет мешать союзникам делать то же самое, даже если захочет.

— Век наш короток, а все воспоминания исчезнут, когда мы вернёмся в Трон! Но *записи* сохранятся навсегда, словно страницы в книге наших жизней!

Он усилил блеск своего меча, и его сияние отразилось от влажной почвы.

Заметив это, Берсеркер отвлеклась от Безымянной Ассасин, повернула к нему верхнюю часть своего тела и начала готовить к атаке свой ореол.

— Если однажды - возможно, после того, как человечество и эта планета встретят свой конец – наступит день, когда настоящий я покинет чистилище и сможет прочесть эту «книгу»...

Сэйбер с искренней радостью улыбнулся, несмотря на то, как серьёзно он относился к своему внутреннему конфликту.

— ...то меньшее, что я могу сделать, это написать страницу, которой я буду гордиться, верно?

И прежде чем Берсеркер успела высвободить своё радужное бедствие...

Меч вечно далёкой победы
— Экскалибур !

Сияние охватило лес, резонируя со светом золотой цепи в небе.

Меч, не выдержав этого, превратился в пепел... но восходящая дуга рассекла тело Берсеркер и устремилась в небеса, по пути развеяв свет бедствия.

Первым Экскалибуром, который увидел Энкиду, когда они заключили союз, была обычная ветка.

Очевидно, что она не шла ни в какое сравнение с настоящим мечом, однако Энкиду мог сказать, что Благородный Фантазм стал заметно более развитым.

Героическая душа без конкретной цели в Войне за Святой Грааль обрела желание и официально заключила контракт со своим Мастером.

Энкиду не знал об этом, но одно ему было известно наверняка. Нечто в этой Войне за Святой Грааль помогло ему вернуть изначальную силу.

Наблюдая за ним со стороны, Энкиду с безмятежной улыбкой ответил:

— Я твой должник. Так вот что такое *союз*...

Занося эту субъективную информацию в своё тело, он посмотрел на гарпун, паривший в небе.

И затем коснулся рукой земли. Грязь под ногами Сэйбер засияла.

— !

К своему удивлению, Сэйбер увидел, что его окружили... копии знаменитых и бесценных мечей, созданных Эпохой Вавилона, Благородным Фантазмом Энкиду.

— Это мой скромный способ отблагодарить тебя. Не стесняйся, используй их, пока не сломаются.

Каждый меч считался настолько легендарным Благородным Фантазмом, что у Сэйбера не было даже шанса наткнуться на нечто подобное при жизни... но он без всяких колебаний взял один из них и начал вкладывать в него магическую энергию.

— Спасибо... Для друга стиляги ты слишком щедр.

Энкиду умчался прочь с редким для него выражением неловкости на лице, не в силах понять, говорил ли Сэйбер всерьёз или же просто шутил.

Поднявшись на ноги Берсеркер увидела Энкиду.

Пленённая безумием и силой командного заклинания, она протянула к нему правую руку без какой-то видимой причины.

Стержень богов, который когда-то убил её.

Ужасающее оружие. Ненавистный враг.

Но сейчас он повернулся к ней спиной.

Когда ярко-зелёная фигура покинула зону досягаемости её закованной в металл руки, она на мгновение увидела маленький цветок… но та часть её души, которая узнала этот образ, сразу же утонула в безграничной ненависти и страхе.

Тому, кто принёс им смерть и разрушение, они хотели воздать сторицей.

Простейший закон возмездия породил новый вид безумия.

И когда отрицательные эмоции поглотили всё…

Берсеркер ослепила очередная сияющая дуга.

× ×

Ощутив, как Сэйбер высвободил свой Благородный Фантазм, Энкиду прыгнул.

Его расчёты завершились последовательными предсказаниями, что Фантазм Сэйбера был могущественным, но не настолько, чтобы победить Хумбабу.

Он чувствовал сильный канал магической энергии между Иштар и Хумбабой, соединяющий их через храм и полностью затмевающий связь Мастера со Слугой.

Это означало, что если не заполучить контроль над храмом и не изгнать Иштар из этих земель, то разрушить духовную основу Берсеркер не получится.

В каком-то смысле Хумбаба стала ещё более грозным врагом, чем при жизни, когда Энкиду бросил ей вызов вместе с Гильгамешем.

«Но даже так… в первый раз было страшнее».

Одна только сила не пугала Энкиду.

Настоящий ужас внушало человеческое безумие Хумбабы – безумие, созданное богами – и то, как оно не уничтожало настоящие человеческие сердца глубоко внутри.

Гильгамеш, увидев её сейчас – связанную с храмом, находящуюся под контролем Иштар, с сокрытыми силой командного заклинания сердцами – даже бровью бы не повёл.

Но нельзя было отрицать, что образ прислужника богов, встав на передний план, дал ей силу, выходящую за ограничения Слуги.

Тем меньше причин для колебаний.

Он воспользовался Сэйбером, чтобы выиграть время.

Энкиду истолковал факты, и получилось, что «инструмент использует других в своих целях».

От этого противоречия в глубинах его духовной основы возникли трещины.

Но это был не повод останавливаться.

Он сам не знал, правильным ли был его *следующий* план действий.

«Может быть, моё желание никогда не сбудет, сколько бы раз чудо ни сводило меня с Гилом и Хумбабой. Я делаю это ради того, чтобы спасти друга? Или же вновь заставляю её принять нежеланное спасение?»

Энкиду решил, что он теперь сам себе инструмент, и поэтому ему нужно было довести дело до конца вне зависимости от ответа.

«Делай, что задумал!»

Он вспомнил слова Сэйбера.

Его Мастер желал того же.

— Как будто это так просто.

Могло показаться, что он жалуется, но в его голосе отчётливо чувствовалась радость. Записывающие цепи Энкиду воспроизвели сцену из прошлого.

Город Урук в эпоху, давно затерявшуюся во времени.

«Каким я был тогда? Остался игрушкой богов? Переметнулся и стал инструментом своего друга? Жил ради других? Или же ради собственных желаний, делая что вздумается?»

Став Героической душой с объективным взглядом на свою жизнь, Энкиду был в состоянии найти ответ на этот вопрос, но счёл соответствующие вычисления бессмысленными.

Теперь он мог лишь рассказать *девочке* о том, что увидел за пределами кедрового леса и кем он стал после отдыха там.

Именно поэтому Энкиду нужно было вновь уничтожить то, что Хумбаба защищала, рискуя жизнью.

Уничтожить законы богини, которая уничтожала человечество своими благословениями и контролем.

Ради этого он готов был пересечь любую черту.

Он собирался целиком пожертвовать своей духовной основой, чтобы преодолеть эту мимолётную фантазию.

Именно это стояло в его настройках под словами «То, что я хочу сделать».

— Он сказал, что я щедрее Гила… — пробормотал Энкиду, вновь вспоминая недавние слова Сэйбера. — А, я понял.

Хватка земли, извращённой Иштар, полностью остановила гарпун.

Оружие богов приземлилось на него и коснулось рукой его поверхности, объединяя снаряд со своей духовной основой.

Пришло время посадить в клетку зверя под названием «богиня».

— *Может быть, Гил стал таким стяжателем, потому что я тратил слишком много*.

К гарпуну размером со здание вернулась прежняя яркость…

…после чего он стряхнул удерживавшую его землю, разделившись на шестнадцать частей, и раскинулся над лесом подобно рыболовной сети.

Каждый из шестнадцати гарпунов был заряжен магической энергией Энкиду и неудержимо мчался вперёд, разрывая божественный воздух.

Однако по миру разнёсся ужасающий рёв, исполненный отчаяния.

— ____ __ ____ ____ _ __ _____ _ __ _____ __ ___

Заметив всплеск магической энергии Энкиду Берсеркер потянулась к нему, несмотря на то, что Благородный Фантазм Сэйбера опрокинул её на спину.

Она увеличила левую руку, буквально игнорируя законы физики, и попыталась сокрушить все части гарпуна и прикреплённые к ним бесчисленные цепи своими пальцами, каждый из которых стал размером с кедровое дерево.

Но...

Забания

— Необычное воспоминание.

Благородный Фантазм Безымянной Ассасин этого не допустил.

В огромной ладони было достаточно силы, чтобы уничтожить всё, чего она коснётся, но, столкнувшись со вставшей на её пути Ассасин, конечность Берсеркер превратилась в дым.

И не только она.

Тело Ассасин тоже исчезло в облаке утреннего тумана, которое унесло ветром.

— ____

Две секунды спустя, когда Берсеркер вновь начала чувствовать левую руку, она заметила, что её конечность приобрела прежние размеры, а Ассасин, целая и невредимая, стояла на коленях и тяжело дышала.

Это была поразительная способность Хассана Опьяняющего дыма, лучшего ассасина из всех старейшин, не считая Первого.

С помощью особого дыма этот старейшина вызывал у своих целей состояние опьянения, но его истинная сила заключалась в том, что он одурманивал себя, противника и саму реальность, стирая все возможные *границы* и буквально превращаясь в дымовой сигнал, очаровывающий мир. В бою это давало ему подавляющую способность свести на нет любую атаку врага.

В свои последние минуты жизни он отказался от этой техники и пожертвовал собой, чтобы защитить деревню. Именно эта история побудила Безымянную Ассасин развить в себе уважение к образу жизни Старика с горы.

Но даже убийце без имени не удалось идеально скопировать эту абсолютную технику. Если старейшина мог превратиться в туман на семь дней и семь ночей, то она потратила огромное количество магической энергии ради каких-то нескольких секунд.

Однако её действия явно изменили ход битвы. Можно даже смело сказать, что они стали решающим фактором.

Потому что в результате этого короткого столкновения Энкиду наконец-то удалось захватить цель частями своего гарпуна. Город Сноуфилд и храм оказались связаны *цепями Эпохи богов*.

× ×

Несколько секунд назад. В небе над западной частью Сноуфилда.

— !

Ощутив свет, который приближался к её ногам, Иштар заложила вираж на Маанне.

Еле увернувшись от Благородного Фантазма, прилетевшего с земли, Иштар посмотрела на Сэйбера и нахмурила бровь.

— Этот Сэйбер… Я знаю, что его Святой меч планеты – всего лишь *фальшивка*, но как ему удаётся использовать его так часто? В этом нет никакого смысла.

Сэйбер раз за разом высвобождал свой Благородный Фантазм, которому хватало силы наносить Хумбабе хоть и не смертельный, но существенный урон. Богиня могла похвастаться абсурдно большим количеством магической энергии, но запасам Сэйбера словно не было конца, из-за чего даже ей это начало казаться подозрительным.

— Та Аяка, которую обнаружил мой сосуд… возможно, представляет гораздо большую проблему, чем я думала…

Иштар закончила говорить и подняла свой молот, не переставая уклоняться от атак с земли.

Ослепительный свет рассёк вздымавшиеся вокруг неё *тени*.

Один взмах семиглавым боевым молотом мог породить мощную ударную волну, от которой не оправился бы ни один человеческий город.

Тени расползлись в разные стороны, чтобы окружить её, посягая на свет и закрывая небо мраком ночи.

Но они не могли затмить мощь богини Иштар.

— Я разгадала твой план, Плывущий в тени, — сказала она, стоя на Маанне и отталкивая все тени вокруг неё своей непреодолимой божественностью. — Ты объединил свою духовную основу с концепцией *смерти*!

Очарованный воздух превратился в огромную невидимую ладонь и остановил надвигающиеся тени.

— Нельзя ждать, когда ты исчезнешь, потому что твоя душа проникнет внутрь меня, и я сразу же сольюсь со *смертью*…

Лёгкий взмах Ситой – и в воздухе вспыхнул яркий солнечный свет, уничтоживший все тени, которые сдерживала невидимая ладонь.

— Ты оборачиваешься звоном вечернего колокола в попытке утащить противника в подземный мир вместе с собой. Поразительно, из всех Благородных Фантазмов в этой Войне за Святой Грааль твой оказался для меня самым непростым.

Она говорила со злобой, но без насмешки.

Иштар пыталась поддерживать своё превосходство, но уже признала, что её придётся несладко, если его план осуществится.

Не все шумерские боги бессмертны.

Конкретно богиня Иштар знакома с преисподней не понаслышке, ведь она встречала *смерть* много раз.

Самый известный из этих случаев – «Сошествие Иштар в подземный мир».

Согласно широко распространённому мифу, Иштар и её сестра Эрешкигаль были богинями, которые властвовали над двумя противоположными, но неотделимыми друг от друга концепциями. Одна повелевала небом, другая – подземным миром. И когда Иштар вторглась в подземный мир, чтобы позлить Эрешкигаль, сестра убила её.

Таким образом, проявление Иштар неизбежно добавило этой эпохе атрибуты Эрешкигаль, что лишило её способности игнорировать собственную *смерть*.

Если бы она воплотилась полноценным божеством… или если бы она осуществила свой план по переписыванию поверхности этой планеты и затем *вознеслась* до уровня, на котором у неё была бы возможность подготовиться к неизбежному появлению Противодействующей силы Гайи… то ей даже удалось бы использовать истории о её возвращении из подземного мира, чтобы снять ограничение с количества *смертей*. Хотя идея, что это помогло бы ей выстоять перед Противодействующей силой Гайи, была в лучшем случае сомнительной.

Тем не менее, она была всего лишь божественной *эманацией*, населяющей Малый Грааль. Она могла воспроизвести свою Власть, но бессмертной не являлась.

Будь Иштар в состоянии, которому неведома концепция смерти, для разрешения ситуации потребовалась бы сила стража ущелья, первого из Стариков с горы.

Иштар знала, что до этого уровня ей было ещё далеко. Её Власть помогала держаться от всей этой *смерти* на максимально возможном расстоянии, но проникновение внутрь неё самой концепции *смерти* представляло угрозу, от которой она не могла так просто отмахнуться.

— Я не стану спрашивать, что тобой движет. Шанс уже упущен. Благословенна будь твоя человеческая решимость.

Иштар с достоинством окинула *тени* серьёзным взглядом.

Она высоко подняла молот, посылая сообщение всем теням на планете, не только тем, что её окружали.

Её голос разнёсся над тканью мира.

— О храбрости зверья, осмелившегося поднять оружие на богиню, будет напоминать шрам, который останется на лике планеты.

Божественность сосредоточилась в одной точке, запечатлевая слова в бесчисленных тенях, окружавших её.

— Через тело моё и имя моё я заставлю вас познать смысл наречения этих земель второй горой Эбих.

Давным-давно богиня Иштар уничтожила гору Эбих и покорила её божественность.

На вершине она возвела храм и переписала землю, сделав своими владениями…

И сейчас она пыталась сделать это вновь.

«Мир», сжатый чарами Иштар, сосредоточился в одном кусочке неба.

Единственной капельке голубого цвета.

Это показывало, как много воздуха Земли собиралось вокруг молота богини.

В то время как все грозовые облака привлёк к себе Небесный бык на западе, яркость лазурного неба стеклась к Иштар, подчиняясь её воле.

Владычица небес осветила своим сиянием поверхность планеты, желая продемонстрировать, что в данный момент она была единственным божеством этого мира.

— Если «тени» этих земель отвергают меня…

Иштар сотворила искру света, принявшую форму мимолётной Венеры. Она очистит всю землю Сноуфилда, а изгоняющий свет развеет тени подземного мира, облачённые в смерть.

— *Тогда я сотру вас в пыль так же, как и вершину горы Эбих*!

Очищающая атака с целью уничтожить всё вокруг, кроме храма.

Берсеркер Харли неизбежно станет частью сопутствующего ущерба. Иштар просто забыла про неё или же собиралась выдать это за безнадёжное последствие того, что Хумбаба слишком отдалилась от защитных благословений храма? Неизвестно, что творилось в голове богини…

Иштар решила уничтожить Сноуфилд до того, как это сделают зачинщики с их «Падением Авроры».

— Разрушитель…

Сияние небес готово было обрушиться на землю, возвещая о времени суда.

Но тени не знали страха.

Не ведали спешки.

Хассан Бездонного разлома создал их не для того, чтобы выиграть время или отвлечь её.

Они были совсем другим, по крайней мере, до этого мгновения.

Но сейчас… тени скрывали поверхность от её Божественных глаз, и поэтому она упустила самый важный момент.

Момент, когда Энкиду вонзил гарпун в храм, соединив атмосферу Эпохи богов в лесу с крышей самого высокого здания в городе.

× ×

Верхний ярус нового храма Иштар.

Несколько мгновений назад Иштар начала собирать свет, чтобы создать в небе Венеру.

Райдер и пара её Мастеров ощутили этот невероятный всплеск энергии и вернулись на верхний ярус храма.

Они предполагали, что Иштар находилась где-то гораздо выше парящего сооружения, но *тени* образовали в небе идеальный купол, не давая им увидеть богиню.

Но они почувствовали концентрацию магической энергии с другой стороны теней, как будто всё небо начало искажаться.

И поняли, что близился конец.

— Плохо дело. Эта магическая энергия может всё здесь уничтожить! — сказала Райдер, призывая своего скакуна. — Перехватить её будет сложно, но я сделаю, что смогу! Мастера! Уходите в защиту! Нет времени отступать без магии телепортации!

Крик Райдер передался с помощью телепатии всем её Мастерам в лесу – ученикам класса Эль-Меллоев.

На сообщение ответил Вернер Цезармунд, их представитель.

«Ни слова больше. Перспективы у нас не самые хорошие, но с этим придётся смириться. Райдер, поступай, как считаешь нужным».

— Ты уверен?..

«Да. Я только что закончил со своей самой почётной '*задачей*'...»

— ?

«Можешь мне не верить, но сейчас будет лучше, если каждый начнёт действовать по своему усмотрению. Кроме того...»

Телепатическая связь начала ухудшаться. Видимо, Вернер уже начал работать над своей магией.

Но он успел закончить своё сообщение многозначительной фразой, в которой звучало доверие вперемешку со смирением.

«Эти две рядом с тобой – самые *неуправляемые* из нас».

— Anfang.

Ипполита повернулась к Рин, когда та начала зачитывать арию.

Разместив вокруг себя драгоценные камни, она усилила свою магию.

Пылающие небеса Я знаю круг Цветок защищает меня

— Brennender Himmel... Ich kenne den Kreis, Die Blumen beschützen mich, Der...

Услышав слова арии, Лувия сообразила, что делала Рин, и достала драгоценный камень, чтобы сотворить своё заклинание... но ей пришлось прерваться и выстрелить Гандром в цель за её спиной.

Проклятая пуля летела с огромной скоростью.

Но её остановил барьер.

Гандр, который мог раздробить бетон, развеялся, столкнувшись со стеной из лазурных пчёл, выстроившихся треугольником.

— Я не позволю... осквернить этот храм ещё сильнее!

Жрица Иштар и Мастер Берсеркер окружила троицу роем пчёл.

Лувия приготовилась устранить девушку и тем самым покончить с её магией, а Райдер – высвободить свой Благородный Фантазм, чтобы защитить Рин.

Но прежде чем они смогли это сделать, заклинание Рин подошло к своему завершению.

Однако этому тоже не суждено было осуществиться, потому что *гарпун Энкиду достиг храма*.

Во имя Аякса

— Aias der Tera… Чего?!

Когда Рин уже готова была произнести последнюю строку, в её тело хлынул «*мир*».

Чувство было такое, словно одно мгновение от другого отделяла целая вечность.

На Рин обрушилось столько энергии, что любой сошёл бы с ума, но эта внутренняя сила начала циркулировать по Магическим цепям с добрым намерением защитить её, не причиняя вреда ни телу, ни душе.

В этот момент… Рин переживала сон, ставший явью.

Дневное лазурное небо плавно перетекает в ночное. Это две стороны одной монеты. Изменившееся окружение напоминало подземный мир. Пейзаж вывернулся наизнанку, превратив далёкие *тени* в тёплый бледно-голубой свет.

— А?! Стоп, что?!

В то же время тело Рин и магия, которая хранилась в паривших вокруг неё драгоценных камнях, начали принудительно перестраиваться.

Обычно она бы уже вовсю пыталась сопротивляться… но Рин, как ни странно, приняла этот механизм, несмотря на замешательство.

Потому что эта *сила* хоть и впервые высвобождала свою магическую энергию, но обращалась с ней изящно, будто зная, что делает.

Это практически доказывало, что нечто, завладевшее её телом и Магическими цепями, постоянно занималось подобным в прошлом… или в будущем.

Но у Рин была ещё одна причина, чтобы не оказывать сопротивление.

Несмотря на то, что она лишилась контроля над своими цепями, благодаря своему магическому гению Рин с первого взгляда поняла, что эта сила готовила заклинание гораздо мощнее, чем *щит*, который она пыталась создать.

И… магия высвободилась.

Лувия, Райдер и жрица, управляющая пчёлами, стали свидетелями этого *момента*.

На несколько секунд волосы Рин окрасились в золото, а глаза приобрели ярко-красный цвет.

Но на самом деле их внимание привлекло заклинание.

Лувия слышала арию Рин и поэтому знала, что та собиралась сотворить непробиваемый щит Аякса в виде семи огромных лепестков.

Но на этом сходство заканчивалось. Лепестки цвета потемневшей почвы, окружённые бледно-голубыми огнями, поднялись в небо.

Всё выглядело так, словно…

Земля пыталась усмирить небеса.

× ×

В небе над храмом.

— Разрушитель Джебель Хамрин!

Иштар закончила произносить название своего божественного суда…

Имитация сияния Венеры превратилась в чистую энергию и начала свой спуск, неся разрушение и погибель.

Но именно в этот момент всё и произошло.

Тени перед её глазами внезапно исчезли.

— ?

Если говорить точнее, то всё только выглядело так, будто они исчезли. На самом же деле тени объединились с *миром*, поднимавшимся снизу.

Стали частью кусков земли в форме гигантских лепестков.

— *Что*…

Это было первое выражение сильного замешательства с тех пор, как она завладела телом Филии.

Но Божественные глаза Иштар сразу же расшифровали суть происходящего. Она всё поняла и прищурилась.

— Так вот к чему ты стремился… Неплохо сыграно, мусор…

Она уже давно чувствовала присутствие *подземного мира*.

Один из Слуг в городе явно им управлял.

Однако из-за ограничений силы Слуги и отсутствия совпадения с тем подземным миром, которого ей стоило опасаться, Иштар не стала воспринимать это всерьёз, посчитав что этого было недостаточно, чтобы воспользоваться ассоциацией с мифом и реализовать её смерть.

Но в считанные секунды ситуация изменилась.

В городе была связь с подземным миром: здание, в котором лежало тело Гильгамеша. И оно было соединено с этими божественными владениями из Месопотамии Цепью небес, созданной божеством из той же эпохи.

Воплощение отголоска Иштар в этом мире допустило появление другой богини, которая являлась её противоположностью.

Несмотря на это, Иштар была уверена, что *другая богиня* не явит себя, если она будет поддерживать полный контроль над телом Филии.

Но она просчиталась.

— Черноволосая магесса… Понятно теперь, что меня в ней смутило. Она была с угрюмой богиней в какой-то другой временной линии!.. — с отвращением взревела Иштар, сосредоточилась на *подземном мире*, поднимавшемся снизу, и обрушила на него силу, которая однажды уничтожила гору Эбих.

Небеса и подземный мир столкнулись.

Сияние и тень заполонили мир, распространяя ударные волны в воздухе над Сноуфилдом.

Свет и тьма пронеслись по небу. С верхнего яруса храма всё выглядело так, словно наступил конец света.

— *И всё же здесь тебе не подземный мир! Это мои владения, Эрешкигаль!*

Выкрикнув имя своей противоположности, Иштар использовала Власть в попытке подчинить себе поднимающийся подземный мир.

Она сосредоточила ещё больше магической энергии из воздуха планеты, создавая *свет* той, кто явно украла бы небеса всего мира, если бы могла.

— Если ты думаешь, что я позволю твоей Власти пройти сквозь лазурное небо, то ты…

Не договорив, Иштар резко повернула голову.

К ней что-то приближалось.

Что-то, созданное для убийства богов вроде неё.

Но когда она заметила это, было уже поздно.

Нечто летело в её сторону с востока. Слишком быстро, чтобы увернуться.

У неё не было времени маневрировать на Маанне. Одно неверное движение – и она угодит в лапы *подземного мира*.

Несмотря на это, Иштар решила вложить всю божественность в защиту от неведомой угрозы.

Она подняла левую руку, которая не была занята боевым молотом, направила её на восток и задействовала свою Власть в полную силу, чтобы остановить *нечто*.

Но *нечто* продолжало двигаться по прямой линии быстрее скорости звука, пронзая ударные волны, порождённые светом и тьмой, и сокрушая всю Власть на своём пути.

Это была стрела.

Обычный снаряд с железным наконечником, совсем не похожий на демонические стрелы мстителя.

Но её Божественные глаза всё видели.

Эта маленькая стрела предназначалась для богини Иштар.

На самом деле можно было сказать, что её создали специально для того, чтобы свергнуть *божество* с небес.

«Почему она существует? Никогда о таком не слышала. Даже в эпоху Урука не было ничего подобного…»

Сильное потрясение завладело богиней, опередив страх и гнев. Будучи не в силах ясно мыслить, она поставила на кон свои жизнь и кровь, пытаясь уничтожить стрелу.

Но было уже слишком поздно… Наконечник стрелы бесшумно коснулся левой руки богини.

Пронзив ладонь, стрела продолжила лететь, разрывая конечность *сосуда*, находившегося в процессе становления божественной плотью, после чего потеряла скорость и устремилась к земле.

Её удалось убрать жизненно важные органы с траектории полёта стрелы, но это уже ничего не значило.

— …

Тьма *подземного мира* вцепилась в разорванную руку, внедряя в её тело *тень* в форме души Гарулы – концепцию смерти.

Иштар знала, что её душа слилась со смертью и что её утаскивало в подземный мир под ней, но всё равно решила поговорить со скоплением теней.

— Ассасин… Сколько из этого ты предвидел, Плывущий в тени?

Тени постепенно теряли форму, и она больше не чувствовала в них ничего, похожего на эго.

«Он достиг предела и больше не может сражаться. Вот только какая разница? Его душа, слившаяся со *смертью*, в любом случае попадёт в сосуд Малого Грааля».

Власть Иштар могла бы удержать поток смерти от проникновения внутрь, но после того, как стрела уничтожила всё божественную защиту, уловок у неё больше не осталось.

— Я знаю, что ты не считаешь меня божеством, но… можешь собой гордиться.

Полная бравады улыбка – и тело Иштар камнем упало вниз.

— Несомненно, ты… заставил лазурное небо услышать звон вечернего колокола.

Лёжа на вершине храма, богиня обратила взор своих Божественных глаз на восток, высматривая ещё одну тень.

И наконец-то нашла её.

Фигуру того, кто пустил стрелу, сокрушившую её Власть и поразившую *бога*.

Он стоял на одном колене на крыше полицейского участка, направив на неё большой лук.

Наёмник-заклинатель, лицо которого сохранило детские черты.

Не интерлюдия
「Тост за отражение лазурного неба в лужице」

Полицейский участок. Крыша.

После выстрела из большого лука в сердце Сигмы воцарился удивительный покой.

Если он по какой-то причине промахнётся, то всё будет кончено, но наёмник был уверен, что попадёт в цель.

Дело было не в том, что он доверял своим навыкам.

Просто этот лук существовал лишь для одной цели: убийства божества, коим являлась Иштар. И Сигма это знал.

— Если честно… я не думал, что он окажется настолько эффективным, — спокойно прошептал Сигма.

— Лук для охоты на богов, значит? Лично у меня по этому поводу смешанные чувства, но ладно. Это далеко не первая нечестная штуковина, которая обращает причинно-следственную связь и никогда не мажет, — произнёс сидевший рядом силуэт мускулистого охотника.

Увидев на его лице серьёзное выражение вместо привычной ухмылки, Сигма молча прокрутил в голове минувшие события.

Историю создания этой стрелы.

× ×

Менее часа назад. Полицейский участок.

— Я кое-что знаю о тебе, парень. Потянуло сегодня на риск, да?

Перед Сигма без всяких намёков на осторожность появился Дюма.

Сигма не стал сомневаться в его словах.

Дюма наверняка хорошо известно, что Слуга Сигмы не обладает атакующими способностями и что он не враг полицейским.

— Ого, я чувствую в нём нечто весьма отпадное, но у меня едва ли получится с этим работать. А если дальше улучшать уже некуда, то стрела сработает на богине и без моей помощи, — сказал легендарный писатель, глядя на *большой лук*, который ему вручил Сигма.

Этот лук родители Куруока Цубаки намеревались использовать в качестве катализатора для призыва Героической души.

— В общем, должен признать, что убийство божества вне моей весовой категории. Понадобится помощь эксперта, — Дюма пожал плечами.

— Знаю, что мы просим слишком много. Я готов повысить уровень твоей магической энергии командным заклинанием, если это необходимо, — сказал начальник полиции.

— Куда же без этого. Тебе придётся его использовать, но нам нужна дополнительная помощь, ясно? Мы тут пытаемся дать этому Благородному Фантазму усиление, которое мне явно не по зубам.

— Ты же в курсе, что я почти ничего не знаю про обращение с артефактами.

— Да речь не о тебе, братан. Я уже связался с профессионалом.

Сказав это, Дюма достал из кармана мобильный телефон привлекательного синего цвета.

Такую модель начальник никогда раньше не видел.

— Хм? Что это?

— Секретное оружие, братан. Своим я обзавёлся совсем недавно.

Дюма небрежно положил телефон рядом с луком и произнёс:

— Как слышно, учитель?

— *Громко и ясно,* — раздался голос из динамика. — *Качество звука совместимо с последней моделью от «Пелигор».*

— Подожди-ка, Кастер. Откуда связь?

Все линии уже были заблокированы, а это значило, что прибор принимал сигнал с помощью магии. Однако он настолько хорошо скрывал свою магическую энергию, что начальник не видел ничего, кроме обычного телефона синего цвета.

— Это особая модель.

Затем Кастер задал вопрос, обращаясь к телефону:

— Ну так что, учитель? Есть интересные идеи?

— *Вряд ли у меня получится впечатлить одного из мастеров литературы… но сейчас не время сомневаться.*

— Этот голос… неужели… Лорд Эль-Меллой?!

— *Как я уже сказал, буду очень признателен, если Вы не станете забывать про «двойку» в моём имени.*

Лорд Часовой башни, с которым Орландо разговаривал несколько дней назад, когда заключал союз с Флатом.

«Та беседа связала наши судьбы? Поэтому связь стала возможна?»

У начальника было много вопросов к Кастеру, но он решил, что прерывать разговор только ради этого будет неуместно, и поэтому произнёс:

— Прошу прощения, Лорд Эль-Меллой II. Я тоже хотел бы попросить Вас о помощи.

И вот Дюма приступил к работе под руководством Эль-Меллоя II.

— *Первое, о чём стоит спросить… действительно ли лук Куруока принадлежал Цинь Шихуанди? Это очень важно, но, учитывая анализ Кастера и информацию Сигмы, думаю, можно смело сказать, что он настоящий.*

Дюма сел за свой стол и начал быстро писать, внимательно слушая голос Эль-Меллоя II.

Рядом со столом был установлен старомодный котёл, наполнявший воздух причудливым ароматом.

Кастер положил лук в котёл, воплощённый его Благородным Фантазмом, после чего принялся бросать туда же страницы *рукописи* по мере их готовности. Крайне сюрреалистическое зрелище.

Сигма знал, что обычно он пересобирал вещи одним касанием, но, как объяснил сам Дюма, крупные проекты требовали более сложной процедуры.

— *Предположим, наш божественный дух – это шумерская Иштар. Или нечто, что можно классифицировать как Иштар. Она властвует над небесами. Идём дальше. В этом городе присутствуют остатки похожего на Зеркало души мира, в который не так давно угодил мой ученик... то есть элементы преисподней. Если они настоящие, то высока вероятность, что аспекты Эрешкигаль и шумерского подземного мира тоже явят себя. Однако я всего лишь принимаю желаемое за действительное, это ни в коем случае не наблюдения, на которые следует полагаться*.

— В чём же тогда план, учитель?

Преподаватель магии угрюмо дал свой окончательный ответ великому писателю, который то и дело называл его «учителем».

— *Аналогия*.

— Аналогия?

— *Из этого лука убили морское божество в ходе экспедиции Сюй Фу, которую затеял одержимый поисками бессмертия император. То есть воплощение океана. Скорее всего, «красавица в красном», о которой говорил мистер Сигма, - это облик, который принимает морское божество в случае попадания в подземный мир*.

После этих слов тон Эль-Меллоя II смягчился, потому что он перешёл непосредственно к самому трюку.

— *Океан синий, потому что в нём отражается небо. Если будем отталкиваться от этого, то у нас может получиться произвести фальшивый акт* ***убийства бога***.

Слова Лорда о том, что такое «может получиться», повергли начальника полиции и Сигму в шок, в то время как Дюма лишь радостно водил пером по бумаге.

— *Только если Ваша Героическая душа говорит правду о своей абсурдной способности переписывать Благородные Фантазмы... но я в этом не сомневаюсь. Это мелочь в сравнении с эманацией богини, призвавшей Небесного быка*.

— Как скажете.

Этими словами Дюма хотел поставить разговор на паузу и сосредоточиться на письме, но Эль-Меллой II попросил его остановиться.

— *Подожди. От переписывания не будет никакого толку, ведь у китайского фольклора нет ничего общего с шумерским. Круглая деталь не удержится в квадратном отверстии без* ***переходника. Вернер же там с вами, верно****? Придумай ритуал реинкарнации лука, задействующий его магию бабочки... Начать работу с шумерским содержанием стоит с использования формулы, полученной на основе изменения символов и мифов о Стрельце. В данном случае это Пабилсаг и*

Хирон, а также всадники, считающиеся прообразом кентавров... Ах да, миф о том, как Хоу И сбил из лука девять солнц, тоже более чем годится.

От этого потока знаний у Сигмы закружилась голова. Он понял, что по количеству информации ему никогда не превзойти мага Часовой башни.

Сухие познания чередовались с личными жалобами, но Эль-Меллой II не переставал говорить, стараясь дать лучшему писателю Парижа как можно больше *материала* в столь сжатые сроки.

— *Венеру любили на протяжении всей истории, называли сияющей Утренней звездой, наиболее близкой человечеству. Другими изображениями Утренней звезды являются Люцифер и наша богиня в лесу, которую позже тоже стали считать дьяволом. Поэтому мы можем выстроить какую-никакую рабочую логическую цепочку, если интерпретируем это как использование величия Цинь Шихуаньди для изгнания злых духов. Блин, это же с* ***него*** *началось смешение восточных и западных мифов. Всё должно красиво встать на свои места, если мы используем формат из эллинистического периода. Передайте Вернеру или Свену, дальше они сами разберутся... Флат бы сделал всё это чисто по наитию... Он не понимает, что именно поэтому и не может выпуститься...*

Лекция Эль-Меллоя II начала затрагивать множество других тем, а Дюма продолжал трудиться, руководствуясь получаемой информацией.

Сигму поразило то, как Кастер сразу же принялся переписывать мифы, но больше всего его насторожила речь Эль-Меллоя II, в ходе которой он то и дело запинался.

До наёмника доходили слухи об этом человеке.

Что на фоне его талантливых учеников, которых можно было сравнить с океаном, он казался в лучшем случае лужицей.

Другие слухи рисовали его ужасающей фигурой, «Герцогом-разбойником».

Сигма узнал, почему.

Потому что сейчас эта лужица отражала синий свод и пыталась создать запоминающий образ неба на морском горизонте.

Эль-Меллой II говорил так, словно видел всё происходящее с высоты птичьего полёта, но его даже в Северной Америке не было, не говоря уж о Сноуфилде. Однако он бросил вызов таинству, словно столкнулся с ним лицом к лицу... То, как настоящий маг хладнокровно обсуждал *убийство бога*, на самом деле очень тревожило.

— Почему Вы так много делаете для нас? Какая в этом выгода для Часовой башни? — не выдержав, спросил он.

И Эль-Меллой II ответил:

— *Сокрытие таинства. Спасение мира от угрозы. Маги не герои, но я верю, что в такой ситуации каждый должен что-то предпринять... Хотя признаю, что в моём случае это даже близко не благородное самопожертвование*.

— Тогда почему?

— *Будь в этом городе только мои выпускники, я бы сказал, что они сами решили отправиться навстречу смерти. Я не вправе останавливать их, поэтому и*

помогать нет причины. В конце концов, я вручил им дипломы, потому что счёл их способными нести ответственность за сделанный выбор.

Судя по голосу, он страдал либо от мигрени, либо от болей в животе, но несмотря на это, Эль-Меллой II ответил ему со всей искренностью.

— *Но многие из моих подопечных, ввязавшихся в это дело, всё ещё учатся... Я несу ответственность за их решения. Если учитель закрывает на это глаза, то он ничего не стоит*.

— В этом вся причина?

Сложившаяся ситуация могла навредить его репутации в Часовой башне.

В тоне Эль-Меллоя II чувствовалось подлинное изнеможение.

Но в его ответе не было даже намёка на апатию или сомнение.

— *Нет ничего важнее, чем это.* ***Какими бы проблемными учениками они ни были, я сам решил принять их в свой класс***.

Примерно в то же время, когда Эль-Меллой II дал последний ответ, Дюма закончил *переписывать* большой лук с помощью Вернера Цезармунда и удалённого использования магии бабочки через другую телефонную линию.

— Для сыщиков, которые раскрывают дело лишь на основе полученной информации, даже не появляясь на месте преступления, есть своё определение. Их называют «кабинетными детективами».

Дюма взял в руки меняющий причинно-следственную связь лук, который стал Благородным Фантазмом с концепцией уничтожения владычицы небес, и выразил искреннюю похвалу человеку, говорившему с ним по телефону.

— Вы просто нечто, учитель. *Вы убиваете бога, не заходя на место преступления*.

× ×

Верхний ярус храма.

— Иштар! Моя богиня, о нет, нет!..

Парящий храм неистово содрогнулся и начал медленно опускаться.

Когда тело Филии упало на верхний ярус, она уже лишилась большей части своей божественности и не могла управлять храмом и землёй с помощью чар.

Райдер почувствовала опасность и уже удалилась вместе со своими Мастерами. В храме остались лишь рыдающая Харли и Филия, лежавшая у неё на руках.

— Этого не может быть. Иштар! А, а-а-а-а, если бы только... я...

— Не будь такой тщеславной...

Храбро улыбнувшись, остатки богини Иштар в теле Филии пальцами правой руки вытерли слёзы с лица её последовательницы.

— Ты всего лишь человек. Как ни старайся, тебе не повлиять на то, будет божество жить или умрёт.

— Иштар, моя богиня...

— Вот ведь глупая... Всегда боишься, следуешь за мной против своей воли...

Она провела с этой магессой всего несколько дней и сделала её своей главной жрицей лишь из прихоти.

Девушка не была выдающейся ни как человек, ни как маг, но именно это позволило Иштар быть более искренней в том, как она намеревалась общаться с живым человеком современного века.

— Слушай последний приказ богини, — сказала она, поглаживая Харли по щеке. — Позаботься... о Хумбабе.

Она произнесла настоящее имя Берсеркер голосом, полным милосердия.

— По ней, может, и не скажешь... но она на самом деле очень одинокая девочка.

Прежде чем закончить предложение, Иштар использовала остатки своей магической энергии, чтобы пробудить Маанну.

Небесная лодка затащила Харли в своё нутро и на последних парах начала удаляться от храма.

— Иштар! Не поступай так со мной, я не... я же ещё ничего для тебя не сделала...

— Да ладно, ты слишком бедная, чтобы хоть как-то достойно мне отплатить, и тебе это известно.

Эти слова были попыткой эмоционально отстраниться от неё, но богиня с успокаивающей улыбкой напоследок произнесла – может, в шутку, может, всерьёз – наблюдая за тем, как лодка уносит её жрицу прочь:

— Проживи долгую жизнь, стань богаче... и поднеси моему храму кучу лазурита, поняла?

И воцарилась тишина.

На западе всё ещё гремел гром и свистел ветер, но из-за того, что она постепенно теряла свои пять чувств, эти звуки словно доносились из другого мира.

Это могло указывать на то, что большая её часть уже была заточена в преисподней.

— Это не было похоже на тебя...

Тишину нарушил её зеленоволосый архивраг.

— Я не помню, чтобы ты когда-либо проявляла такую заботу о человеке.

В её голове промелькнула пара сотен возможных оскорблений, но вместо этого...

— Вообще-то я лично выбрала её на роль главной жрицы.

...богиня решила спокойно возразить.

— Мне не составило бы проблем уничтожить её по своей прихоти, ведь я стою на страже всего человечества... Но позволить моей девочке умереть из-за моих же ошибок... Это неприемлемо.

— ...

Услышав слова исчезающего отголоска богини, Энкиду отвёл взгляд и произнёс:

— Ты всё такая же высокомерная и безрассудная.

— Отрицать бессмысленно... ведь тогда я предам всё, чем я являюсь.

Душа Иштар представила Хумбабу, которая всё ещё сражалась перед храмом, и жрицу, поклонявшуюся ей в этой далёкой эпохе.

— Это оскорбило бы маленьких людей, обожающих небо в Уруке… Нет, неправильно.

Бросив взгляд в сторону улетающей прочь Харли, богиня заявила с нахальной улыбкой, высокомерие которой было секретным ингредиентом её абсолютной красоты:

— Это стало бы оскорблением для людей, обожающих небо в любой эпохе, и, что самое главное, для меня.

— …

— Тем, кто в конечном итоге подстрелил меня… был человек, — сказала Иштар, вспоминая юного наёмника, нанёсшего ей смертельный удар. — Не ты и не Эрешкигаль. Я пала от руки человека, который не принял мой новый божественный порядок.

— Почему ты говоришь это с такой радостью?

— Дело не только во мне… Людям больше не нужен ты или Гильгамеш… Человечество повзрослело и доказало, что может прочно стоять на своих ногах… Это расстраивает, несомненно… но радует гораздо больше.

Богиня исчезала в подземном мире, но улыбка не сходила с её лица.

— *Однако… мусору вроде тебя… этого не понять…*

Это была самая роскошная, благородная и красивая улыбка…

Способная тронуть даже сердце наёмника.

Храм достиг земли и развалился на куски.

Остались лишь руины, ставшие символом земли, которая лишилась богини.

× ×

Полицейский участок. Крыша.

Сигма не сводил глаз с неба на западе, вспоминая свой разговор с Эль-Меллоем II.

— Я почувствовал в его словах лжи. Слухи не врут, Лорды Часовой башни действительно поразительные личности.

— Хм… Вряд ли это связано с тем, что он является Лордом. Учителем? Да, тут я соглашусь. Не такой строгий наставник, как Хирон, но мне они показались похожими.

Сказав нечто, связанное с его прошлым, мальчик с кадуцеи тоже посмотрел на западное небо.

— Что ж, похоже, богиня пала и начала свой спуск в преисподнюю… Настоящее испытание начинается сейчас.

Сигма проследил за взглядом мальчика.

— Тем, кто непосредственно подверг её воздействию смерти, был Ассасин… Я про Хассана ибн Саббаха, не про девчонку. Но ты тоже сыграл важную роль.

Подстрелил богиню, наконец-то выступил на главной сцене Войны за Святой Грааль. Понимаешь, насколько это важно?

«Франческа и Фалдеус наверняка уже знают о произошедшем… Оправдываться больше нельзя».

Более того, тени уже сообщили ему, что люди Баздилота собирались развязать разрушительную войну на улицах города.

Представляя себе реакцию начальника на новость об *информаторе* в рядах полиции, Сигма чувствовал, как проблемы наваливались на него одна за другой.

Наёмник поднял голову, тихо, но с твёрдой решимостью.

— Ага…

«У Ассасин… всё хорошо? Должно быть, она продолжает следовать своей вере. Значит, я должен сделать то же самое…»

Наблюдая за *огромными спиралями молний*, которые по-прежнему присутствовали в небе на западе, Сигма присвистнул и полушутя произнёс:

— Похоже, ещё несколько дней выспаться мне не удастся.

Связующая глава
「Как-то среди раскатов грома」

Несколько часов спустя. Где-то в Сноуфилде.

— Вы все… должны уйти сейчас же, — сказал юноша-сверхчеловек, обращаясь к магам, стоявшим на земле.

— *Ты* же лучше всех должен понимать, что мы не можем.

— Флата больше нет. Если бы его можно было как-то вернуть, я бы уже давно это сделал, — ответил Свену юноша в небе – Тиа Эскардос.

Тиа, вокруг которого вращалась ошеломляющая магическая энергия в форме «спутников», пытался прогнать собравшихся внизу магов, учеников класса Эль-Меллоев… с помощью слов.

— Вы не обязаны оставаться здесь и смотреть, как этот город перестаёт существовать.

Сказав это, он перевёл взгляд на грозовые облака, закрывшие собой всё небо.

Несколько часов назад ураган был Небесным быком и находился на западе.

Но теперь эта масса облаков, ожившие мощь и разрушение, бедствие, которое разрушит город, стало чем-то – или *кем-то* – совершенно иным.

— Я удивился не меньше вашего. Он смог забрать не только силу нашего Слуги… Джека-Потрошителя. Флат и я думали, что ему по силам красть только Благородные Фантазмы, но мы ошибались…

Ученики, способные чувствовать потоки магической энергии, сразу же поняли, что происходило.

Размеры урагана уменьшились с нескольких сотен до пары километров.

Но исчезновение Иштар в подземном мире нисколько его не ослабило.

Вся энергия вихря была сосредоточена в одной точке. В Слуге, если говорить точнее, который находился в эпицентре урагана.

Молнии озаряли небо и землю без остановки. Было очевидно, что любого, кто осмелится приблизиться, испепелит без шансов выжить.

— Я не предполагал, что ему удастся полностью украсть концептуальное ядро божественного зверя, — тихо произнёс Тиа, наблюдая за Слугой в центре бури, мстителем Алкидом. — Или вы… собираетесь разобраться с этим монстром?

— Разумеется, — сказала Ипполита, восседавшая на своём боевом скакуне. — Он… мой враг. Я остаюсь в этих землях лишь ради того, чтобы остановить его.

— …

Тиа молча посмотрел на Ипполиту.

Всего за несколько часов качество её духовной основы повысилось в разы.

Причиной тому была магическая энергия, поступающая от тридцати Мастеров и тщательно очищенная во избежание отторжения.

Но ему всё равно не верилось, что ей удастся победив демона, укравшего молнии богов.

— То есть вы решили не сдаваться и погибнуть в бою? Или, может…

Тиа вновь перевёл взгляд.

На тело Филии, Малый Грааль, в котором больше не обитало божество. Класс Эль-Меллоев взял её под свою защиту.

И на расстроенную женщину, стоявшую рядом с ней на коленях. Аяку Садзё.

— Она… всерьёз думает, что может быть союзником человечества? *Вам не кажется странным то, что она позволяет сразу двум Героическим душам раз за разом высвобождать Благородные Фантазмы? Она – бесконечный источник магической энергии. По-вашему, это нормально?*

× ×

Слова Райнес Эль-Меллой Арчизорт.

— Кое-какая наша собственность получила повреждения… Такое даже другие Лорды не смогли бы с лёгкостью раздобыть. Этот предмет недаром считался *сильнейшим Тайным знаком* Эль-Меллоев, пока Кайнет не довёл до совершенства Триммау.

Предыдущим Лордом Эль-Меллоем был Кайнет Эль-Меллой Арчибальд.

Девушка из его семьи вяло поведала историю о том, как Лорд лишился жизни в городе Фуюки.

— Да… Предыдущий Лорд лишился его в Фуюки, и это стало крупнейшей из наших пяти самых губительных потерь.

Райнес объяснила, что это был за предмет. Тон девушки намекал на то, что её это развлекало. Или же она просто пыталась спровоцировать слушателя.

— Один такой может вырабатывать достаточно магической энергии, чтобы неделями поддерживать целое здание, изолированное от внешнего мира… а если настроить сразу три на взаимодействие друг с другом, то естественная скорость восстановления их энергии взлетит до небес. Столетия назад Эль-Меллои обработали артефакты высочайшего качества, добытые в шахтах, и собрали идеальный реактор магической энергии. В нём не было ничего сверхвыдающегося, но его производительность могла поразить кого угодно. Он служил прекрасным доказательством слов «чем проще, тем лучше» и поэтому стал безупречным инструментом для семьи Эль-Меллой, славящейся своей гибкостью. Ну, нынешний сильнейший Тайный знак Эль-Меллоев представляет собой полную противоположность. В нём слишком уж много индивидуальности.

Девушка говорила с весёлой причудой, несмотря на то, что потерянное принадлежало ей.

Вышеупомянутым «нынешним сильнейшим Тайным знаком Эль-Меллоев» была горничная из ртути, которая стояла рядом с ней. Она служила символом их статуса одной из двенадцати семей Лордов Часовой башни.

— Наш уважаемый предшественник сказал, что вещи, которая только производит магическую энергию, не хватает артистичности. Поэтому он создал Триммау – она же Объёмная ртуть – и нарёк её новым сильнейшим Тайным знаком.

То есть предмет, который она описала, мог сравниться в абсурдности со сверхпродвинутой гуманоидной массой живой ртути, обладающей разумом.

— Хотя если бы предыдущий Лорд узнал, что мой брат установил в неё личность, чтобы мне было проще с ней обращаться, то назвал бы это шагом назад.

После этого замечания губы Райнес изогнулись в улыбке, и она вернулась к обсуждению *предыдущего сильнейшего Тайного знака*.

— Вы же знаете про Альбион, Могилу духа, не так ли? Последний дракон пытался прорыть ход в царство фей, но ему не хватило сил. Он умер, а его тело осталось в виде огромного лабиринта. Во времена расцвета Эль-Меллоев люди вовсю осваивали эти подземные ходы, и нашей семье благодаря искуснейшим политическим интригам удалось заполучить несколько фантазменных материалов, которые ушли на создание этих реакторов… Мы знаем, что наш предыдущий Лорд пал жертвой женских чар, поэтому, честно говоря, сама идея вывезти их из страны ради какого-то ритуала на Дальнем Востоке должна была красноречиво указывать на то, что он полностью сошёл с ума.

Райнес сделала глоток чая, явно наслаждаясь возможностью сделать несколько циничных замечаний в адрес своего родственника.

— Хуже всего то, что… когда его мастерскую сравняли с землёй вместе с отелем, в котором она находилась, кто-то их украл. Наш главный подозреваемый умер при нас, и с тех пор нам не удалось получить никакой информации о воре.

На этом Райнес остановила свой рассказ, чтобы обратиться к слушателю.

— Раз уж Вы занимались исследованием Войны за Святой Грааль города Фуюки, Вам наверняка известно об этом деле. Я про *жестокое убийство четы магов в многоквартирном доме Семина*.

Райнес с садистской улыбкой поднесла к губам чашку.

— Это, конечно, не Святой Грааль… но некоторые маги развязали бы ради него войну, — сказала она таким тоном, словно только и ждала, когда маги развяжут глупый конфликт из-за предметов, которые всё ещё находились неизвестно где.

— Ради набора из трёх реакторов магической энергии.

× ×

— Она… в конечном итоге станет врагом человечества. Прямо как я, — заявил Тиа, указав на стоявшую на коленях Аяку.

И первым на её защиту, как всегда, встал Сэйбер.

— Ты же знаешь, что люди не любят, когда кто-то строит из себя пророка. Да взять того же Сен-Жермена. Он ни разу не ошибался в своих предсказаниях, но все почему-то всё равно видели в нём лишь большую занозу в боку!

— Ты Сэйбер?

— Но если Аяка всё-таки станет врагом человечества, то я с радостью к ней присоединюсь. Если бой и начнётся, то вовсе не по вине Аяки. Как тебе такое пророчество?

Слова Сэйбера, может, и звучали беззаботно, но он уже был готов высвободить свою магическую энергию и в любой момент использовать Благородный Фантазм против Тиа.

— Я могу громко и уверенно заявить, что мой Мастер… что Аяка не станет врагом человечества. Правильнее было бы сказать, что человечество станет врагом Аяки.

Но опустошённая Аяка схватила Сэйбера за руку.

— Аяка?

— Нет… Я не Аяка, — сказала она. Её глаза и губы дрожали от тревоги и страха. — Я вспомнила… вспомнила всё!.. Я вспомнила…

Её взгляд упал на гомункулу. Когда остатки богини исчезли, Филия погрузилась в сон. Её *гипноз* перестал действовать, и плотина, которая удерживала воспоминания Аяки, рухнула.

Сполна ощутив на себе, что значит лишиться всех сил, Аяка всё равно хотела за что-то уцепиться. Поэтому она схватила Сэйбера за руку… и в слезах закричала:

— Это не я… Я не Садзё Аяка!

Она словно признавалась Сэйберу в своих грехах.

Словно полностью отвергала человека, которым до этого была.

— Я… Это была я… *Я «Маленькая Красная шапочка»*. Я это сделала… Я убийца.

Следующий эпизод [Fake09]

Послесловие

Давно не виделись. Это я, Рёго Нарита.

Ну что, наконец-то начали лететь головы.

«Ладно, буду следовать изначальному плану. Заставлю всех работать вместе и победить её в первой трети книги... НЕТ! Я не могу позволить ей проиграть так быстро! Она же не какой-то там кривой рейдовый босс! (рвёт рукопись)»

«Это уже больше соответствует тому, как её сила была изображена ранее... О нет, я сделал её слишком сильной! Такими темпами потребуется ещё два тома, чтобы разобраться с ней! (рвёт рукопись)»

«Ох, ладно, есть идея: _____ присоединяется к битве и _____ раньше, чем я планировал... Ну уж нет! _____ не допустил бы такой случайности! (рвёт рукопись)»

На самом деле я ничего не рву, просто удаляю текст в редакторе, но смысл в том, что мне пришлось переписывать больше половины этого тома целых три раза... Окончательным решением стало привлечь «кабинетного» детектива, мистера Эль-Меллоя II и большой лук господина нашей дорогой Сюй Фу, чтобы похоронить лазурное небо.

Столкнуть Венеру с тенями же, напротив, я задумал ещё тогда, когда впервые представил Истинного Ассасина, и мне хочется похлопать себя по спине за то, что это наконец-то удалось реализовать на бумаге!..

Как можно понять из последней сцены, нарратив «фэйка» удерживается на множестве столпов, и один из них - это то, какие элементы историй о Фуюки просочились в большой мир.

Поэтому Эль-Меллой II получил здесь столько «экранного времени», но я вообще-то не «Досье» пишу, так что это был его последний активный вклад.

Настал черед его учеников создавать новое будущее путём взаимодействия друг с другом и с Героическими душами. Помимо них, к своей кульминации приближается история Аяки и Сэйбера, а Сигма, следуя своему решению бороться с зачинщиками, наконец-то выходит на передний план вместо того, чтобы скромно ютиться в интерлюдиях.

В восьмом томе участники начали выбывать по принципу домино. Надеюсь вам нравится эта Фальшивая Война за Святой Грааль, которая, вероятно, продлится ещё два тома!..

К слову об интерлюдиях. Название одной из них – «Достаточно ли актёров в запасе?» - было временным. Я просто забыл это исправить перед тем, как отправить текст на вычитку. На что Насу отреагировал в духе «Срань господня, поверить в это не могу!», а моим единственным оправданием стало «Моя рука мне не подчинялась, вините её». Однако он не сказал «Не делай этого». Вот я и оставил как есть. Не говорите Насу.

Также многие исправители сказали мне, что их клинило, когда они читали «Нео-храм Иштар» в серьёзных сценах. Но я всё время говорил «Нео-храм Иштар» с невозмутимым лицом и даже не замечал, что это глупо, пока мне на это не указали.

Им тоже ничего не говорите. Ладно, я соврал. Я до сих пор говорю «Нео-храм Иштар» с невозмутимым лицом. Даже после того, как мне сказали, что это глупо. Ура!

(Это, конечно, очень весело, но у нас просто «Новый храм Иштар», - прим. перев.)

Ещё между этим томом и следующим произошло нечто крупное.

Аниме!

Да, аниме! Адаптация!

Спецвыпуск находится в разработке, а пятиминутное промо уже показали! Аниме режиссируют Энокидо и Сакадзумэ, которые работали над многими коммерческими и ежегодными видео для FGO. Промо уже в сети, так что посмотрите, если ещё не видели!

Изначально планировалось показать спецвыпуск, охватывающий весь первый том, но в силу обстоятельств он был отложен до лета.

Качество промо так меня очаровало, что я без конца бродил по комнате и бормотал, что буду ждать столько, сколько потребуется. Надеюсь, вы достаточно взволнованы, чтобы бегать кругами вместе со мной!

Моему редактору Анан-сану, которому я усложнил жизнь ещё больше, чем обычно, а также всем в издательстве и в II V, кто следят за моим графиком.

Членам команды «Fate», с которыми я многое обсуждал. Продюсеру Куросаки и его чудесному персоналу как за их работу с аниме, так и за новые справочные материалы по Соединённым Штатам!..

Мива Киёмине и Team Barrel Roll за исторические данные, связанные с магическим содержимым и одним Слугой. И ещё Мива отдельно за помощь с магией в аниме и некоторыми другими деталями, вроде заклинания безымянного мага для призыва Короля Героев!

Санда Макото за помощь с персонажами «Досье», деталями сеттинга и вообще за кучу полезных советов. Он отредактировал почти все слова Эль-Меллоя II и Райнес!.. Ну ничего, я отвечу тем, что внесу серьёзные правки в реплики Флата в следующем томе «Приключений»!

Мории Сидзуки, чьи замечательные иллюстрации как для обложки, так и для самой книги вдохнули жизнь в историю и придали персонажам глубины. И за работу над визуалом и сценарием для аниме!

И самое главное, Киноко Насу и всему составу «TYPE-MOON» за создание «Fate» и помощь в работе, а также команде «Fate/Grand Order», позволившей мне написать интерлюдии Энкиду... и всем читателям, решившим купить эту книгу, несмотря на долгое ожидание.

Огромное вам спасибо!

Январь 2023-го, празднуя баффы Гильгамеша и Энкиду в FGO.

Рёго Нарита.